

БУРДИН Е. А.

ПО СЛЕДАМ СПАСИТЕЛЯ:
история христианства в Среднем Поволжье
(VII–XV вв.)

ЧИСТОПОЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ ТАТАРСТАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

БУРДИН Е. А.

ПО СЛЕДАМ СПАСИТЕЛЯ

история христианства в Среднем Поволжье
(VII–XV вв.)

Издательство
«Корпорация технологий продвижения»

Ульяновск
2017

УДК 22
ББК 86.37-3
Б 92

Научный редактор: Руденко К. А., доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, искусствоведения, живописи и графики ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры».

Рецензенты:

Макаров Д. В., доктор культурологии, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова»;
Тихонова А. Ю., доктор культурологии, зав. кафедрой культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова».

Б 92 Бурдин Е. А. По следам Спасителя: история христианства в Среднем Поволжье (VII–XV вв.). Монография. – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2017. – 176 с.

ISBN 978-5-94655-308-7

Монография посвящена истории христианства на территории Среднего Поволжья в эпоху средневековья. До последнего времени эта тема являлась «белым пятном» и детально не освещалась. Опираясь на археологические и письменные источники, многие из которых ранее не использовались, автор проследил истоки и укрепление христианских традиций в регионе на протяжении длительного исторического периода – VII–XV вв. Эти процессы показаны на широком этнокультурном, религиозном и природном фоне, без которого было бы невозможно понять условия, в которых шло зарождение и становление христианства. Книга богато иллюстрирована, что позволяет визуально представить описываемые здесь уникальные объекты культурного наследия. Значительная часть фотографий отснята автором и публикуется впервые.

Монография написана доступным языком и рассчитана как на профессиональных историков и культурологов, так и на широкую читательскую аудиторию, людей, неравнодушных к духовной культуре Поволжья и страны в целом.

ISBN 978-5-94655-308-7

9 785946 553087

УДК 22+930.26
ББК 86.37-3+63.444(235.54)-7

© Бурдин Е. А., 2017
© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема, к которой я приступаю, является одной из самых важных для понимания наших духовных истоков. Несмотря на сложность и сравнительную малочисленность источников, она настолько интересна и увлекательна, что порой напоминала мне детективное расследование. В самом деле, множество запутанных (случайно или преднамеренно) историй порой требовали навыков работы следователя.

Как ни странно, но данный культурный и социальный феномен до сих пор толком не изучался, а сложившиеся ранее стереотипы об издавна укоренившихся в Среднем Поволжье религиях, особенно по отношению к христианству, и сейчас бездумно принимаются на веру как истина в последней инстанции¹. Поэтому я и взялся за этот труд, чтобы восполнить досадный пробел в нашей уникальной региональной истории. Уникальность заключается во многих вещах. Например, территория Среднего Поволжья издавна представляла собой котёл, в котором «варились» предки многих современных народов – русских, татар, чувашей, мордвы и т. д. Их притягивали к себе, как гигантский магнит, величайшая река Европы Волга и её пойменные и прибрежные земли (между прочим, имевшие обильные природные ресурсы – воду, луга, леса и пр.). Безусловно, это был богатый и плодотворный опыт межкон-

¹ Между тем, интерес к ранней истории христианства на территории различных регионов России в последние годы активно растёт, что проявляется в том числе и в количестве научных публикаций. См., напр.: Васильев Д. В. Новые сведения о христианстве в дельте Волги в предмонгольское время // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 158. – Кн. 3. – С. 666–672; Васильев Д. В. Христианские захоронения золотоордынского времени на Нижней Волге // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3. – С. 264–274; Семёнов Ю. В. Первые этапы христианизации восточно-финских народов (доимперский период) // Вестник чувашского университета. – 2009. – № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pervyye-etapy-hristianizatsii-vostochno-finskih-narodov-doimperskiy-period> (дата обращения: 12.10.2016) и др.

Создаются и публикуются новые труды по более поздней истории христианства в Среднем Поволжье: Бурдин Е. А. Затопленные святые Симбирского – Ульяновского края. – Ульяновск, 2017; Бурдин Е. А. «Благовестую земле радость велию, хвалите небеса божию славу» (Николаевский храм с. Старая Грязнуха) // Поволжский педагогический поиск. – 2015. – № 3. – С. 7–10; Бурдин Е. А., Рыбакова А. В. Знаменская церковь села Волостниковка // Вестник УлГТУ. – 2015. – № 3. – С. 7–9; Бурдин Е. А. Головкинское имение графов Орловых // Всеобщая история. – 2015. – № 1. – С. 3–13 и др.

фессионального общения и взаимодействия, когда здесь чаще всего мирно уживались язычники, мусульмане, христиане и носители других религий.

История христианства на территории Среднего Поволжья является не только весьма интересной и важной, но и своевременной темой. Дело в том, что российской наукой за последние 50–60 лет накоплены источники (прежде всего археологические артефакты), позволяющие более-менее полно осветить её. Только в пределах одного Спасского района Республики Татарстан в 1990–2000-е гг. археологи в процессе раскопок обнаружили ряд уникальных объектов, из которых выделяются два: кубок голубого стекла с христианской символикой второй половины VI в. н.э., найденный в одном из погребений Коминтерновского II могильника (1991 г.), и могила миссионера XIV в. с крестом византийского типа на территории Болгарского городища (2010 г.).

Христианство в рассматриваемый исторический период (VII–XV вв.) в Среднем Поволжье никогда не было доминирующей религией. Сначала господствовало язычество, затем, особенно с первой половины X в., всё больше укреплялся ислам. Возможно, приверженцы Христа жили здесь уже с VII в. Однако источники достоверно подтверждают их постоянное пребывание на указанной территории только с конца X–XI вв.

География, история и хронология. В географической, экономической и исторической литературе нет единства в определении границ Среднего Поволжья. Но практически во всех трудах в него включают Республику Татарстан, Ульяновскую и Самарскую области. Их я и взял как географическое ядро своего исследования, тем более что оно вполне вписывается в основные территориальные рамки такого раннегосударственного образования, как Волжская Болгария (X – первая треть XIII вв.), ставшего во второй трети XIII в. северной частью улуса Джучи, или Золотой Орды – Болгарским улусом (до середины XV в.). В VII–XV вв. на этих землях проживали племена, по этническому составу содержавшие преимущественно финский, угорский, тюркский и в меньшей степени славянский компоненты. Естественно, в разные исторические периоды их соотношение было разным. В некоторых случаях приходилось выходить за пределы заданных хронологических рамок, чтобы объяснить суть тех или иных явлений. Так было, например, с именьковской культурой, корни которой уходят в IV в. н.э.

Главной водной магистралью, стержнем, объединявшим все указанные регионы, являлась Волга. Она играла большую

роль в социально-экономическом и культурном развитии рассматриваемой территории. Правда, с 1957 г. старой Волги не существует, её заменил искусственный водоём озёрного типа – Куйбышевское водохранилище¹, поглотившее самую широкую в Европе Волжско-Камскую пойму, которую люди заселяли с каменного века. 80 % его прибрежных территорий приходится на Ульяновскую область и Республику Татарстан.

Очерченные географические границы вписываются в авторскую концепцию, согласно которой Волжская цивилизация – это уникальный комплексный (природный, культурный и социально-экономический) феномен, не имеющий себе равных ни в России, ни в мире. Это один из важнейших духовных центров нашей страны.

Во время работы над книгой наряду с другими известными методами исторического исследования я применял принцип «история, наложенная на территорию», который недавно успешно применил талантливый культуролог и писатель Алексей Иванов². Проехав лично по местам, связанным с ранним христианством в Среднем Поволжье (Шиловские курганы, Старомайнское городище (Ульяновская область), Болгарское и Билярское городища, Бальнгузское Торевское II селище (Республика Татарстан) и многие другие), я воочию увидел, в каком географическом и природном пространстве происходили описываемые мной процессы, события и факты. А посещения музеев, в фондах которых хранятся интересовавшие меня артефакты, помогли получить представление об их внешнем виде, фактуре и размерах. Визуальные и тактильные ощущения очень важны – без них невозможно реконструировать исторический процесс.

Источники. Нельзя изучать историю и без надёжных и достоверных источников. Если человек пытается это делать в условиях отсутствия в той или иной степени достоверной источниковой базы, то полученные результаты напоминают мне дом, построенный на песке, без фундамента, а поэтому готовый в любую минуту развалиться. Конечно, проще всего скачать множество непроверенной информации из интернета, не затрудняя себя поиском и анализом источников. Но какова в таком случае будет ценность проведённой работы? Ведь даже наличие источников (артефактов) не гарантирует высокого

¹ См. подробнее: Бурдин Е. А. Исторические аспекты и динамика развития российской гидроэнергетики в 1900–1980-х гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – Т. 7. – № 2. – С. 301–311; Бурдин Е. А. Кунеевский ИТЛ: проблема использования принудительного труда на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1949–1958 гг. // Вестник архивиста. – 2011. – № 4. – С. 167–181.

² Иванов А. Увидеть русский бунт. – М., 2012. – С. 7.

качества исследования – их надо уметь профессионально выявлять, систематизировать и анализировать.

Специфика выбранной темы предопределила узкий круг доступных источников – археологические и письменные. К первым прежде всего относятся артефакты, непосредственно связанные с христианской традицией (предметы с религиозной символикой – иконки, крестики, печати и т. д.), а также славянские (русские) предметы материальной культуры, которые могут служить доказательством проживания христианского населения¹. Правда, они, как правило, датируются XI–XV вв. В число вторых входят небольшие отрывочные сообщения в русских летописях и арабских сочинениях, дошедших до нас в более поздних списках (первые – в сводах XIV–XVIII вв.). Правильно прочитав и понять летописи помогли словари средневекового русского языка и сравнительно-исторический анализ имеющихся сведений. Как всё это сработало на практике? Читатель наглядно может увидеть результаты, внимательно прочитав книгу. Конечно, наилучший эффект получался тогда, когда археологические данные подтверждались письменными источниками или наоборот – как в случае с Феодором Иерусалимлянином (Болгарским).

Большим препятствием в моей работе были два фактора. Первый – весьма незначительное количество археологических артефактов (коллекций), связанных с христианством. Дело в том, что многие даже известные объекты культурного наследия (памятники археологии) Среднего Поволжья, например, Болгарское или Билярское городища, исследованы лишь в малой степени. Так, до 2010 г. учёные вскрыли около 20 тысяч м² первого, или 0,5 % от его максимальной площади (400 га в границах укреплений XIV в.). И только с 2010 г. и по настоящее время в результате широкомасштабных раскопок эту цифру удалось увеличить как минимум в два раза. То есть за 152 года, начиная с 1864 г., изучено всего лишь около 1 % территории. В Биляре до сих пор исследовано не более 20 тысяч м², или около 0,25 % от общей максимальной площади домонгольского городища (800 га с посадками) и 0,4 % от общей площади внутреннего города (490 га). А большинство объектов вообще не раскапывалось или подвергалось только разведочному изучению. Кроме того, начиная с 1990-х гг. во многих случаях учёных опережали так называемые «чёрные копатели» – археологические браконьеры, опустошающие культурный слой

¹ Кроме русских, в эпоху средневековья в Среднем Поволжье проживали и другие христиане – армяне, аланы, а также, вероятно, небольшая часть болгар и кочевников.

памятников. Второй фактор – необработанность уже имеющихся отдельных предметов и археологических коллекций в фондах научных учреждений и музеев. Зачастую нет даже обычного каталога, не говоря уже об электронной базе данных с полной информацией об артефактах и их фотографиями. У многих предметов отсутствовала атрибуция. При обнаружении не опубликованного ранее предмета требовалось получить разрешение автора на его фотографирование и публикацию. Многие артефакты хранятся в частных коллекциях и недоступны для учёных.

Хотелось бы сказать несколько слов о языке книги. Научно-популярный стиль изложения довольно-таки сложного в содержательном плане материала не только легче воспринимается читателями, но и предоставляет больший простор для умозаключений предположительного характера, не выходящих за рамки допустимого, а также для дискуссий по некоторым спорным проблемам.

И последнее. Ничто не исчезает бесследно. И деяния наших предков тоже. Часто приезжая в Болгар, я вижу материальные воплощения двух мировых религий, которые мирно существуют здесь вот уже много столетий. Это Успенская церковь 1734 г. и Большой минарет (возведённый в 2000-е гг. на месте рухнувшего в XIX в. сооружения) на территории Болгарского музея-заповедника, это Свято-Авраамиевский храм (переделанное культовое здание 1895 г. из соседнего ныне не существующего с. Порфировка, перенесённое сюда и действующее с 1988 г.) и новая открытая в 2012 г. Белая мечеть, а также строящееся здание медресе при въезде в районный центр.

В силу исторического характера проведённого исследования я намеренно почти не касался основ вероучения, догматики, обрядности и этики христианства. В данном случае моей главной целью было наконец-то узнать правду о появлении и распространении этой веры в Среднем Поволжье.

Глава 1

ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (VII–X вв.)

1.1. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ КАРТИНА¹: ФИННЫ, УГРЫ, СЛАВЯНЕ, ТЮРКИ

Авторитетный советский и российский археолог Н. Я. Мерперт (1922–2012) ещё в 1950-е гг. отметил, что «уже в эпоху бронзы Волга превратилась в важнейший путь, связующий <...> различные ландшафтные зоны, различные культурные области, разные этнические группы. Возможность широких связей, богатейшие пойменные луга, благоприятные условия для подсечно-огневого земледелия превратили Волгу в гигантский магнит, притягивавший к её берегам многочисленные племена с юга, востока, северо-запада»².

В самом деле, самая широкая в Европе Волжско-Камская пойма и примыкающие к ней надпойменные террасы до создания в 1956–1957 гг. Куйбышевского водохранилища обладали колоссальными биологическими ресурсами, необходимыми для проживания больших коллективов людей. Главным богатством данной территории были заливные луга, служившие кормовой базой для скотоводства и коневодства. Дело в том, что после весеннего разлива Волги и Камы на заливаемых землях оставался принесённый ил, который значительно повышал их плодородие и ценность. В конечном итоге урожайность пойменных лугов, травы на которых вырастали иногда в рост человека, в несколько раз превосходила урожайность таковых на возвышенных местах. Лесные массивы и кустарники вдоль Волги и Камы являлись не только охотничьими угодьями, но и источником деревьев для строительства жилых и хозяйственных строений, а также дров. В больших и малых реках и

¹ Учитывая сложность и слабую изученность религиозных представлений этнических групп Среднего Поволжья в данный период, а также главную тему и ограниченный объём книги, в этом параграфе я буду освещать только отдельные аспекты проблемы. Считаю, что такой подход поможет охватить некоторые важные, дискуссионные и малоисследованные вопросы, а также недавно сделанные открытия. То же касается и этнокультурных процессов.

² Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции). Т. 2. – М., 1958. – С. 45.

озёрах водилось большое количество разной рыбы, наиболее ценной из которой были осетровые – белуга, осётр, стерлядь и т. д. В голодные годы жители прибрежных селений часто выживали за счёт рыболовства. Водоёмы служили источниками чистой воды.

Естественно, что человеческие коллективы осваивали в первую очередь прибрежные районы Волги и Камы, хотя заселялись и возвышенные, удалённые от них места (водоразделы). Наиболее благоприятные в селитебном отношении территории занимали самые авторитетные и сильные группы людей. Вообще в средневековье в этой части Европы расселение чаще всего шло вдоль рек и их долин, служивших источниками воды, питания, транспортными магистралями и т. д.

Как правило, селения создавали не вдоль берегов Волги и Камы, а на некотором удалении от них, на надпойменных террасах. Это делалось для того, чтобы жилища и хозяйственные постройки не затоплялись во время разлива рек. Кроме того, местные жители стремились избегать военных набегов, совершавшихся пришельцами по воде (достаточно вспомнить новгородских ушкуйников). Но на примыкавших к указанным

Илл. 1. Участок Волжско-Камской поймы. 1946 г.¹

¹ Приложение к книге: Кузнецов В. А. Рыбы Волжско-Камского края. – Казань, 2005.

Напомню, что Волга делит территорию Среднего Поволжья на возвышенное, горное правобережье и низменное, преимущественно равнинное левобережье (особенно это было заметно до образования Куйбышевского водохранилища, затопившего всю пойму и первую надпойменную террасу). То же самое касается и Камы. Республика Татарстан, в которой находится подавляющее большинство объектов, связанных с христианством (по сравнению с Ульяновской и Самарской областями), расположена на востоке Восточно-Европейской равнины. Долинами Волги и Камы она разделена на три части: 1) правобережье Волги (Предволжье), в пределы которого заходит Приволжская возвышенность, расчленённая поймами рек и оврагами с крутыми обрывами к Волге; 2) левобережье Волги и правобережье Камы (Предкамье) – мягковолнистая равнина; 3) левобережье Камы (Закамье) с северными склонами Бугульминско-Белебеевской возвышенности.

В настоящее время Среднее Поволжье, как и в средневековье, является лесостепной природной зоной. Понятно, что процент лесов раньше был гораздо выше – их активно уничтожали люди в процессе хозяйственной деятельности.

Огромное разнообразие флоры, фауны и природных ландшафтов, отличавшихся исключительной эстетической красотой, также с глубокой древности привлекало сюда человеческие

Илл. 2. Панорама островов (возвышенности первой надпойменной террасы) в акватории Куйбышевского водохранилища с центральной части Болгарского городища (в средневековье там располагалась его подгорная и заречная части). Спасский район Республики Татарстан. 28.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

коллективы. В общем, образно выражаясь, волжско-камский магнит обладал мощной притягательной силой. В результате регион превратился в котёл, в котором перемешались многие народы. Думается, что не случайно название города Казань, согласно одной из версий, переводится как «котёл» – он и вправду является котлом, соединившим разные мирно уживающиеся этносы. Не случайно вдоль Волги и Камы зафиксирована концентрация различных объектов культурного наследия, в том числе значительного числа археологических памятников, начиная с каменного века и заканчивая поздним средневековьем.

Интересной и перспективной является проблема влияния природной среды на этнические и культурные процессы в Среднем Поволжье в рассматриваемую эпоху. Л. Н. Гумилёв утверждал, что монотонный ландшафтный ареал стабилизирует проживающие на данной территории этносы, а разнородный стимулирует изменения, которые ведут к появлению новых этнических образований¹. Средневожская лесостепная зона (разнородный ландшафт) идеально вписывается в эту схему и весомо подтверждает всеобщее мнение исследователей о полиэтническом, смешанном характере формирования населения Волжской Болгарии². Примером монотонного ландшафта может служить территория Прикамья и Приуралья в раннее средневековье, входившая в лесную зону. Появление здесь других народов не изменило этническую картину региона в целом, а традиционная финно-пермская этнокультурная доминанта сохранилась³.

Сейчас хорошо известно – коренным населением Волго-Камья являются народы финской языковой группы (предки современных мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.)⁴. Чтобы представить этнокультурную картину нижней границы рассматриваемого периода (VII–X вв.), прежде всего надо рассказать о так называемой именьковской культуре, или культурно-исторической общности⁵. Общепринято мнение, что она существовала в IV–VII вв. на территории Среднего

¹ Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990. – С. 192.

² В научной и научно-популярной литературе нет общепринятого термина для обозначения средневекового государства, созданного болгарями на Волге. Иногда пишут и говорят «Волжская Болгария» и соответственно «болгары», иногда – «Волжская Булгария» и «булгары». Отсутствие унифицированной терминологии вносит путаницу в сознание рядовых граждан, поэтому в этой книге я буду употреблять термин «Волжская Болгария» – по аналогии с Дунайской Болгарией. А обобщённое название одной из основных этнических групп населения Волжской Болгарии – это болгары. Также в литературе есть термин «ранние болгары», «праболгары» – так обозначают представителей преимущественно тюркоязычных племён, мигрировавших с VII по X вв. на Среднюю Волгу. Исходя из контекста к ним я буду иногда применять термин «ранние болгары» или просто «болгары». Такая же неразбериха происходит и со славянами – как правило, примерно до X в. их называют «ранние славяне» или «праславяне». Для удобства я также буду обозначать термином «ранние славяне». По отношению к более позднему времени считаю уместно говорить «славяне» или «русские».

³ Иванов В. А. Древние угры-мадьары в Восточной Европе. – Уфа, 1999. – С. 36.

⁴ Здесь и далее ссылки на общеизвестные факты и даты давать не буду.

⁵ Понятно, что данные термины и понятия носят условный характер и отражают преимущественно материальную культуру того или иного исторического периода да и то достаточно односторонне. Ситуацию усложняет полное отсутствие письменных источников или более-менее достоверных документов. Приведу простой пример. Если от XX–XXI вв. не останется никаких других источников, кроме археологических (культурного слоя), то, скажем, через тысячу лет учёные при раскопках практически всех населённых пунктов Поволжья (и не только) назовут нашу современную культуру «культурой пластиковых стаканчиков и бутылок», а преобладающим этническим компонентом признают, видимо, китайский этнос, поскольку значительная или большая часть обнаруженных вещей была изготовлена в Китае.

Поволжья – Самарской и Ульяновской областей и Республики Татарстан. Учёные выдвигали разные версии этнической принадлежности именьковцев: их считали балтами, тюрками, финнами и т. д. В 1980-е гг. начала набирать популярность выдвинутая самарским археологом Г. И. Матвеевой гипотеза о славянских корнях данной культуры, а именно о родственных связях с зарубинецкой культурой¹. Известный московский археолог В. В. Седов несколько позже выдвинул версию черняховского происхождения именьковцев². Но тогда археологического материала для обобщающих выводов явно не хватало, да и география привлечённых артефактов ограничивалась достаточно узким кругом памятников преимущественно на территории Самарской области и отдельных соседних регионов (Республика Татарстан).

Крайне важно, что к настоящему времени учёные выявили значительное количество фактов, указывающих на значительно более сложный характер этнических и культурных процессов, протекавших в Волго-Камье в I тыс. н.э., чем считалось раньше. Новые методы комплексного изучения археологических памятников, полученные серии радиоуглеродных дат, изменение подходов к этническим определениям на базе данных археологии помогли скорректировать прежние представления. Сейчас можно смело сказать, что в миграционных процессах I тыс. н.э. в Среднем Поволжье участвовали полиэтнические коллективы. В их составе были люди, говорившие на иранских, славянских, тюркских, угорских, финских и других языках. В результате шло формирование местных этнических групп: болгар, мордвы и т. д. По данным археологии, достоверное появление русского³ населения в рассматриваемом регионе относится к концу X–XI вв., причём шло оно из Верхнего Поволжья (подробнее об этом говорится в п. 2.1).

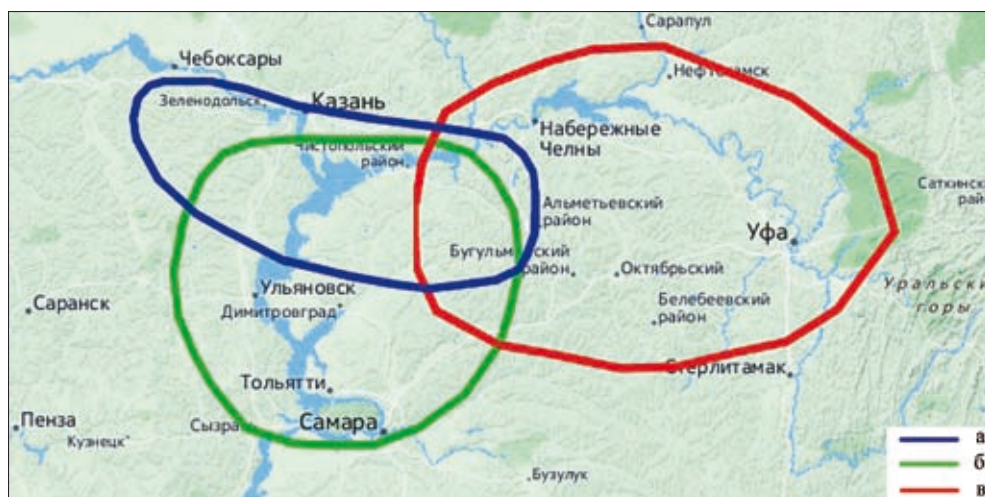
¹ Ради справедливости надо сказать, что первым гипотезу о славянской этнической принадлежности носителей именьковской культуры высказал еще в 1950-е гг. А. П. Смирнов.

² Черняховская культура – культура, располагавшаяся во II–IV вв. на территориях современных Молдавии, Румынии и Украины. Считается полиэтнической по составу – к ней относят праславян, балтов, даков, сарматов и т. д. Миграции после распада не прослежены.

³ Зарубинецкая культура – культура, находившаяся в период III/II в. до н.э. – II в. н.э. на территориях современной западной окраины России, востока и юга Белоруссии и Западной и Центральной Украины. Имеет аналогии с киевской культурой III–V вв. и некоторыми другими раннеславянскими культурами. Помимо праславян, в её формировании участвовали балтские и сарматские этнические группы. Считается предшественницей черняховской культуры.

³ Не путать с ранними славянами.

Илл. 3. Основные территории распространения некоторых культур Поволжья и Приуралья в VII–IX вв.: а – именьковская культура (по П. Н. Старостину); б – территория ранней Волжской Болгарии; в – кушнаренковская культура (угры и др.).
Графика Н. А. Горбунова. Составлено на основе: История татар. Т. 1. С. 190¹

Сравнительно высокий уровень хозяйства и социальной организации позволил именьковцам эффективно конкурировать с местными финскими и угорскими племенами, в результате чего иногда создавались смешанные по этническому составу общины. Некоторые некрополи² свидетельствуют о ранней тюркизации Урало-Поволжья, которая накладывала специфический отпечаток на этническую картину данного региона. Например, в 1991 г. Е. П. Казаков частично раскопал Коминтерновский II могильник (Спасский район Республики Татарстан), датированный второй половиной VI в. По мнению археолога, его оставили носители смешанной именьковско-турбаслинской культуры³, в состав которой входили поздние ираноязычные кочевники – тюркизированные восточные сарматы, мигрировавшие в Волго-Камье из Приаралья в результате социальных катаклизмов, сопровождавших образование Первого Тюркского каганата⁴. Исследования других объектов именьковцев

¹ Существует проблема с определением и локализацией на карте памятников именьковской культуры. Например, часть археологических объектов Самарской Луки IV–V вв. Д. А. Сташенков относит к киевской культуре, а также к местным вариантам, которые могли сосуществовать и с более поздними памятниками. Признанной в науке является карта П. Н. Старостина, хотя она несколько устарела. Но если брать то, что называлось именьковской культурой в 1970–1980-е гг., когда она была выделена, то это объективная картина. В попытках обновить имеющуюся концепцию расселения именьковцев пока ещё в полной мере не осмыслены материалы Удмуртского Прикамья и Башкирии (бахмутинская, турбаслинская и др. культуры), древности городищ культуры (примеч. науч. ред.).

² **Некрополь** (древнегреч. «город мёртвых») – могильник, кладбище. Термин применяется в основном по отношению к древней и средневековой истории.

³ **Турбаслинская культура** – археологическая культура V–VII вв. Её памятники располагаются в левобережье среднего течения р. Белая (Республика Башкирия). По разным гипотезам, носители данной культуры являлись уграми, поздними сарматами, хионитами (народ восточноиранской языковой группы) или предками древних башкир.

⁴ См., напр.: Казаков Е. П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. – 1999. – № 1–2 (4–5). – С. 28.

также подтверждает наличие финских, угорских и тюркских этнических групп.

В этой связи необходимо сказать о том, что даже современные научные достижения и методики не позволяют на сто процентов представить этническую обстановку на территории Среднего Поволжья в древности и средневековье¹. О сложности этнической идентификации именьковской культуры свидетельствуют исследования многих археологов. Приведу два ярких примера – старый и новый. П. Н. Старостин заметил, что основная часть именьковских городищ находилась по Волге, Каме и Свияге, причём они строились, прежде всего, на западных и северных окраинах территории данной культуры – т. е. в районах, потенциально опасных в плане нападений со стороны внешних врагов. А на восточных и южных окраинах укрепленных поселений почти не было. По мнению учёного, «объяснить это кажущееся несоответствие возможно лишь, если рассматривать именьковское население как родственное в культурном и этническом отношении населению, появившемуся в Восточной Европе извне (с востока) в результате гунно-аварских передвижений»². Поэтому он связывал именьковцев с тюркским миром.

Илл. 4. Реконструкция жилища именьковской культуры. V–VII вв. По материалам раскопок Г. И. Матвеевой. Экспозиция НМ РТ. Фото Е. А. Бурдина

¹ Вообще надо отметить ограниченность инструментария современной археологической науки в исследовании этнических процессов древности и средневековья. Во многих поволжских регионах она усугубляется плохим финансированием научных изысканий и слабым кадровым обеспечением.

² Старостин П. Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 46.

В результате изучения процесса развития социальной и экономической систем населения именьковской культуры Л. А. Вязов сделал вывод о наличии двух вариантов единого хозяйственно-культурного типа – «южного», присущего раннеименьковским памятникам Самарской Луки и некоторым объектам Ульяновского Поволжья, и «северного», свойственного памятникам Татарстана. Первый «...обнаруживает наибольшее сходство с хозяйственной системой культур лесостепного Поднепровья, прежде всего – с позднезарубинецкими и киевскими памятниками. Для этого варианта характерны: открытые относительно небольшие селища, расположенные группами, вытянутыми вдоль края террасы; немногочисленность и слабые оборонительные сооружения городищ; преобладание подсечной формы земледелия; <...> невысокий уровень развития металлообработки <...>

«Северный» вариант хозяйственно-культурного типа именьковского населения характеризуется: традициями строительства городищ с мощными укреплениями, служившими центрами расселения общин; использованием пахотных орудий с железными наконечниками для обработки почвы в системе перелога; <...> развитыми технологиями металлообработки <...> Целый ряд черт этого варианта сближает его с хозяйственными традициями культур лесной зоны, в первую очередь – позднедьяковской и мощинской»¹.

Получается, что на формирование «южного» варианта значительное влияние оказывали хозяйственные практики полиэтнических культур лесостепной зоны Поднепровья (в т. ч. ранние славяне), а «северного» – практики финноязычного и балтоязычного населения лесной зоны современной Центральной России и Верхнего Поволжья.

Новейшие научные данные частично подтверждают вышеприведённые выводы. Исследованный в 2000-е гг. археологический комплекс IV–IX вв. у с. Новая Беденьга Ульяновского района Ульяновской области продемонстрировал сложную и мозаичную картину освоения региона носителями разных этнокультурных групп, среди которых выделялось местное население позднеримского времени, представители киевской культуры (с раннеславянским компонентом, испытавшим сильное влияние финноязычных и балтоязычных племён), а позже, в

¹ Вязов Л. А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именьковской культуры). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – С. 19–20.

VIII–IX вв. – тюркских салтово-маяцких¹ (раннеболгарских) и прикамских групп².

Показательными являются результаты археологических раскопок крупного Тетюшского II городища в Республике Татарстан в 2007–2013 гг.³ Этот памятник является многослойным, но наибольший интерес для меня представляют напластования III–VII вв. На именьковском поселении помимо характерных для данной культуры вещей были обнаружены материалы кушнаренковской и бахмутинской культур VI–VII вв., выявленные на правом берегу Волги впервые. Этническая принадлежность их носителей – это угорские племена, возможно с сарматоаланской примесью. Несмотря на известную гипотетичность такого определения, результаты исследований подтверждают значительную полиэтничность именьковской культуры.

По мнению К. А. Руденко, «...формирование материальной культуры населения, проживавшего здесь в VI–VIII вв., происходило под воздействием различных и разновременных этнокультурных импульсов. Субстратной основой здесь можно считать горизонт находок с преобладанием украшений из глины, дополненный в последующем появлением культовых поделок – миниатюрных глиняных фигурок животных, связанных (на II Тетюшском городище) с металлургическим производством. Включение представителей населения кушнаренковской культуры во второй половине VII в. было небольшим, хотя и оставило свой след в археологическом комплексе этого памятника. Эта этническая группа затем растворилась в основном массиве именьковского населения городища»⁴.

Подводя итоги изучения сложнейшей проблемы этнической атрибуции именьковцев, приходится констатировать, что сейчас решить её нельзя, так как имеющийся археологический материал в этом смысле малоинформативен и исследован слишком неравномерно. Но наука не стоит на месте, и сейчас, опираясь на данные радиоуглеродного датирования материалов памятников Самарского Поволжья, оказалось возможным

¹ Салтово-маяцкая культура – археологическая культура на территории юга России и юго-востока Украины. Датируется серединой VIII – началом X вв. В лесостепной части преобладали аланские племена, в степной – болгарские (общее название, компоненты – ранние болгары и хазары).

² Вязов Л. А., Семькин Ю. А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. – Ульяновск, 2016. – С. 90–91.

³ Киевская культура – восточноевропейская археологическая культура II–V вв. н.э. к северу от черняховской культуры (левобережье Днепра в среднем и верхнем течении). Считается, что она сформировалась на основе зарубинецкой культуры.

⁴ См., напр.: Руденко К. А. Тетюшское II городище в Татарстане. – Казань, 2010.

⁴ Руденко К. А. О специфике этнокультурной ситуации в VI–VIII вв. в правобережье среднего течения Волги (по материалам Тетюшского II городища) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. – Казань, 2014. – С. 397.

установить хронологические рамки для именьковской культуры указанного региона в пределах IV – середины VII вв.¹

Начиная с середины – конца VII в. начинается миграция на Среднюю Волгу кочевых преимущественно тюркоязычных племён, волнообразно продолжавшаяся до XI в.² О причинах и конкретных этнических корнях переселенцев в науке до сих пор нет общепринятого мнения. Если говорить о болгаро-салтовцах, то наиболее аргументированной представляется позиция Е. П. Казакова³. Их проникновение на территорию изучаемого региона началось в середине – конце VIII в. Археологические комплексы VIII – начала X вв. с характерным для кочевников инвентарём представлены примерно в двух десятках языческих могильников при почти полном отсутствии поселений. Примерами памятников первого этапа раннеболгарского периода (конец VIII – первая половина IX вв.) являются Большетарханские и Кайбельский могильники в Республике Татарстан (РТ) и Ульяновской области, а также Большетиганский и Немчанский могильники в РТ и Самарской области. Во время второго этапа (вторая половина IX – первая четверть X вв.) происходило перемещение некоторых финноязычных этнических групп из Приуралья и Прикамья в Среднее Поволжье, где они вступали в активное взаимодействие с болгарями и уграми. Этот процесс отразился в Алексеевском, Танкеевском и других некрополях РТ и Ульяновской и Самарской областей. Показательно, что в огромном Танкеевском могильнике большая часть погребений принадлежала выходцам из Прикамья. Третий этап (вторая – третья четверти X в.) ознаменовал массовый переход к постоянным поселениям, имевшим связь с поздними салтово-маяцкими населёнными пунктами. Вероятно, данный факт говорит о новой волне болгар, пришедших на Среднюю Волгу.

В итоге к началу X в. удельный вес болгарских племён на рассматриваемой территории значительно повысился. Активизировался процесс культурного и этнического взаимодействия кочевников и осёдлых жителей – с одной стороны, болгар и угров, с другой – финнов и, вероятно, ранних славян. Любопытно, что за последние десятилетия появились новые археологические свидетельства совместного проживания кочевых болгар с осёдлыми именьковцами (часть из них переселилась

за пределы Среднего Поволжья, а часть осталась). Ю. А. Семькин писал по этому поводу: «Первым памятником с такими материалами является городище «Чёртов городок» в Старомайском районе области. Судя по всему, субстратом здесь было именьковское население, на который стали наслаиваться пришедшие в конце VII – начале VIII вв. группы раннеболгарских кочевников (возможно, имеющие отношение к новинковско-севрюкаевской группировке Самарской Луки). В VIII–IX вв. в состав этого, уже полиэтничного, населения стали вливаться группы финно-угорского населения Прикамья и Среднего Поволжья»¹. Процесс оседания кочевников на новых землях начался как минимум в VIII в. Он подтверждается и материалами недавних раскопок Новослободского городища в Сенгилеевском районе Ульяновской области. Таким образом, указанные материалы позволяют несколько скорректировать рассмотренную выше позицию Е. П. Казакова.

Немаловажной для изучаемой темы является проблема погребальных обрядов народов, населявших регион в VII–X вв. Известно, что у именьковцев преобладало трупосожжение. По-видимому, с этим обстоятельством были связаны определённые трудности с поиском могильников, а также невозможность проведения антропологических и генетических анализов. В 1940–1950-е и 1970-е гг. были найдены и раскопаны два именьковских некрополя – II Рождественский и Богородицкий в Лаишевском районе РТ. В них все захоронения совершали по обряду кремации². На первом из них погребения ориентированы в основном по линиям С-Ю (56 %) и З-В (11,7 %), а на втором – по линиям С-Ю (37,6 %), З-В (20 %), СВ-ЮЗ (11,8 %) и СЗ-ЮВ (15,3 %)³. Долгое время данные некрополи (не считая единичных могил) оставались единственными и приобрели статус эталона.

В 1980-е гг. археологи обнаружили и частично раскопали Рождественский II могильник (Лаишевский район РТ) и несколько могильников в левобережье Волги и Камы – Берёзово-гривский, Коминтерновский II, Старокуйбышевский и др. Любопытно, что на некоторых памятниках подобного типа среди кремированных остатков встречались и случаи отдельных

¹ Сташенков Д. А. Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке // Поволжская археология. – 2016. – № 3. – С. 225–246.

² См., напр.: Багаудинов Р. С., Хузин Ф. Ш. Ранние булгары на Средней Волге // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006. – С. 116–123.

³ Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М., 1992. – С. 323–324.

¹ Семькин Ю. А. Новослободская группа памятников в Ульяновской области (к проблеме седентаризации раннесредневековых кочевников в Среднем Поволжье). URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/arh_semikin.htm (дата обращения: 12.10.2016).

² Кремация – процесс сожжения трупов.

³ Овчинников А. В. Особенности погребального обряда именьковских могильников Нижнего Прикамья // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции, 2004 г. URL: http://annales.info/life/konf36.htm#_Toc427873490 (дата обращения: 14.10.2016).

или групповых труположений с различной ориентировкой (С-Ю, СЗ-ЮВ): Коминтерновский II могильник – 20, Маклашеевский IV – два, Ташкирменский – одно¹. Но данный факт, как правило, объясняется контактами именьковцев с носителями других культур, о которых я уже писал. Тем не менее, оба типа погребений в целом совершались по языческому обряду, который имел локальные варианты. Почти во всех захоронениях находили вещи: преимущественно погребальную керамику и гораздо реже орудия труда и т. д.

Отдельного обсуждения заслуживает проблема поиска христианских традиций у населения черняховской культуры (если хотя бы частично принять версию о миграции части её носителей на Волгу). Дело в том, что в некоторых поздних некрополях данной культуры IV вв. раскопаны погребения с западной ориентацией по обряду труположения без инвентаря. По мнению Г. Ф. Никитиной, эти люди при жизни придерживались представлений о бестелесной, духовной форме бытия на том свете и, видимо, являлись христианами². Уточню, что она считала доказанным процесс распространения новой монотеистической веры, начавшийся не ранее середины IV в., среди готской этнической группы черняховской культуры. Готы принадлежали к германской языковой группе. Несмотря на наличие среди них, вероятно, определённого количества христиан, трудно назвать данную этническую группу оплотом этой веры. Многие вожди готов сохраняли преданность богам предков и вели яростную борьбу с христианством.

К тому же, на мой взгляд, С. В. Ярцев убедительно аргументировал другую точку зрения: «...западные погребения отражают распространение среди части черняховцев верований, связанных с земледельческой магией и почитанием верховного женского божества. Богиня имела прямое отношение к античному миру и предположительно носила имя Исида. Окончательно оформилась данная идеология с присущей ей обрядовой спецификой только в Северном Причерноморье в эпоху становления варварских государств. Именно здесь культ Исиды приобрел некоторые особенности и локальные черты. В его основе находились религиозные представления эллинизированного населения античных городов Северного Причерноморья и выходцев с римской территории, попавших в плен или

¹ Старостин П. Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С. 96; Старостин П. Н. Именьковская культура // Очерки по истории Татарстана. – Казань, 2001. – С. 104.

² Никитина Г. Ф. Черняховская культура Поднепровья (по результатам анализа археологических источников). – М., 2008. – С. 154–156.

ушедших к варварам добровольно. То, что подобные верования не противоречили основным идеологическим установкам переселенцев с севера, а некоторым варварам были более чем хорошо знакомы, во многом предопределило их относительно мирное развитие и распространение среди населения варварских государств³. Также исследователь справедливо отметил слабую изученность духовной жизни населения Северного Причерноморья рассматриваемого периода, связанной как с племенным миром, так и с античной цивилизацией. От себя добавлю, что такая же проблема существует и для средневекового Поволжья.

Если говорить о Волго-Камье, то в именьковских могилах с труположением и трупосожжением нет даже намёка на элементы христианского обряда. В пользу их отсутствия говорят и имеющиеся данные о языческой духовной культуре среди различных этнических групп населения Среднего Поволжья в IV–VII вв. Только во второй половине VII в. на данную территорию мигрировала группа кочевников, часть правящей элиты которой предположительно являлась христианами (Шиловский курганный могильник, см. п. 1.2).

Конечно, получить новые знания и сделать более достоверные выводы мешает до сих пор совершенно недостаточная исследованность именьковской культуры – из более чем 500 известных памятников (сейчас их насчитывают более 600)² изучены в разной степени лишь несколько десятков. Во многих поволжских регионах они до сих пор не найдены или найдены недавно. Так, в Ульяновской области только в 2013 г. открыли первый на её территории могильник именьковцев – Комаровский V–VIII вв. с обрядом трупосожжения³.

Не вдаваясь в подробности, кратко упомяну о погребальных обрядах раннеболгарских племенных групп, которые

¹ Ярцев С. В. К проблеме появления черняховских погребений с западной ориентацией // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 1. – Вып. 29. – С. 35.

Заинтересовавшегося проблемой христианизации Северного Причерноморья читателя отсылаю к трудам С. В. Ярцева: Ярцев С. В. О переходном периоде от язычества к христианству у варваров Северного Приазовья и предгорного Крыма 2-й половины III–IV вв. н.э. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – № 8. – Вып. 4. – С. 22–28; Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Христианизация салтовского населения Восточного Крыма // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2016. – С. 261–265 и др.

² Кляшторный С. Г., Старостин П. Н. Пращавянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002. – С. 216.

³ Вязов Л. А., Петрова Д. А. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: материалы к V международной археологической конференции. – Самара, 2013. – С. 15–20.

Илл. 5. Расчистка одного из погребений Комаровского грунтового могильника. V–VIII вв. Раскопки Л. А. Вязова и Ю. А. Семькина, 2016 г. Ульяновский район Ульяновской области¹

начали проникать в Среднее Поволжье в VII в. В отличие от именьковских некрополей их могильники довольно-таки многочисленны и сравнительно хорошо изучены. Материалы таких известных могильников болгар VII–X вв., как Новинковский, Автозаводской, Кайбельский, Танкеевский, Больше-Тарханский (Самарская и Ульяновская области, РТ) и других помимо многокомпонентности этнического состава свидетельствуют о

том, что захоронения в них совершались по языческому обряду.

Наиболее масштабные исследования предпринимались на территории крупнейшего Танкеевского могильника (Спасский район РТ) второй половины IX–X вв., в котором на данный момент раскопано 1300 могил, а по приблизительной оценке археологов, всего их не менее 5000 (по другой версии – 10000)². Показательно, что мусульманские погребения на данном объекте стали появляться лишь во второй половине X – начале XI вв.³ К их числу учёные отнесли 56 захоронений из общего числа раскопанных, в которых они проследили специфическую позу умерших – лицом к югу, с сохранением старой ориентации головой на запад. Кроме того, в них отсутствовал вещевой инвентарь.

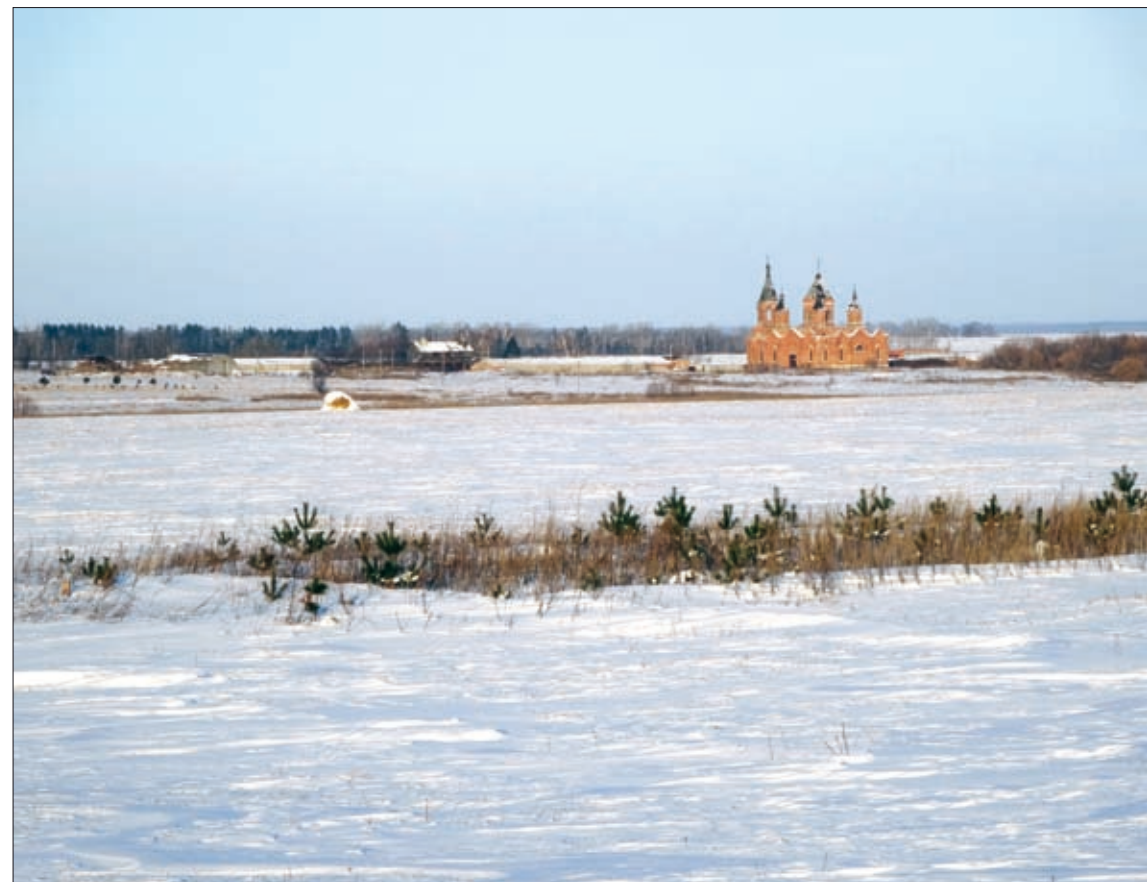
Показательно, что остальные могилы (около 95 % из числа раскопанных) были языческими, совершёнными по разным погребальным обрядам. В них наблюдалась ориентировка В-З, З-В и реже С-Ю. Во всех захоронениях были вещевые и поминальные комплексы⁴. Анализ похоронных обычаев однозначно говорит о смешанном этническом составе оставившего огромный некрополь населения. Позже появилась точка зрения, согласно которой Танкеевский могильник выделяется как памятник, иллюстрирующий процесс слияния прикамских финских и угорских племён (ломоватовская и полумская куль-

¹ Источник: <http://73history.ru/photo/293-16-09-16-3>.

² Казаков Е. П. Ранние Болгары в Поволжье // История татар с древнейших времён в семи томах. Том I. Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002. – С. 189; Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань, 1986. – С. 36–37, 50 и др.

³ Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии... С. 54–55.

⁴ Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 87; Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 94–155.

туры¹) с пришлыми болгаро-тюркскими коллективами². Причём последние составляли меньшинство. Угорский компонент маркируют 45 погребений с масками-личинами. Маски являлись одним из важнейших элементов их языческой культуры, связанным с сибирским шаманизмом³. Вообще в некрополях ранней Волжской Болгарии отмечены черты и предметы материальной культуры, свидетельствующие о глубоких и сложных религиозных представлениях оставившего их населения:

¹ Ломоватовская культура – археологическая культура V–IX вв. на территории Верхнего Прикамья от широты Перми до истоков р. Кама и её притоков. Этнические компоненты – финно-пермское население и угорские группы из лесостепной зоны Западной Сибири. Считается, что на её основе сложилась родановская культура предков коми-пермяков.

² Полумская культура – археологическая культура конца V–IX вв. преимущественно в верхнем течении р. Чепца (Удмуртия). Её население сложилось в результате смешения двух этнически близких групп выходцев с Верхней Камы и Средней Вятки. В дальнейшем стало базой формирования населения чепецкой культуры, непосредственно связанной с северными удмуртами.

³ Халикова Е. А. Указ. соч. С. 77–78.

⁴ Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007. – С. 23.

Илл. 6. Танкеевский могильник. IX–X вв. Спасский район Республики Татарстан. 23.12.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

Илл. 7.
Серьга (2)
и культовые
подвески (1, 3)
ранних болгар.
Серебро, бронза.
Начало X в.
Раскопки
Е. П. Казакова,
1961–1964 гг.
Танкеевский
могильник.
Спасский район
Республики
Татарстан
(История татар.
Т. 1. 2002)

пластинчатые варганы, культовые амулеты и поделки, женские украшения, обряд положения шкуры лошади в могилу воина-всадника и т. д.

Что касается могильников поволжских финнов (и угров, до их миграции в Центральную Европу и частичной ассимиляции¹ оставшихся в Урало-Поволжье), то в их среду новая вера долгое время почти не проникала, а массированная христианизация началась только в XVI–XVII вв. Все исследованные погребения указанных этнических групп, совершённые по языческому похоронному обряду, изучены на территории всех современных областей и республик Среднего Поволжья. Пожалуй, эталонным археологическим памятником угров является Большетиганский могильник конца VIII – первой половины IX вв. (Алексеевский район РТ)².

Сложной и во многом неизученной остаётся проблема исторической реконструкции духовной, в т. ч. религиозной картины жизни этнических групп Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья. Её исследование осложняет практически полное отсутствие достоверных письменных свидетельств, а имеющиеся фрагментарные археологические материалы не дают возможности для полноценного понимания духовных и религиозных процессов.

О языческом мировоззрении именьковцев ярко говорят некоторые элементы культурного наследия. Так, доминирующим обрядом захоронения, как хорошо известно, было трупосожжение. Существует несколько версий, позволяющих так или

¹ **Ассимиляция** – вид этнических процессов. Проявляется в том, что группы людей одного этноса, оказавшись в тесном контакте с другим народом или в его среде, воспринимают чужие язык и культуру. Постепенно они сливаются с ним и причисляют себя к этому народу.

² См., напр.: Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999. – С. 79.

иначе понять эту традицию: 1) она отражает веру в существование человеческой души (анимизм)¹; 2) указывает на связь с кузнечным производством; 3) объясняется страхом перед усопшими; 4) относит трупосожжение к гигиеническому обряду². Кроме того, многие исследователи отмечают очищающую силу огня.

При раскопках именьковских поселений археологи находят различного рода амулеты из просверленных зубов и костей животных – проявления фетишизма³. Особую группу представляют антропоморфные⁴ амулеты нескольких типов, символизирующие мужское начало и имеющие самые близкие аналогии в аланских древностях Северного Кавказа⁵. Они служили защитой против колдовства и негативного воздействия сил зла, являясь в первую очередь женскими оберегами. Также в именьковских древностях встречаются зооморфные⁶ амулеты в виде лошадки, которые, кроме Среднего Поволжья, широко распространены в Прикамье и на Кавказе. Многочисленные антропоморфные и зооморфные глиняные фигурки имеют несомненное отношение к религиозным традициям⁷.

На данный момент известна 31 фигурка животных, обнаруженная на 12 памятниках именьковцев⁸, причём 8 из них

Илл. 8.
Реконструкция
женского
костюма
летописной
мещеры
(окские финны)
из погребения 1101
Танкеевского
могильника.
Спасский район
Республики
Татарстан.
Фото
М. М. Багаутдинова
(Руденко К. А.,
2015)

¹ **Анимизм** – вера в существование духов и души, а также в одушевлённость природы.

² Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. – Самара, 2004. – С. 55.

³ **Фетишизм** – религиозное поклонение неодушевленным предметам, которым приписываются сверхъестественные свойства.

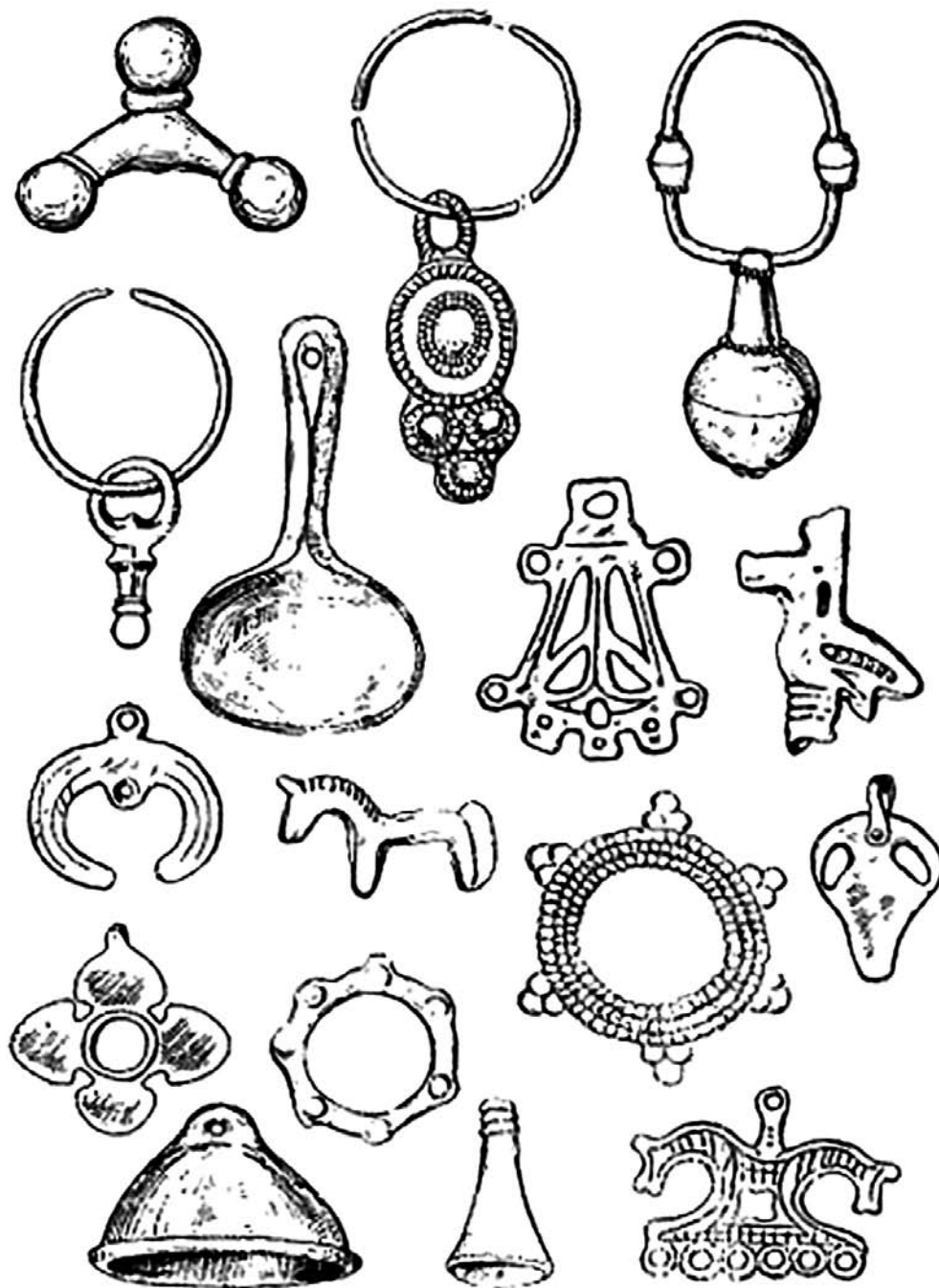
⁴ **Антропоморфный** – человекоподобный, предмет с чертами человека. Антропоморфизм – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы или одушевленные существа, а также явления и силы природы. Существенный элемент политеистических (политеизм – многобожие) религий.

⁵ Матвеева Г. И. Указ. соч. С. 59–60.

⁶ **Зооморфный** – в данном случае предмет, наделённый чертами животного. Вообще зооморфизм – наделение людей качествами животного. Как и антропоморфизм, является элементом политеистических религий.

⁷ Матвеева Г. И. Указ. соч. С. 62.

⁸ Подсчитано по: Руденко К. А. О магических и культовых предметах именьковской культуры: к вопросу о мировоззрении населения Казанского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Мировоззрение населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2014. С. – 106–128.

Илл. 9. Типы вещей, общих для погребальных комплексов ломоватовской и караякуповской культур Прикамья и Приуралья (финны и угры) (Иванов, 1999. С. 72)

найлены при раскопках Тетюшского II городища. Детальный анализ данных артефактов показал: 1) почти все фигурки были собирательным образом определённых промысловых животных; 2) повреждения указанных скульптур являлись преднамеренными; 3) часть фигурок связана с ритуальными действиями при металлургическом производстве; 4) некоторые предметы, изображающие диких и домашних животных, предположительно относятся соответственно к охотничьей магии и домашним культам; 5) хронологические рамки бытования зооморфных скульптур – VI – начало VII вв.¹ Приведённые сведения доказывают, что система образов дикой природы лесной полосы рассматриваемого региона занимала значительную часть в религиозном мировоззрении населения.

Возможно, к солярным амулетам относились самые распространённые именковские кольцевые подвески с 7 или 9 выпуклинами. Они бытовали в трёх регионах: 1) юго-запад Восточной Европы и соседние районы Центральной Европы; 2) Среднее Поволжье; 3) Кавказ². Культурные предметы, в т. ч. антропоморфные и зооморфные амулеты и фигурки, в той или иной форме и степени присущи и многим другим древним и средневековым человеческим коллективам (культурам) Европы и Азии.

Отрадно, что за последние 20 лет появились новые археологические свидетельства духовной культуры населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья. Так, в 1996 г. на городище «Чёртов городок» было открыто и частично раскопано языческое святилище³ со следами человеческих жертвоприношений, датированное VIII–IX вв.⁴

Илл. 10. Антропоморфная фигурка (именьковская культура). IV–VII вв. Селище Ош-Пандо-Нерь, Волжский район Самарской области. Фото предоставлено СОИМК (место хранения), КП-18783/1

¹ Руденко К. А. О магических и культовых предметах именковской культуры... С. 126.

² Там же. См. подробнее: Богачёв А. В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тысячелетия н.э. // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. – Самара, 1998. – С. 152–155.

³ **Святилище** – в данном случае это языческий храм, место, где проводились соответствующие религиозные обряды. Здесь и далее этим термином для удобства я буду называть все культовые объекты, связанные с язычеством.

⁴ Семькин Ю. А. «Чёртов городок» – протогородской центр ранней Волжской Булгарии // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. Материалы международной конф. – Чебоксары, 2012. – С. 265–275. Комментарии Ю. А. Семькина.

Также см.: Бурдин Е. А., Рыбакова А. В. Село-кремень // Всеобщая история. – 2015. – № 2. – С. 13–14.

Позже на его территории археологи обнаружили две могилы носителей именковской и ломоватовской культур, совершённых соответственно по обряду трупосожжения и трупоположения. В ломоватовском погребении была похоронена молодая женщина, обладавшая, судя по богатому вещевому комплексу, высоким социальным статусом. По одной версии, она являлась служительницей культа, а по другой – её принесли в жертву. Весьма вероятно, что к телу применили обряд обезвреживания¹ покойника. Конечно, скелет нуждается в профессиональных антропологическом и генетическом исследованиях, которые могли бы подтвердить или опровергнуть имеющиеся гипотезы. Предположительно, святилище являлось общим для всех жителей городища и его окрестностей. В X в. культовое место прекратило существование, что можно связать с официальным принятием мусульманства и начавшейся борьбой с язычеством.

Исходя из приведённых сведений, становится понятным, почему городище до сих пор называется «Чёртов городок». С чёртом его могли сравнивать только представители монотеистических религий (в данном случае – русские христиане), укрепившихся в этих местах гораздо позже. Есть интересные

¹ **Обряд обезвреживания покойника** – древняя система ритуальных действий, направленных на устранение опасности, исходящей от мёртвых людей, особенно обладавших высоким социальным и религиозным статусом: связывание или отделение конечностей, отрезание головы и т. д.

исторические параллели. Так, на окраине г. Елабуга в РТ находится известное Елабужское, или Чёртова городище.

Сравнительно недалеко от Чёртова городка, буквально на расстоянии около 60 км (по прямой), на территории городища Шелом в Спасском районе РТ находилось именковское, а затем болгарское языческое святилище предположительно VI–XII вв. Этот знаменитый памятник известен давно, поэтому желающих узнать о нём побольше я отсылаю к соответствующим научным трудам¹.

Учёные, изучавшие археологические памятники ранних болгар в Среднем Поволжье, единодушно пишут о языческом характере их духовной культуры. Среди объектов, оставленных кочевниками первой волны второй половины VII – первой половины VIII вв., выделяются курганы на территории современных Самарской и Ульяновской областей. Небольшое количество найденных там артефактов частично отражает мировоззрение и мифологию раннеболгарских и хазарских групп². Исследова-

¹ Жиромский Б. Б. Древнеродовое святилище Шолом // Материалы и исследования по археологии СССР. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2 / Академия наук СССР, Ин-т истории материальной культуры; отв. ред. А. П. Смирнов. – М., 1958. – С. 424–450; Руденко К. А. Булгарские святилища XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования: сборник статей. – Ижевск, 2004. – С. 36–66.

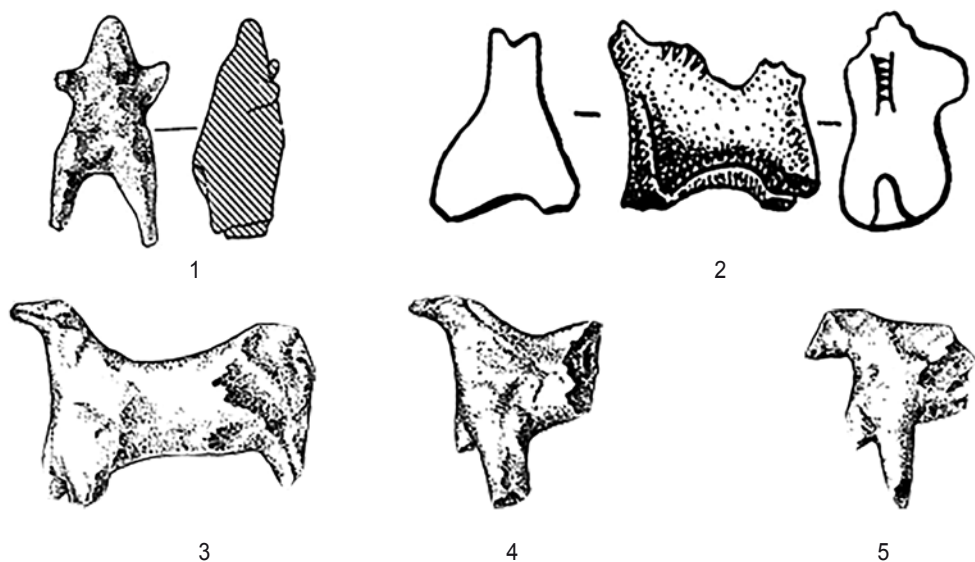
В научных трудах употребляется два варианта названия городища – «Шолом» и «Шелом». Так как последнее фигурирует чаще, то я применяю его.

² См. подробнее п. 1.2. – о Шиловском курганном могильнике.

Илл. 11.
Городище
«Чёртов городок».
V–XIV вв.
Старомайский
район
Ульяновской
области. 2015 г.
Фото Е. А. Бурдина

Илл. 12. Культурные предметы (глиняные фигурки животных): 1, 3, 4, 5 – городище Шелом (Балымеры), 2 – Коптелов бугор (Болгары). VI–VII вв. Спасский район РТ (Руденко К. А., 2014)¹

¹ Руденко К. А. О магических и культурных предметах именьковской культуры... С. 113.

Илл. 13.
Городище Шелом.
VI–XII вв. Спасский
район Республики
Татарстан.
28.08.2016 г.
Фото Е. А. Бурдина

тели приводят две причины, объясняющие факт создания погребальных насыпей: 1) моделирование чрева Матери-земли, в которое в позе эмбриона помещали тело умершего, чтобы он заново родился в другом мире; 2) курганы с родовыми могилами служили геодезической отметкой – к ним возвращались после перекочёвки¹. Отличительной чертой идеологических представлений ранних болгар был культ коня, характерный для многих индо-иранских и тюркских народов. Как правило, захоронение знатного кочевника сопровождалось конским трупоположением.

Поскольку принято считать, что большая часть болгарских племён, мигрировавших на Среднюю Волгу в VII–X вв., имеет тюркское происхождение, то в основе их духовной культуры лежала религиозная система древних тюрков – так называемое тенгрианство. Культ верховного бога Тенгри (Тангра) отражал обожествление неба и включал в себя многие другие представления². Ряд объектов считались священными: это вода, огонь, солнце, конь, волк, собака и т. д., в т. ч. различные амулеты.

Отдельные аспекты традиционной духовной культуры тюрков, финнов и угров сравнительно неплохо изучены на основе фольклорных и этнографических источников, к которым я и отсылаю любознательного читателя³. Правда, по большей части они носят общий характер и отражают нематериальную культуру, как правило, более позднего времени. В лучшем положении находятся славяне – по указанной теме созданы фундаментальные труды⁴. Впрочем, и они не являются исчерпывающими...

Несмотря на скудность археологических сведений по религиозной жизни этнических групп Среднего Поволжья в VII–X вв., с большой долей достоверности можно утверждать, что тогда на этой территории господствовали политеистические верования, которые для удобства обычно называют одним

¹ Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – С. 15–16.

² См. подробнее: Аюпов Н. Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение. – Алматы, 2012; Стойнев А. О. О духовной культуре праболгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья: сборник научных трудов. – Казань, 1984. – С. 108–123.

³ Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура: домонгольский период, X – нач. XIII вв. – Казань, 1990; Идиатуллин А. К. Религиозный синкретизм татар-мишарей Ульяновской области. Дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2010; Голубева Л. А. Зооморфные изображения финно-угров // Свод археологических источников. Вып. Е1-59. – М., 1979; Патрушев В. С. Финно-угры России. – Йошкар-Ола, 1992; Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. – М., 2005; Полухина А. Н. Славяно-финно-угорские параллели в языческих представлениях Волго-Камья. Дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 1998 и др.

⁴ См., напр.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М., 2013; Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. – М., 2003.

термином – язычество. Из-за наличия немалого количества общих черт в социальном устройстве и хозяйственном укладе, а также тесных контактов многие религиозные представления ведущих этносов изучаемого региона были похожими.

Важнейшим рубежом в этнокультурном и духовном развитии народов Волжской Болгарии стало принятие в первой трети X в. правящей элитой и её ближайшим окружением сравнительно молодой мировой религии – ислама¹. До сих пор Республика Татарстан является самым северным регионом мира, где проживает большая группа мусульман. Причины и обстоятельства столь серьёзного шага не раз рассматривались учёными, поэтому я кратко расскажу только о процессе мусульманизации болгарского общества. Бесспорно, он был сложным и долгим. И это объективная реальность, которую нельзя не учитывать. Человек, сегодня веривший в языческих богов, которых издревле почитали предки, не может завтра искренно поверить в другую религию, какой бы замечательной и привлекательной она ни была. Но если такое случится – значит, в силу определённых причин он просто вводит в заблуждение окружающих (как сейчас говорят, проявляет лояльность, или социальную мимирию²). И вот почему.

Традиционные представления, мироощущение (менталитет), которые складывались на протяжении столетий и тысячелетий, меняются крайне медленно, как и психология человека (стереотипное поведение). Иногда проходят многие десятилетия и даже столетия, прежде чем основная часть общества полностью примет новые культурные и духовные принципы и образцы поведения. Для того времени, в течение которого сосуществуют старые и новые духовные и религиозные представления, обычно в той или иной степени характерно двоев-

¹ Дело в том, что сообщение о точной дате принятия ислама правящей верхушкой одного из племенных объединений болгар во главе с Алмушем, сыном Шилки – 922 год – содержится только в одном источнике – записках Ахмеда Ибн-Фадлана о путешествии на Волгу. Однако данный труд дошёл до нас в иранских источниках XII и XVI вв., т. е. через 200–600 лет после произошедших событий, наверняка в той или иной степени искажённом виде. Поэтому достоверность записок Ибн-Фадлана как единственного источника и притом в поздних пересказах не является высокой. Кстати, почти то же самое можно сказать и о легендарной дате принятия христианства князем Владимиром и его окружением – 988 году. См.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков, 1956; Ковалевский А. П. О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. Т. 35. – М.-Л., 1950. – С. 265–293. URL: <http://www.archeologia.ru/Library/Book/25dcebebe00/Info> (дата обращения: 12.11.2016).

² В данном случае **лояльность** – это терпимость по отношению к действующим законам и решениям органов власти (часто формальная, внешняя). **Социальная мимирия** – защитное приспособление индивида или группы, имитирующее поведение и мнение окружения (подражание, маскировка).

рие¹. Как показывает мировой исторический опыт, оно может длиться веками. Так, в некоторых регионах России элементы язычества сохраняются до сих пор, хотя принято считать, что христианство на Руси стало господствующим к XIV в. Процесс распространения новой веры был неравномерным – ближе к социально-экономическим и культурным центрам, а тем более центрам власти, христианизация шла более интенсивно, на периферии – менее или вообще не шла.

Вероятно, первые носители ислама появились в Среднем Поволжье в конце VII в. По мнению некоторых учёных, среди погребений в курганных могильниках новинковского типа в Самарской Луке есть совершённые по мусульманскому обряду². Однако данное предположение требует более веских аргументов. Скорее всего, указанные захоронения произвели позднее. Аргументированными можно считать доводы в пользу наличия здесь небольшой группы мусульманизированных болгар в последней трети IX в., непосредственно перед официальным принятием ислама³.

В X в. начали действовать первые известные на данный момент мусульманские некрополи Волжской Болгарии – II и III Билярские могильники (Алексеевский район РТ)⁴. В этом же столетии близкие по обряду захоронения были совершены в Тетюшском и Танкеевском могильниках (см. выше). Судя по археологическим данным, одной из первых в Среднем Поволжье в X в. была сооружена деревянная Соборная мечеть с кирпичным пристроем на Билярском городище⁵. Полностью каменные культовые здания появились гораздо позже – Соборная мечеть на Болгарском городище в 1230–1260-х гг.

¹ **Двоеверие** – культурное и религиозное явление, заключающееся в параллельном сосуществовании двух религиозных систем (традиций). Применительно к средневековой Руси это христианство и элементы дохристианских языческих верований, к Волжской Болгарии – мусульманство и язычество. Проще говоря, человек ходил в храм (мечеть), молился там, а дома верил в домового, овиинника, банника и пр. духов.

Двоеверие и язычество освещено в многочисленных трудах отечественных учёных, из которых можно выделить Б. А. Рыбакова. См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М., 2013; Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. – М., 2007.

² Багаутдинов Р. С., Хузин Ф. Ш. Ранние булгары на Средней Волге... С. 123. Кстати, в это же время здесь предположительно появились и первые христиане (см. подробнее в п. 1.2 о Шиловском курганном могильнике второй половины VII в.).

³ Руденко К. А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. – 2013. – № 2. – С. 19–41.

⁴ Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии... С. 139 и др.

⁵ Хузин Ф. Ш., Хамидуллин Б. Л. Ещё раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. Серия «Исторические науки». – 2013. – № 1. – С. 215.

Каменный пристрой возвели позже – на рубеже X–XI вв.

По версиям разных учёных, мечеть возвели в промежуток времени от первой четверти до конца X в.

Илл. 14. Первоначальный вид деревянной Соборной мечети в Биляре по реконструкции С. С. Айдарова. X в. (История татар. Т. 2. С. 215)

(видимо, до этого действовала деревянная и затем каменная мечеть на другом месте)¹. Впрочем, не вызывает существенных возражений утверждение некоторых учёных о том, что ислам пустил корни в Среднем Поволжье к началу X в. Конечно, эта датировка требует более серьёзного обоснования и, возможно, корректировки.

Любопытно, что принятие мусульманства, по мнению антропологов, сыграло определённую роль в процессе создания единого государства и формировании нового этноса: «Ислам способствовал устранению идеологических и культурных преград в межплеменных отношениях и вывел их на более высокий уровень консолидации – генетический. Антропологически это выразилось в нивелировке физических особенностей

Илл. 15. Современный вид места, на котором в X в. была построена первая деревянная мечеть (на заднем плане справа – каменный пристрой конца X – начала XI вв.). Билярское городище, Алексеевский район Республики Татарстан. 30.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

волжских булгар и в сложении единого в целом расового типа – мезоморфного европеоидного с небольшой монголоидной примесью»².

Однако значительная часть населения Волжской Болгарии долгое время оставалась языческой. Фактически начиная примерно с X в. следует говорить о бытовании двоеверия на рассматриваемой территории. Постепенное усиление мусульманизации в XIII–XIV вв. объективно вело к сужению поля деятельности представителей других религиозных систем – главным образом христиан и язычников, крайним проявлени-

¹ Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М., 2001. – С. 31.

² Газимзянов И. Р. Антропологический состав населения Булгарии // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006. – С. 620.

ем чего являлись редкие межконфессиональные конфликты¹. Впрочем, среди кочевников позиции многобожия долгое время были устойчивыми, несмотря на внешние факторы.

Известный исследователь духовной культуры болгар Г. М. Давлетшин справедливо писал: «Несмотря на раннее проникновение в Поволжье (IX в.) мусульманской религии, у болгар сохранились многочисленные пережитки политеизма². Древние болгары, как и другие народы, одухотворяли окружающий мир, природу. По их языческим верованиям разные природные явления, объекты управлялись отдельными божествами.

Определённый материал для изучения болгарского традиционного политеизма даёт изображение так называемого в общей мифологии "древа жизни" <...> у татар – "яфан агачы" (дерево яфан). Гуннские, древнетюркские, хазаро-болгарские представления, связанные с небом, главным божеством Тенгре³, продолжали бытовать и у волжских болгар»⁴.

Вероятно, в VII в. в Среднем Поволжье появились первые носители такой крупной мировой монотеистической религии, как христианство. О её истоках в данном регионе будет рассказано в следующем параграфе.

1.2. ПРОНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ТРАДИЦИЙ В РЕГИОН

Найти первые следы христианства в Среднем Поволжье – задача не из лёгких. Для этого потребуется получить хотя бы краткое представление о зарождении и распространении данной веры в мире и о присущей ей символике. Иначе поиски будут подобны известному выражению «трудно найти чёрную кошку в тёмной комнате, особенно если её там нет», которое означает бесполезность тех или иных действий.

Общеизвестно, что первые группы христиан появились в восточных провинциях Римской империи во второй половине I в. н.э. Для превращения христианского вероучения в домини-

¹ Примеры приведены в п. 2.3. Веротерпимость и межконфессиональные конфликты (XIII–XV вв.).

² Политеизм – система верований, в основе которой – почитание многих богов (многобожие), в противоположность монотеизму (единобожию).

³ Тенгре – верховное божество неба политеистического пантеона народов Евразии тюрко-монгольского происхождения, бог огня, молнии и неба.

⁴ См. подробнее: Давлетшин Г. М. Духовная культура населения города Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М., 2008. – С. 210.

рующее на этой территории понадобилось почти триста лет. Религиозная терпимость была провозглашена в Миланском эдикте (письме) императоров Константина и Лициния 313 г., хотя рецидивы борьбы с новой верой наблюдались и позже. С этого времени активизировался процесс признания христианства официальной религией Римской империи, завершившийся приблизительно к началу V в. Первой страной в остальном мире, принявшей христианство как государственную веру, стала в 301 г. Великая Армения. Учение Христа стало быстро проникать на новые территории.

Во II–V вв. христианство начало широко распространяться в некоторых районах Индии и Персии (из Сирии), а в III–VII вв. – в Средней, Центральной и Восточной Азии среди ирано- и тюркоязычных этносов по Великому Шёлковому пути¹. Возникшее в V в. несторианство первоначально проникло в городские слои населения Персии (Ирана) и Восточной Сирии, где в VIII в. пережило время наивысшего расцвета². Именно несториане сыграли значительную роль в том, что мусульмане приняли многие положения христианского вероучения и терпимо относились к его носителям.

О достаточно широкой популярности несторианства свидетельствует география распространения: в VI–XI вв. общины его приверженцев существовали на территории современных Туркменистана и Узбекистана (Бухара, Самарканд, Мерв и т. д.), Афганистана и Китая³. Об этом говорят многочисленные артефакты культурного наследия: церкви, монастыри, захоронения, элементы архитектурного декора, бытовые вещи, предметы церковного обихода, юридические документы, богослужебная литература и монеты с христианской символикой и надписями.

Если взять территорию современных России и Украины, то самые давние традиции византийского христианства имело аланское, готское, греческое и зихское (предки современных адыгов и абхазов) население Крыма, Северного Причерноморья,

Кавказа и донских степей¹. Позже, в VII–IX вв., православие проповедовалось из Византии через Крым и прилегающие к нему земли среди болгар, хазар и печенегов. После официального принятия христианства правящей элитой Киевской Руси оно стало распространяться среди народов, имеющих с ней тесные экономические и другие связи. Примерно с V–VI вв. новая вера начала медленно проникать в религиозную сферу германских, славянских и финских народов, постепенно замещая язычество и переплетаясь с ним. Но этот процесс растянулся на многие столетия.

Поскольку письменных источников, которые могли бы пролить свет на время появления первых христиан на территории Среднего Поволжья, нет, то необходимо обратиться к археологическим данным. А для этого надо сначала понять, по каким признакам можно их искать. И тут неоценимую помощь оказывает знание христианских символов и обрядов (традиций), присущих определённым этапам средневековой истории.

Вот что писала о таких символах Е. Луковникова: «Самые ранние христианские символические изображения относятся ко временам древней катакомбной Церкви и первых гонений (I–IV вв. н.э. – Е.А. Б.). Тогда символика употреблялась в первую очередь как криптограмма, тайнопись, чтобы единоверцы могли узнавать друг друга во враждебном окружении. Однако смысл символов был всецело обусловлен религиозными переживаниями; тем самым можно утверждать, что они донесли до нас богословие ранней Церкви.

Мир «иной» приоткрывается в этом мире через символы, поэтому и символическое видение есть свойство человека, который предназначен к бытию в этих двух мирах. Поскольку Божественное в той или иной степени открывается людям всех дохристианских культур, то неудивительно, что Церковь использует некоторые из «языческих» образов, уходящих своими корнями не собственно в язычество, а в глубины человеческого сознания, где даже у самых пламенных атеистов дремлет жажда богопознания. При этом Церковь очищает и проясняет эти символы, показывает стоящую за ними истину в свете Откровения. Они оказываются подобными дверям в другой мир, закрытыми для язычников и распахнутыми настезь в христианстве. Отметим, что в дохристианском мире в наибольшей полноте была просвещена Богом ветхозаветная Церковь.

...Художественно передать тайну Воплощения и Креста представлялось весьма трудной задачей. По замечанию Леони-

¹ Малышев А. Б. Христианство в истории Золотой Орды. Дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2000. – С. 7–8.

² Там же. С. 10.

Несторианство – одно из пяти основных направлений христианства. Основателем является монах Несторий, ставший на короткое время (428–431 гг.) константинопольским патриархом. Основным догматическим отличием несторианства от других ветвей христианства является его учение о том, что Христос не был сыном Божиим, а человеком, в котором жил Бог, а божественная и человеческая природы Иисуса Христа отделимы друг от друга. Поэтому у несториан мать Христа – дева Мария – считается не Богородицей, а Христородицей и не является объектом почитания.

³ Малышев А. Б. Указ. соч. С. 11.

¹ Малышев А. Б. Указ. соч. С. 17.

да Успенского, «для того, чтобы понемногу подготовить людей к воистину непостижимой тайне Боговоплощения, Церковь сначала обращалась к ним на языке, более для них приемлемом, чем прямой образ. Этим и объясняется обилие символов в раннехристианском искусстве»¹.

Если проанализировать основные символы ранних христиан, то их можно условно разделить на следующие большие группы, непосредственно связанные со Спасителем – Иисусом Христом, его крестной смертью и таинством Богообщения (Евхаристии):

1) евхаристические символы – виноград и предметы, относящиеся к виноградарскому промыслу, а также хлеб²;

2) изображения Агнца (в образе ягнёнка или козлёнка), Доброго Пастыря, рыбы, Его имени в виде знака (монограммы) и другие символы с образом креста (крестообразные), в т. ч. в виде корабля и якоря³.

Здесь я кратко перечислил только самые известные раннехристианские символы. Понятно, что со временем некоторые из них оставались прежними, другие менялись или исчезали. Появлялось немало новых символов. Но их подробное перечисление и описание в книге не входило в мои планы. Поэтому всех желающих более подробно

Илл. 16. Ранние христианские евхаристические символы, связанные с виноградом (Луковникова Е., 1995)

¹ Луковникова Е. Древнехристианская изобразительная символика / Альфа и Омега. – № 6. – 1995 // URL: <http://www.pravmir.ru/drevnexristianskaya-izobrazitel'naya-simvolika/> (дата обращения: 19.11.2016).

² **Виноградная лоза** – евангельский образ Христа, единого источника жизни для человека посредством причастия. Кроме того, символ лозы имеет значение Церкви: её члены – ветви, а виноградные грозди означают Причастие (способ жизни во Христе).

Хлеб – символ тела Христова. По сути, это отсылка к библейскому эпизоду, когда пять тысяч человек насытились пятью хлебами. Хлеб часто изображали в виде колосьев (снопы символизируют собрание апостолов) или в виде хлебов для причастия.

³ **Агнец** – ветхозаветный символ жертвы Христа. Агнец-Христос изображался в виде ягнёнка или козлёнка вместе с пастухом или его принадлежностями.

Добрый пастырь – образ Богообщения, божественной радости о пропавшей овце – кающемся грешнике (в Евангелии от Луки). Христа изображали в виде пастуха, иногда несущего ягнёнка (агнца) на плечах. Этот символ глубоко проник в христианство. Поэтому прихожан часто называют паствой, а священников – пастырями.

Рыба – образ рыбы относится к Христу как истинному Хлебу Жизни в противоположность змее – символу дьявола. Изображение рыбы иногда сочетается с изображением корзины с хлебами и вином, т. е. связывается с самим Христом. Кроме того, это древняя монограмма имени Христа, состоящая из первых букв слов «Иисус Христос Божий Сын Спаситель», часто изображавшаяся в виде рыбы. Символ был тайным опознавательным знаком у ранних христиан.

Корабль – в христианстве ассоциируется с Церковью. В изображениях корабля, несущегося по волнам житейского моря под знаком креста и направляющегося к Христу, адекватно выражен образ христианской жизни, итог которой – обретение вечной жизни в единении с Богом.

Якорь – символ христианской надежды на будущее Воскресение, т. е. образ спасения.

Илл. 17. Ранние христианские символы, связанные с образами Агнца, Доброго Пастыря и рыбы (Луковникова Е., 1995).

Илл. 18. Монограммы с именем Христа (Луковникова Е., 1995).

познакомиться с этой интереснейшей темой отсылаю к специальным изданиям¹.

Недавно появилась новая любопытная классификация слов, относящихся к христианской символической, составленная на основе филологического принципа: 1) «именования живых существ» (животные, птицы и т. д.): агнец, аспид, бык и т. д.; 2) «наименования растений»: виноград, дерево, Древо Жизни и т. д.; 3) «религиозные начала»: ад, апокалипсис, вознесение и т. д.; 4) «символы-имена, личности и существа в христианской традиции»: Авель, Адам, Апостол и т. д.; 5) «природные объекты и природные явления»: вода, ветер, вихрь и т. д.; 6) наименования «предметов культа, религиозных обрядов и таинств»: алтарь, артос, Библия и т. д.²

Полагаю, что даже гипотетически Среднее Поволжье никак не могло быть одним из основных носителей раннехристианских традиций хотя бы в силу географической удалённости от Римской империи и других государств, ставших опорой новой

¹ См., напр.: Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егзаров. – М.: Астрель; АСТ, 2007; Энциклопедия символов / Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко, А. Н. Гордиенко; под. ред. О. В. Перзашкевича. – М., 2007 и др.

² Гузенко И. В. Лексико-семантическая парадигматика христианских слов-символов в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 2. – 2007. – С. 59–63.

веры¹. В пользу данного предположения свидетельствует и слабая торговля с указанными странами. Поэтому вряд ли здесь археологи могли встретить такие присущие катакомбной Церкви символы, как виноградная лоза или рыба. Но артефакты с крестообразными изображениями, ставшими позднее ведущими в христианстве, на интересующей меня территории вполне могли быть. Ведь нашли же среди богатейших вещей Перещепинского клада (комплекса) близ Полтавы (Украина), приписываемого болгарскому хану Кубрату, три золотых перстня с греческой монограммой «Хобрату патрикию» с крестом в центре (а также восемь золотых византийских солидов (монет) – все артефакты датируются VII в.)². Кроме того, в составе клада был дискос – богослужебный сосуд. Золотые кресты с него сначала содрали, а затем опять припаяли «в варварской мастерской»³.

Илл. 19. Перстень с монограммой Кубрата патрикия. Золото. Византия, VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перепещина, близ Полтавы (Украина). Инв. № W-1053. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (История татар. Т. 2. 2006)

Показательно, что будущий хан вырос в Константинополе и там же в 619 г. принял крещение. Кубрат поддерживал дружественные отношения с правителем самого могущественного в то время христианского государства – Византийской империи – Ираклием. После смерти хана созданное им государство Великая Болгария распалось, а болгары вошли в состав Хазарского каганата. Только часть их

под предводительством третьего сына Аспаруха ушла на Дунай. Неизвестно, насколько болгары были христианизированы в VII в., но в 864 г. политическая элита Дунайской Болгарии в качестве государственной религии приняла именно христианство. Артефакты с его символикой в VII в. и даже в VI в. про-

¹ Моё предположение подтверждается результатами исследований А. В. Безрукова. По его мнению, импортные римские и византийские серебряные изделия в период I–VII вв. проникали на территорию Волго-Камья из Закавказья посредством сухопутного и речного торгового пути. Большая часть византийской серебряной посуды была привезена во второй половине V – середине VII вв. Основная часть предметов импорта использовалась местной элитой в качестве предметов роскоши, значительно меньше могло применяться в культовых языческих обрядах, а также в быту и для изготовления украшений. См.: Безруков А. В. Импортные римские и византийские серебряные изделия на территории Волго-Камья (по материалам археологических комплексов I в. до н.э. – V–VII вв. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3. – С. 253–263.

² История татар с древнейших времён в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 47.

Кубрат (жил предположительно в 606–665 гг.) – основатель и первый правитель объединения племён Великая Болгария, дал мощный импульс зарождению будущей болгарской государственности на Средней Волге и Нижнем Дунае. Носил титул патриция (патрикия), который давался в Византийской империи «варварским» вождям только после обряда крещения.

³ Багаудинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – С. 172.

слеживаются и в Среднем Поволжье. Но об этом – несколько позже.

Вообще изображения креста, на котором был распят Христос, появились в IV в., а в V в. начал распространяться четырёхконечный крест двух типов – греческий с равными вертикальной и поперечной перекладинами и латинский, у которого вертикальная стойка длиннее поперечной¹. Затем к VI в. началось триумфальное шествие восьмиконечного креста, впоследствии широко принятого Русской православной церковью.

Нельзя не сказать и о том, что знак креста имеет глубокие исторические корни в мировых религиозных системах, т. е. был известен и применялся за многие тысячи лет до Иисуса Христа. Как геометрическая фигура он являлся солярным (солнечным) символом, олицетворявшим собой бессмертие, вечную память с одной стороны и смерть и жертву с другой². Крест с перекладиной сверху как атрибут богов имел хождение в Древнем Египте и Древней Греции, причём в последней его носили на груди во время праздников и шествий в честь Диониса, бога виноделия и виноградарства, вдохновения, растительности и религиозного экстаза. У ранних славян знаком креста отмечались предметы, обладавшие священным статусом, а также почитаемые и опасные места³. Поэтому артефакты с изображением креста далеко не всегда свидетельствуют об их христианской принадлежности.

В христианстве он стал главным символом и одновременно монограммой имени Христа. Примерно с IV в. появляется традиция ношения нательных крестов, которые люди получали при совершении таинства крещения и не расставались с ними до конца жизни⁴. Правда, длительное время она была неустойчивой. В христианстве кресты олицетворяли мучения и гибель Христа. Для верующих они являлись символом победы над дьяволом и торжества Божьего, напоминающие о том, какую жертву принёс ради человеческого рода Спаситель.

Начиная с появления первых христиан на Руси существовало два вида нательных крестов: так называемые «тельники» (их носили на теле под одеждой) и «энколпионы» (греч. «на

¹ Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьёв Н. М. Тысячелетие креста. – М., 2003. – С. 5–6.

² Баешко Л. С., Гордиенко А. Н., Гордиенко А. Н. Энциклопедия символов. – М., 2007. – С. 237.

³ Более подробно см.: Белова О. В. Крест // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 259–261.

⁴ Традиция появилась не сразу потому, что ранние христиане не акцентировали внимание на Господе как реальном человеке, умерщвлённом на кресте. Данный вид казни предназначался только для преступников.

груди»), которые одевали поверх одежды¹. Большинство средневековых крестов, найденных на территории современной России, были равноконечными. Интересно, что окончательно канон иконографического изображения православного Распятия церковные иерархи утвердили только в 692 г. В итоге была художественно решена сложная догматическая задача изображения двух ипостасей Христа (человеческой и божественной), одновременно показывающая смерть и победу Спасителя. Забегая вперёд, скажу, что первые найденные на территории Среднего Поволжья нателные крестики датируются XI в. Недавно в Нижнем Поволжье на Самосдельском городище в слое XII в. археологи нашли створку креста-энколпиона – единственный относящийся к домонгольскому времени в данном регионе христианский предмет². На территории Европейского северо-востока России (Республика Коми, Кировская область и Пермский край) первые обнаруженные предметы культа относятся к XII–XIII вв. – это 7 изделий, среди которых каменные и бронзовые кресты и иконки-медальоны³.

Серьёзные трудности в применении крестов как маркеров наличия в том или ином регионе христианских традиций подчёркивают многие исследователи. Так, Ю. В. Колпакова применительно к средневековой Руси писала: «Нателные кресты XI–XV вв. отличаются большим разнообразием форм и материалов: камень, металл, янтарь, перламутр; изображения на крестах не регламентированы, мастерам-ювелирам предоставляется свобода в выборе формы и декора креста. Не обязательно для христианина в это время и повседневное ношение тельника и погребение с ним. Археологические и письменные источники подтверждают, что с XI до XVI в. тельники не использовались в погребальных обрядах городского населения, предметы личного благочестия запрещалось погребать вместе с усопшим, не было церковных постановлений, пред-

¹ **Энколпион** – складной двухстворчатый нагрудный крест с подвижным оглавием, предназначенный для хранения мощей или иных святынь (в широком смысле). Подобный крест имел хождение в Византийской империи и средневековой Руси в XI–XV вв. В научной литературе принято употреблять данный термин по отношению к полым двухстворчатым крестам-реликвариям домонгольского периода. Начиная с XIV в. такие кресты обычно называют мощевиками. Учитывая научно-популярный жанр книги и для удобства я буду применять единый термин – «энколпион».

Первые нателные крестики на Руси датируются X–XI вв. По аналогии можно предположить, что на территории Среднего Поволжья (Волжской Болгарии) они могли появиться примерно в это же время.

² Васильев Д. В. Новые сведения о христианстве в дельте Волги в предмонгольское время // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 158. – Кн. 3. – С. 666–672.

³ Клёнов М. В. Предметы личного благочестия XII–XVIII вв. (к вопросу о становлении православия на Европейском северо-востоке) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2015. – № 1. – С. 10.

писывавших носить нателный крест. В Пскове устойчивая традиция погребения мирян с крестом прослеживается только с XVI века¹. Что касается Волго-Камья, то здесь артефакты христианского культа стали частью охранительных обрядов не позднее XIII в. К ним относятся предметы личного благочестия – иконки, энколпионы и нателные крестики, которые носили как самостоятельно, так и в ожерельях из каменных и стеклянных бус².

Тем не менее, культовые предметы можно и нужно с известными оговорками считать одним из показателей уровня христианизации населения. Соответствующий погребальный обряд не был устойчивым, его элементы на территории Центральной России и Поволжья формировались вплоть до XVII в. Показательно, что аналогичный мусульманский обряд также длительное время не являлся унифицированным и в нём наблюдались многочисленные отклонения. Поэтому конфессиональную принадлежность погребённого в эпоху средневековья, особенно христианина, можно проследить далеко не всегда. Даже в могильнике XV в. (Тетюшский IV могильник, Тетюшский район РТ) археологи лишь предположительно среди мусульманских захоронений выделили одно христианское³.

Ярким символом рассматриваемой религии являлись иконы⁴. Считается, что древнейшая из ныне известных икон была написана в VI в. Сейчас она хранится в монастыре святой Елены на горе Синай (Синайский полуостров, Египет). Самые ранние сведения об иконах на Руси относятся к 991 и 1114 гг. Первая дата отражает факт строительства князем Владимиром храма в Киеве и заказа для него икон в городе Корсунь (старорусское название древнегреческого города Херсонес Таври-

¹ Колпакова Ю. В. Христианская традиция в Пскове по данным археологии (предметы личного благочестия) // Археологическое изучение земли Псковской. – 2002. – № 16. – С. 27–30.

Вместе с тем, по материалам последних раскопок известны кресты-тельники в захоронениях Старовознесенского некрополя X – начала XI вв. в Пскове (Древнерусский некрополь Пскова X – начало XI века. В 2 т. Т. II. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). – СПб.: Нестор-История, 2016. – 624 с.), также нателные кресты «скандинавского типа» известны из раскопок в Гнездово, Киеве, Тимерево и др., где датированы X–XI вв. (прим. науч. ред.).

² Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным. Дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2004. – С. 347.

³ Руденко К. А., Нечвалода А. И. Портретная антропологическая реконструкция по черепу и краниология погребения из могильника на II Тетюшском городище // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 3. – С. 130.

⁴ **Икона** – в узком смысле слово относится к моленному образу, написанному красками, резному, мозаичному и т. д. (в православии литургический образ). В широком смысле это любое изображение.

ческий, юго-западное побережье Крыма), вторая – смерть первого русского иконописца Алимпия. В общем, первые иконы появились на территории средневековой Руси, вероятно, в конце X в. А самые ранние иконы на территории Волжской Болгарии датируются примерно XII–XIII вв. До нас дошли только маленькие иконки из бронзы, камня и свинца, возможно, носимые на груди. Возможно, существовали и привычные нам образы на деревянных досках, но они не сохранились.

Какие же материальные (вещественные) маркеры можно применять для поиска следов христианства в Среднем Поволжье? Логично предположить, что в силу специфики исследуемого исторического периода – VI–XV вв. (средневековье), в котором главный вид источников – археологический, маркеры следует распределить на пять групп: 1) предметы личного благочестия (нательные крестики, образки, ладанки и пр.); 2) богослужебные предметы (церковного благочестия); 3) остатки культовых зданий (храмов, монастырей и пр.); 4) артефакты с христианской символикой (украшения, печати, монеты и т. д.); 5) отдельные захоронения и кладбища с соответствующим обрядом погребения (правда, в рассматриваемую эпоху христианские похоронные каноны в провинции были неустойчивыми), а также каменные надгробия.

Понятно, что последние две группы маркеров являются косвенными, так как по ним чаще всего невозможно точно

определить конфессиональную и тем более этническую принадлежность их владельцев. Например, украшения и монеты с христианской символикой говорят, прежде всего, о торговых связях с другими странами. Многие подобные монеты использовались как подвески. Думаю, что в совокупности имеющиеся сведения по всем пяти группам вещественных маркеров позволят более-менее полно проследить динамику процесса христианизации населения Среднего Поволжья.

Как я уже кратко упоминал, самый ранний артефакт с предположительно христианской символикой найден в богатой женской могиле № 43 Коминтерновского II могильника на территории Спасского района РТ и датируется второй половиной VI в. н.э. Изучавший его Е. П. Казаков характеризовал памятник как крупнейший некрополь именьковской культуры в Западном Закамье. Среди типичных для именьковцев захоронений с трупосожжением археологи раскопали 20 могил с ингумацией¹ (труположением), причём погребённые находились в глубоких (до 200 см), длинных (до 300 см) и широких (до 110 см) ямах². Учёный отмечал языческий обряд захоронения с обильным вещевым набором (керамика, предметы вооружения и костюма и т. д.), жертвенными комплексами лошади с предметами конского снаряжения, а также остатками пищи. Умерших хоронили головами на север, некоторые черепа имели искусственную деформацию. Богатые поясные наборы с серебряными деталями раннегеральдического облика помогли датировать некрополь второй половиной VI в.³ Жаль, что сейчас он уже полностью уничтожен водами Куйбышевского водохранилища.

По мнению Е. П. Казакова, описанные погребения принадлежали поздним восточным сарматам (ираноязычные племена), пришедшим в Волго-Камье из Приаралья в результате миграционных процессов во время образования Первого Тюркского каганата. Похожие могильники отмечены и в других местах Урало-Поволжья, например, рядом с недалеко расположенным Новославским II селищем. Возможно, сарматы откочёвывали сюда только на летний сезон. Конечно, эта гипотеза требует дальнейшей детальной проработки, но она подтверждает тезис о полиэтничности именьковской культуры.

¹ **Ингумация** – термин в археологии для обозначения захоронения тела умершего целиком в почву, в противоположность кремации или оставлению тела на поверхности земли или в воздухе, т. е. труположению.

² Казаков Е. П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Тюркская археология. – 1999. – № 1–2. – С. 27.

³ Там же.

Илл. 20.
Примерное
местоположение
ныне размытого
Коминтерновского
II могильника.
Вторая
половина VI в.
Спасский район
Республики
Татарстан.
01.09.2016 г.
Фото Е. А. Бурдина

Естественно, что для меня самой интересной и поистине уникальной находкой среди вещевых комплексов Коминтерновского II могильника является обнаруженный в могиле № 43 кубок из голубоватого стекла. Приведу его описание: «Он имеет вид полушарной чаши диаметром 9 см, укрепленной на ножке с круглым поддоном. Высота сосуда 9 см. Внешняя поверхность чаши сверху и снизу ограничена горизонтальными каннелюрами (*вертикальными желобками*. – Е.А.Б.) и украшена выемчатым орнаментом в виде круга, креста, овала, прямых коротких линий»¹. По определению Ю. Л. Щаповой, такие кубки применялись византийским духовенством для

Илл. 21. Кубок. Стекло. Вторая половина VI в. Коминтерновский II могильник. Спасский район Республики Татарстан. Раскопки Казакова Е. П., 1991 г. (История татар. Т. 1. 2002)

причастия, а по мнению С. И. Валиулиной, сосуд имеет ближневосточное или сирийское происхождение². Е. П. Казаков считает, что аналогичные по форме чаши отображены также в сюжетах царского пира на иранских серебряных блюдах. Похожий кубок того же времени из зеленоватого стекла обнаружен в Бирском могильнике Республики Башкортостан. Но на нём нет орнамента в виде креста.

¹ Казаков Е. П. Два стеклянных кубка VI в. н.э. из некрополей Урало-Поволжья // Russian History. Vol. 32. No. 3/4 (Fall Winter 2005). P. 356.

² Там же. P. 364.

О высоком социальном статусе похороненной женщины свидетельствовали богатые артефакты, среди которых выделяется шейная бронзовая гривна, серебряные серьги, стеклянные бусы, накладка в виде свастики и т. д. Также в могиле нашли обрывок железной кольчуги, железный нож и фрагменты деревянных ножен.

Получается, что в явно языческом погребении обнаружен предмет, предположительно применявшийся в христианском богослужении и с символикой в виде креста. Возникает вопрос – если похороненная женщина не была христианкой, то откуда здесь появилась такая редкая вещь? У меня есть два варианта объяснения данного факта. Первый – кубок попал к его обладательнице как предмет роскоши в результате торговой операции. Но эта версия имеет право на существование только в случае, если всё же артефакт не использовался в богослужбном процессе. Второй вариант – кубок является военным трофеем. В таком случае, вероятно, его захватили в храме или монастыре во время боевых действий. Если принять версию Ю. Л. Щаповой, то я склоняюсь ко второму варианту. В любом случае стеклянный сосуд с христианской символикой (или без неё) был для кочевников-язычников (восточных сарматов) необычной вещью, предметом роскоши. Возможно, они что-то и знали о христианстве. Но это не означает, что обладатели кубка являлись приверженцами данной веры. Самое большое допущение, которое я могу здесь сделать – допущение о вероятной веротерпимости людей, похороненных в Коминтерновском II могильнике, их уважении к христианству. И если это так, то отсчёт истории проникновения новой веры в Среднее Поволжье можно начинать со второй половины VI в.

Следующий интереснейший объект культурного наследия – Шиловский курганный могильник (комплекс из трёх

Илл. 22. Общий вид местности, в районе которой находился Шиловский курганный могильник VII в. Сенгилеевский район Ульяновской области. 07.09.2016 г. Фото Д. А. Кочеткова

Илл. 23. Комплекс костяных пластин окантовки щита. VII в. Шилловский курганный могильник. Раскопки Багаутдинова Р. С., 1992. Сенгилеевский район Ульяновской области. СОИКМ (место хранения), КП-26136/32, КП-26136/33, КП-26136/34, КП-26136/35, КП-26136/36, КП-26136/37⁵

Илл. 23. Комплекс костяных пластин окантовки щита. VII в. Шилловский курганный могильник. Раскопки Багаутдинова Р. С., 1992. Сенгилеевский район Ульяновской области. СОИКМ (место хранения), КП-26136/32, КП-26136/33, КП-26136/34, КП-26136/35, КП-26136/36, КП-26136/37⁵

курганов) VII в. в Сенгилеевском районе Ульяновской области, раскопанный самарскими и ульяновскими археологами в 1992 г. и теперь уже знаменитый на всю Россию¹. Ограбленные захоронения тюркских (хазарских) представителей родовой знати были уникальными во многих отношениях. Исключительный интерес для науки представляет найденная здесь коллекция костяных пластин с рисунками². Учёные разделили их на три сюжетные линии: 1) космическая борьба двух начал в виде схватки двух крылатых драконов, под лапами которых сидят два зайца; 2) единоборство человека и медведя; 3) сражение легковооружённых и тяжеловооружённых воинов³. Первоначально археологи выдвинули три версии проникновения этих сюжетов на Среднюю Волгу: иранскую, китайскую и тюркскую, причём они склонялись к последней. Подобные пластины были обнаружены в тюркских погребениях VII–VIII вв. на Алтае и в Сибири, что являлось дополнительным свидетельством в пользу сибирских (тюркских) корней кочевников, мигрировавших в Среднее Поволжье⁴.

¹ Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. Указ. соч.

² По одной версии, они украшали луку боевого седла, по другой – являлись накладками на круглом щите. Д. А. Сташенков убедительно доказал вторую.

³ Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. Указ. соч. С. 27.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Источник: Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. – М., 2016. – С. 242–245.

Расшифровка таинственных сюжетов продолжается до сих пор. По мнению одного из исследователей – старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Н. А. Фоняковой, «...на Шилловских пластинах изображён драматический эпизод из жизни тюркского военачальника, происшедший в самый разгар военных действий. Во время охоты на него натравили огромного медведя. Часть свиты (или тяжеловооружённого конвоя) разбежалась, некоторые воины попали в засаду (их обстреливали из бронебойных луков враги). Спасая свою жизнь, военачальник встал на колени и натянул лук, на котором в самый неподходящий момент лопнула тетива. Вероятно, он погиб, сражаясь с медведем. Можно предположить, что это была военная хитрость противника, решившая исход войны <...> Пластины были положены в могилу победителя»¹.

Илл. 24. Крест на вставке из горного хрусталя на пряжке (слева – рисунок (Багаутдинов Р. С. и др., 1998 (с. 224), справа – фотография). VII в. Шилловский курганный могильник. Раскопки Багаутдинова Р. С., 1992. Сенгилеевский район Ульяновской области. Фото предоставлено СОИКМ (место хранения), КП-26136/26

Несмотря на ограбленность курганов, в могилах нашли также ценнейшую коллекцию вещей: золотой перстень, серьги с аместистами и жемчужиной, две золотые монеты и т. д. Одной из них был византийский солид императора Ираклия (время правления 610–641 гг.) – по нему установили и примерную датировку кургана – середина (вторая половина?) VII в., а другой – всего лишь подражание первой². Для меня наибольший интерес в данном случае представляет присутствие здесь христианских символов – крестов на монете и креста на вставке из горного хрусталя. Монеты с отверстиями у края могли носить на шее наподобие современных нательных крестов.

Археологи предполагают, что Шилловские курганы были оставлены либо современниками хана Кубрата, либо людьми, жившими чуть позже его³. Учитывая факт крещения основателя Великой Болгарии (и, вероятно, части болгарской знати) и активную христианизацию Северного Кавказа с VI в., на территории которого миссионеры строили церкви и даже издали

¹ Фонякова Н. А. К семантике шилловских пластин // Поволжская археология. – 2013. – № 1. – С. 166.

² Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. Указ. соч. С. 108–109.

³ Там же. С. 172.

Илл. 25.
Византийская
золотая монета.
VII в.
(626–628 гг.).
Шиловский
курганский
могильник.
Раскопки
Багаутдинова Р.С.,
1992.
Сенгилеевский
район
Ульяновской
области.
СОИКМ
(место хранения),
КП-26136/6¹

Священное писание на гуннском языке, в шиловских артефактах ничего необычного нет. Факт христианизации части населения Кавказа подтверждают и находки в могильниках предместов с крестами и даже остатки двух небольших храмов.

По мнению учёных, Шиловский курганный могильник относится к одному культурно-хронологическому горизонту с Перещепинским кладом. Поэтому они считают, что «...часть раннеболгарской знати, в том числе и та, что пришла на Волгу, или исповедовала христианство, или, по крайней мере, была знакома с христианством. И не исключено, что истоки ориентировки раннеболгарских могил (восток-запад) следует искать в христианской традиции»². Судя по опубликованным материалам раскопок, захоронения были выполнены по языческому обряду. Поэтому мне ближе версия о знакомстве хазарских пришельцев с христианством или, в крайнем случае, о заимствовании ими отдельных обрядов из него.

Первый известный нам по письменному источнику факт христианского миссионерства на территории Среднего Поволжья датируется концом X в. Никоновская летопись сообщала: «Того же лета (6498, т. е. 990 г. – Е.А.Б.) послал Владимир философа, называемого Марком Македонянином³ в Болгары, которые есть мусульмане <...> говоря: "как приходили ко мне раньше, когда еще не просвещен был верой православной, хвалили свою веру скверную, и меня принуждали принять⁴; я же увидел истину о ней, какая есть отвратительная, и не принял ее; ты же иди к ним и проповедай им слово Божие для того, чтобы верили в Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа,

¹ Источник: Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара... С. 238.

² Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С. Э. Указ. соч. С. 172.

³ **Марк Македонянин** – предположительно, византийский миссионер, проповедовавший в конце X в. на территории Руси и Волжской Болгарии христианство (личность полуполюгендарная, т. к. упоминается только в одном источнике). Если он существовал на самом деле, то вероятно был первым миссионером, проникшим в отдалённые (от Византийской империи) северные земли.

⁴ Имеются в виду легендарные истории, связанные с процессом выбора правящей элитой Киевской Руси новой веры.

и да крестятся божественным его крещением, и с нами единоверными и единосветными (одинаково светящимися) будут, и небесные блага получат. Если же не захотят просветиться Божиим крещением, да не будут спорить о сем <...> я же не сотворил им вражды, так и они не сотворят". Философ же пришел в Болгары, и много говорил им слов Божьих, они же безумием своим лишились разума, он же возвратился к Владимиру в Киев, и много почестей и похвал было от него и от всех. Того же лета пришли из Болгар к Владимиру в Киев четыре князя и просветились божественным крещением; Владимир же чествовал их и снабдил многими благами» (текст частично переведён на современный русский язык, а орфография нетронутого текста частично исправлена. – Е.А.Б.)¹.

Насколько достоверны сведения источника? Во-первых, Никоновская летопись дошла до нас в виде сборника, составленного в XVI в. В данном случае между произошедшим событием и редакцией документа прошло около 600 лет. Это подтверждается тем, что в нём встречаются сравнительно поздние выражения, присущие XVI в. Наверняка летопись подвергалась многочисленным перепискам и переделкам, которые привели к немалым искажениям первоначального текста (он, кстати, тоже вряд ли был образцом объективности). Увы, нигде больше факт поездки не отразился, даже в «Повести временных лет». Во-вторых, автор сообщения слишком резко относился к мусульманской вере. Это нехарактерно для прагматичных политиков, которые понимали необходимость мирного соседства с другими государствами. Тем более что Русь и Волжская Болгария поддерживали теснейшие социально-экономические и культурные связи, а мирные взаимоотношения являлись правилом. Рациональное зерно здесь заключается в двух моментах: 1) попытка христианизации мусульманской части населения Волжской Болгарии; 2) любопытная деталь, согласно которой миссионерство привело к тому, что четыре князя (вероятно, со своими семьями) приехали в Киев и крестились. Всё это повышает достоверность летописного источника, и в случае реальности данного факта вызывает одобрение мирный финал поездки, хотя, по словам летописца, болгары-мусульмане и «лишились разума». Следующие зафиксированные в летописных сводах факты миссионерства произошли в начале XIII и XIV вв.

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 9. – СПб., 1862. – С. 58–59.

Точный перевод осуществлён с помощью словаря русского языка XI–XVII вв. 28 выпусков. – М., 1975–2008.

Илл. 26.
Монета
короля Оттона I
(936–973).
Белый металл.
Германия
(Священная
Римская
империя).
Болгарское
городище,
Спасский район
Республики
Татарстан.
БГИАМЗ,
ОФ-842/2,
инв. № Нум.
Ф.-11182

Косвенно свидетельствуют о связях населения Среднего Поволжья с христианскими государствами монеты, наиболее ранние из которых относятся, как видно на примере Шиловских курганов, к VII в. Некоторые датируются X в. Например, византийские монеты: медный фоллис императора Льва VI (886–912 гг.) и серебряный милиарсией императора Иоанна I Цимисхия (969–976 гг.), а также германские серебряные монеты: «вендка» (Магдебургское архиепископство, 965–1050 гг.), денарий (Саксония, Оттон III и Адельгейда, 983–1002 гг.) и его подражание X–XI вв. При раскопках Казанского кремля была обнаружена подвеска из свинцового чешского денария первой трети X в.¹

Некоторые монеты с христианской символикой (крест) найдены на территории Ульяновской области. На Арбузовском селище X–XI вв. (Старомайский район), обнаружили деньги X в.: монету тмутараканского князя Мстислава Владимировича (988–1036) примерно 988–1000 гг. и западноевропейский денарий чешского короля Болеслава II (972–999 гг.)². Не так давно удалось определить медную монету, найденную в центре г. Сенгилей Ульяновской области ещё в 1940-е гг. – это чекан Херсонеса³ выпуска 920–944 гг., времени правления византийского императора Константина VII Багрянородного (912–959 гг.)⁴. На её оборотной стороне имеется изображение четырёхконечного креста с двумя точками. Получается, что предметы с христианской символикой в VI–X вв. отражают только VI, VII и X вв.

¹ Ситдииков А. Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006. – С. 54.

² Лебедев В. П., Трушин И. Д., Кожевин А. Е. Монетный комплекс с Арбузовского селища Ульяновской области (X – начало XI вв.) // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. – Казань, 2011. – С. 152.

Тмутаракань – средневековый город на Таманском полуострове, в X–XI вв. входивший в состав Киевской Руси.

Арбузовское селище после создания Куйбышевского водохранилища находилось на острове, ныне культурный слой памятника полностью размыт.

³ **Херсонес** – древний и средневековый город на юго-западном побережье Крыма.

⁴ Информация предоставлена сотрудником Сенгилеевского народного историко-краеведческого музея (Ульяновская область) Ю. В. Крыловым.

Недавно А. Р. Мухамадеев выдвинул гипотезу, согласно которой после падения в 965 г. Хазарского каганата некоторые христиане из числа его жителей могли мигрировать на территорию Волжской Болгарии¹. Правда, никаких доказательств он не привёл. Некоторые аргументы в пользу появления здесь в конце X в. славянского населения с территорий к северо-западу от Хазарии привёл Е. П. Казаков (артефакты, см. подробнее в п. 2.1)². Таким образом, возможно, к уже проживавшим здесь христианам могли присоединиться новые приверженцы этой веры.

Илл. 27.
Чешский
денарий X в.
из раскопок
Казанского
кремля
(Ситдииков А. Г.,
2006)

Илл. 28. Монеты,
найденные
на Арбузовском
селище
(Старомайский
район
Ульяновской
области):
№ 1 –
тмутараканское
подражание
милиарсиям
Василия II
и Константина VIII;
№ 2 – денарий
Болеслава II,
Чехия, Прага;
№ 3 – денарий
Стефана I³,
Венгрия
(Лебедев В. П.,
Трушин И. Д.,
Кожевин А. Е.,
2011. С. 194)

¹ Мухамадеев А. Р. Где находился «Симов предел», и были ли среди волжских болгар христиане и иудеи? // Гасырлал авазы – Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 164.

Подробнее о христианах в Хазарии см.: Плетнева С. А. Хазары. – М., 1986. – С. 60.

² Казаков Е. П. Падение Хазарии и его отражение в археологических материалах Волжской Болгарии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – Вып. 1. – С. 82.

³ Поскольку данная монета относится к первой половине XI в., то она упоминается в п. 2.2, в котором рассматриваются артефакты XI–XV вв., связанные с христианством.

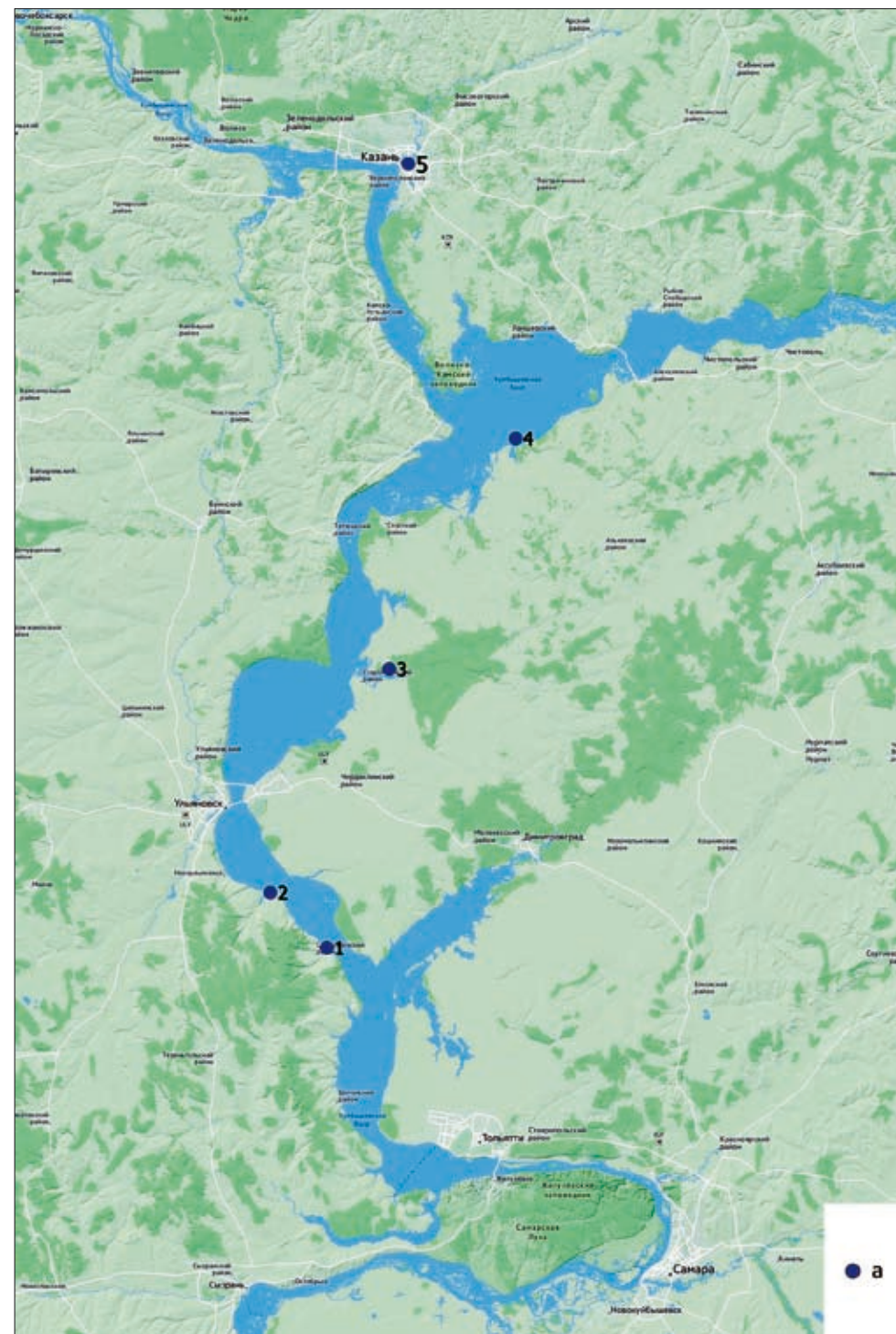
Илл. 29.
Медная
византийская
монета X в.,
найденная
в г. Сенгилей
(Ульяновская
область).
Фото
предоставлено
Ю. В. Крыловым

На карте «География вещественных маркеров христианства в Среднем Поволжье в VI–X вв.» представлены 5 населённых пунктов¹ и археологических памятников, в которых были найдены артефакты четвёртой группы (предметы с христианской символикой): 1 – г. Сенгилей, 2 – Шиловский курганный могильник, 3 – Арбузовское селище, 4 – Коминтерновский II могильник, 5 – г. Казань (Казанский кремль). Из общего количества вещей три (№ 1–3) обнаружили в Ульяновской области, а две (№ 4–5) – в Республике Татарстан.

Показательно, что в XI–XV вв. позиции христианства в Среднем Поволжье укреплялись. Об этнокультурном и религиозном фоне, на котором шёл этот процесс, и пойдёт речь в следующем параграфе.

Илл. 30. География вещественных маркеров христианства в Среднем Поволжье в VI–X вв. Буквой «а» отмечены артефакты четвёртой группы (предметы с христианской символикой). Составлена Е. А. Бурдиным, графика Н. А. Горбунова

¹ Современный населённый пункт указывается в том случае, если не удалось связать тот или иной артефакт с конкретным археологическим памятником.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ (XI–XV вв.)

2.1. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ И БОЛГАРСКОМ УЛУСЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Главной тенденцией этнокультурных процессов в Среднем Поволжье на протяжении XI – первой половины XV вв. было постепенное сглаживание племенных этнических различий. Мощным объединяющим фактором являлась мусульманская религия, которая не исключала наличие сравнительно широкой веротерпимости по отношению к представителям других конфессий. Происходило активное смешение различных этнических групп, главными из которых являлись тюркоязычные, финноязычные (коренное население), угорязычные и славяноязычные. Финальное формирование общebolгарского этноса следует отнести к XII – началу XIII в.

Ф. Ш. Хузин справедливо полагает, что «...нельзя абсолютизировать кажущуюся этническую однородность населения домонгольской Булгарии. Источники свидетельствуют, что этническая пестрота, столь характерная для ранних этапов сложения народности, сохраняется долго. Тюркоязычные группы, надо полагать, относительно быстро консолидировались в рамках единого сообщества.

<...> В южных и восточных периферийных районах страны проживали представители тех племён, с которыми булгары соседствовали. Среди них источники отмечают тюркоязычных гузов, печенегов, кыпчаков и башджардов (мажджардов или мадьаров)»¹.

Судя по исследованным памятникам археологии, в Волго-Камье в изучаемый период проживало большое количество финского и угорского населения, которое поддерживалось за счёт притока из соседних регионов – Прикамья (современный Пермский край и Удмуртия), Приуралья (бассейн р. Кама и

¹ Хузин Ф. Ш. Население (параграф в главе «Булгарское государство: образование, территория и население») // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 138.

Печора) и т. д. Славянские этнические группы проникали сюда преимущественно из Верхнего Поволжья (о русских см. подробнее ниже). Активной ассимиляции, вероятно, подвергалась только часть данных этносов. Поэтому они в значительной степени сохраняли свою национальную специфику, в т. ч. традиции материальной и духовной культур.

Особый интерес в силу объективности представляют материалы об антропологическом составе населения Волжской Болгарии. Процесс становления этноса волжских болгар¹ шёл по пути формирования метисного типа – европеоидного в основе с определённой долей монголоидной примеси². Он явился закономерным итогом значительного количества смешанных браков между ведущими этническими группами централизованного государства, а именно тюркоязычными болгарскими и финноязычными и угорскими (поволжско-приуральскими) племенами. Источники подтверждают непосредственное участие последних в формировании этноса и культуры волжских болгар на всех уровнях: политическом, торговом, культурном (наличие большого числа гибридных элементов) и селитебном (массовое проживание на данной территории)³. Болгары также оказывали сильное влияние на финнов и угров, выразившееся в их частичной тюркизации и мусульманизации.

Анализ новейших антропологических материалов из мусульманских некрополей г. Болгар золотоордынского времени подтвердил тезис о неоднородности его населения⁴. Данные археологии и антропологии говорят о проживании здесь отдельных этнических групп, как местных, так и пришлых. Это является специфической особенностью крупного культурного и торгово-ремесленного средневекового города, административного центра Болгарского улуса.

¹ По мнению К. А. Руденко, содержание этнонима «болгары» («булгары») к середине XI в. лишилось прежнего этнического наполнения и стало полиэтнонимом, обозначая всех жителей этнической территории Волжской Болгарии. См.: Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным. Дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2004. – С. 373.

² Газимзянов И. Р. Антропологический состав населения Булгарии // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 620.

Более подробно см.: Газимзянов И. Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии: реконструкция этногенетических процессов. Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001.

³ Казаков Е. П. О взаимодействии волжских болгар с финно-уграми // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 630.

⁴ Газимзянов И. Р. Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. – 2015. – № 3. – С. 122.

Илл. 31. Реконструкции по черепам мужчин молодого (слева) и зрелого (справа) возраста из некрополей в районах площадки бывшего аэродрома и «Памятного знака». Автор Н. Р. Рахматуллин. Болгарское городище. Спасский район Республики Татарстан (Газимзянов И. Р., 2015. С. 121)

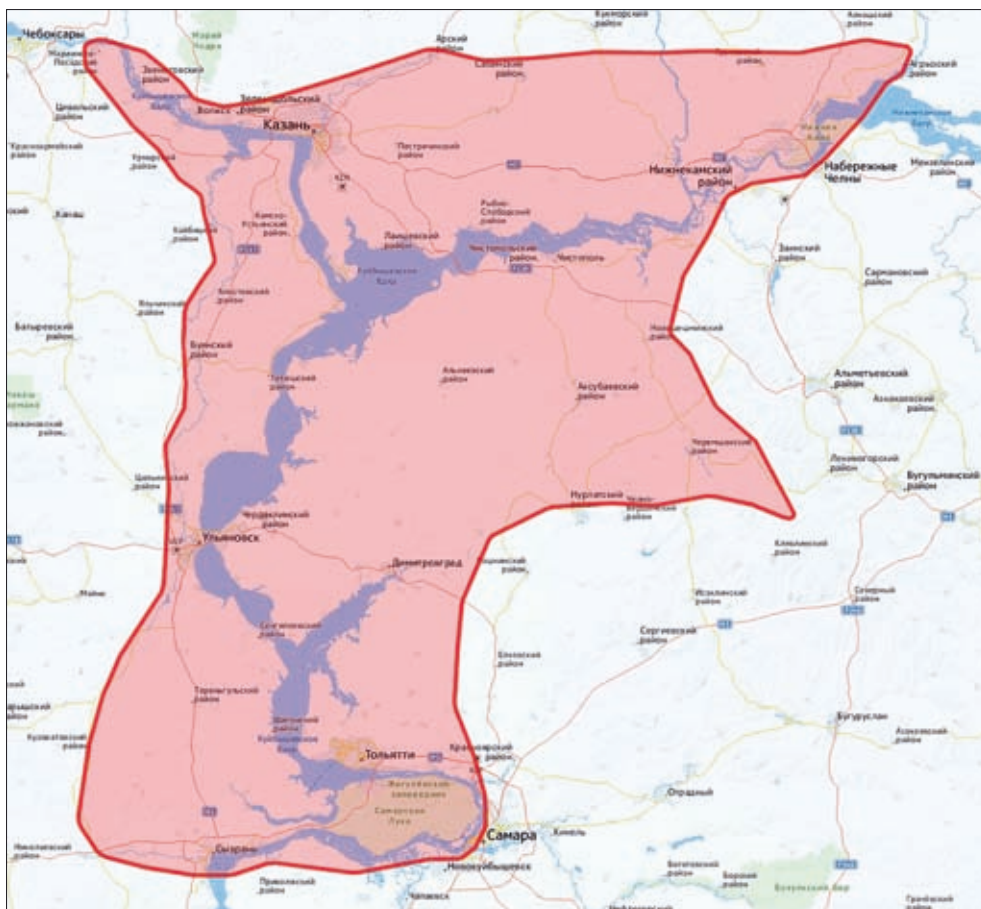
По мнению Л. Т. Яблонского, «...именно в золотоордынскую эпоху зарождается процесс, уничтоживший старые этнические границы между группами домонгольского населения Поволжья. В результате этого процесса происходит трансформация домонгольских объединений в татарскую общность»¹.

Благоприятная этнокультурная ситуация, наступившая в Среднем Поволжье через некоторое время после нашествия Батые и длившаяся более столетия, изменилась во второй половине XIV в. В результате комплекса причин, среди которых следует выделить военные конфликты, изменения природно-климатических условий и эпидемию чумы, начался отток оседлого населения из лесостепной в лесную зону, на север². Многие большие средневожские поселения пришли в запустение. В этом плане показателен пример Болгара, активная жизнь на котором с последней трети XIV в. постепенно затухала, и после 1431 г. крупный городской центр фактически превратился в небольшой посёлок. Ситуация несколько стабилизировалась в конце XIV – первой половине XV вв., когда на территорию Волго-Камья переселялись поволжские финны, русские и группы кочевого тюркоязычного населения³. Но

¹ Яблонский Л. Т. Антропологическая характеристика населения Улуса Джучи // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. – Казань, 2009. – С. 375

² Ситдинов А. Г. Историческая география Среднего Поволжья: вторая половина XIV – первая половина XV вв. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы VII международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. – Казань – Ялта – Кишинёв, 2016. – С. 136–137.

³ Там же. 137.

Илл. 32. Территория Волжской Болгарии в X – первой трети XIII вв. (Руденко К. А., 2007. С. 112).¹ Графика Н. А. Горбунова

при этом центр власти вместе со смещением благоприятных в селитебном отношении земель сдвинулся на север, в Закамье. Во второй трети XV в. в северной части Болгарского улуса распавшейся Золотой Орды возникло Казанское ханство, существовавшее более века.

Весьма перспективным представляется изучение этнической картины Среднего Поволжья VII–XV вв. с точки зрения экологической адаптации² населения. К. А. Руденко выделил несколько этапов данного процесса: 1) VII–IX вв. – освоение края немногочисленными «пионерными» тюркоязычными группами; 2) X–XIII вв. – продолжение формирования полиэтничного общества с высокой численностью нескольких этносов и в итоге создание адаптивного типа населения, что

¹ Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII века: поселения и материальная культура. – Казань, 2007. – С. 112, рис. 1.

² **Адаптация** – в данном контексте приспособление человека к условиям той или иной среды – экологической, социальной и т. д.

сопровождалось активными миграциями в условиях стабильности популяции; 3) XIV–XV вв. – уменьшение популяции и смена доминирующих этносов (финно-угорского на тюркский) в результате социальных и политических изменений¹.

Также учёный проследил отражение этнокультурных контактов в материальной культуре народов региона и оценил их качественные характеристики, факторы и т. д. Он писал: «Волго-Камье в X–XIV вв. было зоной активных этнических и культурных контактов, оказавших существенное влияние не только на коренные народы края, но и на новообразованные этносы в рамках сложившегося государства (Волжская Болгария), включивших и значительный массив коренного финского населения региона. Разнообразие этнокультурных признаков в материальной культуре Волжской Болгарии сохранялось на протяжении более чем 400 лет, несмотря на нивелирующее воздействие государственной культуры Булгарского государства, Золотой Орды и ислама. Таким образом, взаимодействие кочевых и осёдлых культур в урало-поволжском регионе в начале II тыс. н.э. носило не поступательный, а циклический характер, переживая периоды спада и подъёма. Причем решающим фактором этнокультурных процессов в данном случае являлась субстратная основа (финская в регионе). Инновационный процесс тесно связан с динамикой и интенсивностью торговых путей, а также характером этнических контактов (ассимиляция, интеграция и т.п.) в контактной зоне»².

Если на раннем этапе, в VII–X вв., кочевники являлись значительным элементом зарождавшегося этноса, то позднее, в XI–XV вв., они составляли самостоятельные этнические группы в сформировавшемся народном массиве, будучи при этом не только носителями своей национальной культуры, но и посредниками в передаче инокультурных традиций. Закономерно, что компоненты кочевой культуры не воспринимались осёдлым населением, за исключением случаев, когда они становились частью государственной культуры (эпоха Золотой Орды)³.

Описание и оценка этнокультурной картины рассматриваемого региона в XI–XV вв., учитывая название книги, будут невозможными без более подробного разговора о славянском присутствии. На основе датировки археологических артефактов можно смело утверждать, что русское население появилось

¹ Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье... С. 372.

² Там же. С. 374–375.

³ Там же. С. 312.

Илл. 33. Реконструкция внутреннего интерьера жилой постройки на территории Волжской Болгарии. Вторая половина XI – начало XII вв. По материалам раскопок К. А. Руденко Остолоповского селища (Алексеевский район РТ). Автор реконструкции – К. А. Руденко, исполнение – В. Е. Барсуков, И. А. Мухачёв под руководством С. И. Матвеева. НМ РТ. Фото Е. А. Бурдина

на территории Волжской Болгарии, а именно в Западном Закамье и Ульяновском Предволжье, в конце X–XI вв. Правда, одни учёные считают исходным регионом миграции Верхнее Поволжье, а другие – северо-западные районы, прилегающие к Хазарии (ареалы проживания вятичей и северян – носителей роменско-борщевской культуры)¹.

На территории Среднего Поволжья обнаружены следующие предметы материальной культуры славянского происхождения XI–XV вв.: шиферные пряслица (самое раннее найдено в погребении № 1105 Танкеевского могильника, датированном третьей четвертью X в.), круглые подвески в виде лунниц²,

¹ Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье... С. 291–292; Казаков Е. П. Падение Хазарии и его отражение в археологических материалах Волжской Болгарии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – Вып. 1. – С. 82.

Роменско-борщевская культура – археологическая культура славянского населения лесостепной зоны, охватывала территорию современных северо-восточной Украины (днепровское левобережье) и Центрально-чернозёмной России VIII–X вв. Считается, что её основными этническими группами были вятический и северянский племенные союзы.

² **Лунница** – бронзовая или серебряная подвеска (украшение) в форме полумесяца с направленными вниз «рогами». Изначально являлась оберегом, известна с эпохи бронзы. Символизирует лунный культ, плодородие и женское начало.

пяти- и семилучевые височные подвески (связываются с ранними славянами роменско-борщевской культуры), миниатюрные топоры-амулеты, керамические изделия и т. д.¹

Совершенно очевидно, что единичные находки славянских вещей (наиболее характерны вятические, кривичские и новгородско-словенские височные кольца, бронзовые амулеты-ложечки)

в домонгольской Волжской Болгарии свидетельствуют о вероятном наличии подневольного населения, а «...наличие археологически полного хозяйственно-культурного комплекса на поселениях, включающего постройки, традиционную керамику, украшения, характерные элементы традиционной культуры (например, разведение свиней) и т. п., позволяет говорить об этнических диаспорах, не связанных с рабством»².

В целом необходимо отметить, что русское пребывание в той или иной степени отмечается во многих более-менее крупных и значимых населённых пунктах Волжской Болгарии и Болгарского улуса, причём как в городских, так и сельских. Как правило, это были отдельные подворья или достаточно обширные поселения, состоявшие из купцов, ремесленников и представителей других профессий. Так, в заречной части Болгара в середине XIII – первой половине XIV вв. действовала Русская колония-посёлок (см. подробнее об этом в п. 2.2), а в верхней части города русские проживали чересполосно, т. е. в разных частях.

Понятно, что значительное количество русских вещей представляло собой предмет импорта и не является доказательством проживания русских этнических групп. Яркий пример в данном контексте – это шиферные пряслица³, с XI в. буквально хлынувшие из юго-западной Руси в Среднее Поволжье. Некоторые другие материальные артефакты, наоборот, нередко

¹ Казаков Е. П. Падение Хазарии и его отражение... С. 82 и др.; Информация по славянским предметам, обнаруженным в г. Сенгилей Ульяновской области и его окрестностях, предоставлена научным сотрудником Сенгилеевского краеведческого музея Ю. В. Крыловым.

² Руденко К. А. История Волжской Булгарии... С. 29.

³ **Пряслице** – грузик из обожженной глины, камня или кости, насаживаемый на веретено (ручное приспособление для прядения пряжи) для придания ему устойчивости и равномерности вращения. Шиферные пряслица производились в г. Овруч (современная Украина, Житомирская область), а также на территории современной Молдавии.

Илл. 34. Русские амулеты-топоры. Медь. Вторая половина XI в. (вверху). Фрагмент семилопастного височного кольца племени вятичей. Медный сплав. XI – начало XII вв. (внизу). Обнаружены в г. Сенгилей, Ульяновская область. Фото предоставлено Ю. В. Крыловым

Илл. 35. Русские шиферные пряслица, найденные на Билярском городище. XI – первая треть XIII вв. Экспозиция Билярского историко-археологического музея. Алексеевский район Республики Татарстан. Фото Е. А. Бурдина

были этническим маркером – к ним с известными оговорками (т.к. их носили не только христиане-славяне) кроме амулетов и украшений можно отнести предметы личного благочестия – нательные крестики, иконки и т. д.

По мнению Л. Д. Макарова, первые выходцы с территории Руси, появившиеся в Волжской Болгарии в X–XI вв., являлись купцами и рабами, в XI – XIII вв. преобладало славяно-финское крестьянство из Волго-Окского междуречья, а в конце XIII–XIV вв. русское население пополнялось ремесленниками¹. То есть наблюдался процесс перехода от военно-религиозных причин прибытия носителей указанной этнической группы к экономическим. Учёный подсчитал, что находки русской керамики и других характерных предметов известны на 41 поселении в пределах Нижнего Прикамья, а на 27 памятниках найдены вещи славянского импорта².

Наиболее плотно русские проживали в населённых пунктах вдоль важнейших торговых путей – Волги и Камы. Поэтому их многочисленные следы прослежены вдоль этих рек и прилегающих к ним районов в Самарской области – Берёзовское и Малорязанское II селища и Республике Татарстан – Болгарское городище, Измерское I, Семёновское I, Мурзихинское, Алексе-

¹ Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – С. 8–9.

² Там же. С. 13–14.

евское VI селища и т. д.¹ Интересно, что после нашествия Батия поток переселенцев из Руси в Среднее Поволжье не только не иссяк, но в некоторых случаях даже усилился. Например, в Болгаре в золотоордынское время более широко по сравнению с ранним периодом распространились рядовые жилища с русской керамикой и массовыми изделиями (кресты-тельники, повторные отливки энколпионов и дешёвые перстни), что говорит о притоке сюда рядового населения². Примеры можно было бы продолжить.

По данным начала 1990-х гг., средневековые славянские находки, в том числе предметы христианства, в пределах современных Самарской и Ульяновской областей и Республики Татарстан распределялись по разным периодам следующим образом: 1) X–XI вв. – артефакты зафиксированы на семи памятниках археологии; 2) XII – начало XIII вв. – на 10; 3) вторая половина XIII – начало XV вв. – на 13³.

Не так давно появилось мнение о том, что в Волго-Камье в XI–XIV вв. следует выделять не только славяно-русское, но и смешанное славяно-финское население (формировалось на Верхней Волге и Вятке)⁴. Эти этнические группы проживали в Волжской Болгарии в X–XI вв. и принимали активное участие в формировании первоначальных сельских поселений,

¹ Здесь я привёл только самые известные памятники археологии, связанные со славянами. –

² Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993. – С. 63.

³ Там же. С. 90.

⁴ Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье... С. 291.

Илл. 36. Измерское I селище. X–XI вв. Спасский район Республики Татарстан. 31.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

Илл. 37. Русские предметы, найденные на территории Волжской Болгарии: подвеска «птичка», украшения (бусины, фрагменты браслетов), височное кольцо новгородских словен и булава. Металл, стекло, медь, бронза. XI–XIII вв. Экспозиция НМ РТ. Фото Е. А. Бурдина.

например, Мурзихинского селища в Алексеевском районе РТ. Славяно-русское и славяно-финское влияние прослеживается в керамике определённых видов и торговом импорте XI–XIV вв., о котором я уже упоминал.

Показательно, что значительное количество артефактов, связанных с русской материальной и духовной культурой, к настоящему времени также обнаружено во многих золотоордынских городских и сельских населённых пунктах Нижнего Поволжья: «Часть этих материалов была привозной, часть же <...> судя по бракам и полуфабрикатам, производилась на месте. Древнерусские кресты, энколпионы, иконки, детали хоросов, кадилницы, паникадила, колты, серьги, литейные формы, печати и керамика не могли быть предметами торговли основной массы населения Золотой Орды с русскими землями, они говорят о присутствии в Улусе Джучи древнерусского населения. Древнерусские материалы присутствуют на 22 (24,4 %), а мордовские – на 8 (8,9 %) из 90 известных поселений в рассмотренных нами районах <...> Наибольшей доля поселений с древнерусскими материалами была в ранний

период истории Золотой Орды (две трети всех поселенческих памятников этого времени имеют зафиксированные древнерусские материалы), в дальнейшем эта доля была достаточно стабильной – от трети до половины всех поселений вплоть до распада Улуса Джучи»¹.

Безусловно, господствующей религией Волжской Болгарии и Болгарского улуса в XI–XV вв. был ислам. Широкое распространение новой монотеистической веры среди городского и сельского населения рассматриваемой территории относится приблизительно к XI – первой трети XIII вв., а её окончательное утверждение и доминирование – к середине XIII–XV вв. Понятно, что этот процесс был растянут на долгое время и шёл неравномерно – быстрее в районах, прилегающих к крупным городским центрам, медленнее – на периферии. Зависел он и от географических рамок – на севере и востоке Волжской Болгарии и Болгарского улуса ислам проникал труднее из-за значительного финноязычного этнического массива, находившегося под сильным влиянием языческих культов.

Необходимо напомнить, что в Золотой Орде мусульманство в качестве государственной религии было принято во время правления хана Узбека (около 1283–1341), в первой четверти XIV в. В этот период наблюдались проявления нетерпимости по отношению к иноверцам, в т. ч. христианам (см. подробнее п. 2.3, информация о предполагаемом Феодоре Болгарском). Однако в целом в XI–XV вв. взаимоотношения двух монотеистических религий носили мирный характер.

Процесс укрепления христианских традиций будет показан в следующем параграфе (2.2), поэтому здесь я кратко расскажу о православной епархии в г. Сарай². Она была образована в золотоордынской столице в 1261 г. при хане Берке, являвшемся мусульманином. Бесспорно, факт появления епархии свидетельствовал не только о веротерпимости власти, но и о серьёзном авторитете христианства, опиравшегося на достаточно многочисленные общины в различных населённых пунктах, в т. ч. Болгаре. Известные науке культовые здания (церкви и часовни) действовали в городах Бельджамен (Водянское городище, Волгоградская область), Маджар (Северный Кавказ), предположительно Новом Сарае (Волгоградская область) и Болгаре (Болгарское городище, РТ). Присутствие

¹ Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Нижнего Поволжья и его округа // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума. – Казань, 2013. – С. 173–174.

² См. подробнее: Полуобояринова М. Д. Православная епархия в Сарай // История татар в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. – Казань, 2009. – С. 381–387.

сравнительно больших групп христиан, в т. ч. русских, зафиксировано в таких крупных городских центрах Золотой Орды, как Бельджамен, Сарай (Селитренное городище, Астраханская область), Сарай-ал-Джадид (Царёвское городище, Волгоградская область), Укек (Укекское городище, Саратовская область) и Болгар. Причём в последнем, судя по находкам артефактов, численность христианского и русского населения была наибольшей.

Справедливости ради отмечу, что в 1315 г. в одном из городов Золотой Орды появилось и католическое епископство. Деятельность православной Сарайской епархии завершилась к 1480 г., когда её руководство было переведено в Москву¹.

К сожалению, история ислама и собственно процесс мусульманизации населения Среднего Поволжья в эпоху средневековья нередко излишне политизированы, что мешает их объективному изучению. До сих пор нет полноценных, с привлечением всех источников и новейших методологий современных фундаментальных трудов на эту тему. В имеющихся публикациях обзорного характера отсутствует критический источниковедческий анализ имеющихся письменных источников, в котором была бы дана научная оценка в первую очередь их достоверности (почему-то обзор источников часто проводят археологи, а не профессиональные историки-источниковеды)². Не создана и понятная и стройная классификация материальных культурных объектов-маркеров, связанных с мусульманством. На их основе можно было бы проследить процесс его проникновения не только вглубь, но и вширь. Между тем, без такой первичной черновой и кропотливой работы многие принципиальные вопросы в истории ислама на указанной территории остаются не освещёнными или искажаются. В итоге исследователи в лучшем случае топчутся на месте, повторяя давно известные тезисы и факты, в худшем – скатываются к идеологическим схемам. А ведь данная проблема является крайне важной и актуальной для понимания духовных истоков татарского и других народов Поволжья. Но, как говорится, нет худа без добра – остаётся широкое поле деятельности для историков будущего.

В качестве примера слабой археологической изученности

¹ См. подробнее: Полубояринова М. Д. Православная епархия в Сарае // История татар в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. – Казань, 2009. – С. 382.

² См., напр.: Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2001.

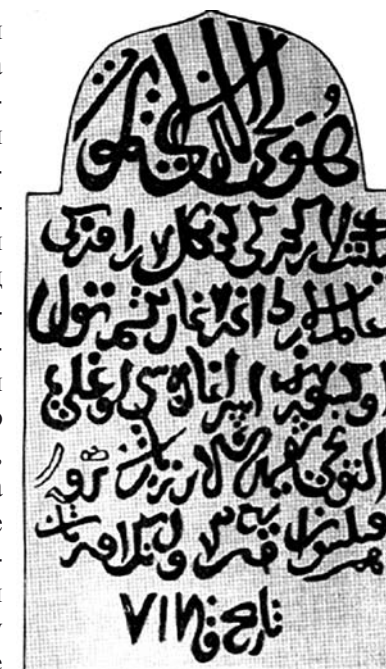
Кроме данных очерков, есть небольшие (если говорить о Волжской Болгарии и Болгарском улусе) очерки в III томе «Истории татар», а также ряд журнальных публикаций (на некоторые из них есть ссылки в данной книге).

процесса мусульманизации и его специфики можно привести такой факт – до сих пор на территории домонгольской Волжской Болгарии известна только одна мечеть, остатки которой раскопали в центре Билярского городища. Почему? Что это – особенности исламской матрицы рассматриваемого региона или просто низкая степень изученности городищ и селищ? Вместе с тем здесь известны археологические артефакты (насколько многочисленные и распространённые?) – предметы культа и повседневные вещи, говорящие о распространении мусульманства, например, футляры для хранения молитв¹. Кстати, на данный момент известны четыре упомянутые коробочки для молитвенных текстов, датированные XI–XIV вв. – не так уж много, учитывая их принадлежность к женскому болгарскому костюму XI–XIII вв. Добавлю, что сюда же можно отнести и эпитафические памятники. Безусловно, в данном случае очень помог бы проведённый на современном научном уровне объективный анализ всех раскопанных на данный момент погребальных объектов и представленных в них обрядов в динамике.

Следует отметить, что сохранение в той или иной степени элементов традиционной культуры не говорит о слабости христианства или мусульманства в Среднем Поволжье, а всего лишь отражает, как я уже писал, устойчивость складывавшейся веками психологии и менталитета различных этнических групп, проживавших на данной территории.

Авторитетный исследователь домонгольских болгарских некрополей Е. А. Халикова, подчёркивая широкий масштаб распространения мусульманства, вместе с тем указывала на синкретизм² первоначального ислама, вобравшего в себя многочисленные элементы языческих культов арабов и затем местного населения (Волжской Болгарии), в некоторых случаях просуществовавших до XVI в.³

В результате активных археологических изысканий последних десятилетий появилось немало публикаций, в которых приведены хорошо аргументированные доказательства доста-

Илл. 38. Надгробный камень с эпитафией на арабском языке. 1317 г. Болгарское городище. Спасский район Республики Татарстан (История татар. Т. 3. 2009. С. 594)

¹ Измайлов И. Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII вв.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. – 2016. – № 2. – С. 73.

² Синкретизм – слияние разных религиозных систем и культов.

³ Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии... С. 148–149, 152.

Илл. 39.
Коробочка
для
мусульманских
молитвенных
текстов.
Серебро.
XI–XII вв.
Спасский клад¹

точно сложной и мозаичной духовной и религиозной картины рассматриваемого периода. Среди них выделяются труды К. А. Руденко. Учёный тщательно изучил все доступные материалы могильников Волжской Болгарии и Болгарского улуса и пришёл к таким выводам: «...систематизация погребальных памятников выявила хронологическую и культурную дифференциацию этих объектов. При этом очевидно, что мусульманские обряды в классический болгарский период (XII – начало XIII вв.) не вытеснили полностью доисламские верования. Это находило почву, прежде всего, в полиэтничном составе населения Булгарии. Существенная вариабельность элементов погребального культа в мусульманских захоронениях пока не нашла убедительного объяснения.

Наличие святилищ и значительного количества языческих культовых предметов на болгарских поселениях, в том числе и городских центрах, позволяет считать, что господство монотеистической религии (в данном случае ислама) не исключало языческих культов из религиозной практики рядового населения болгарского города и села, а зачастую соседствовало с ними на протяжении всей истории болгарского государства с X по начало XV в.»²

Широкомасштабные археологические раскопки Болгарского городища и других объектов во второй половине XX – начале XXI вв. подтверждают факт доминирования в XI–XV вв.

¹ Источник: Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. – М., 2016. – С. 394.

² Руденко К. А. Могильники Волжской Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей. – Барнаул, 2013. – Вып. VI. – С. 98.

погребений, совершённых по мусульманскому обряду (более 200 могил), но некоторые из них содержат отклонения, говорящие о сохранении пережитков язычества среди определённой части общества¹.

Очевидно, что элементы традиционной народной культуры в большинстве случаев гармонично переплетались с исламом и не нарушали его каноны (как и христианские догмы). Не вдаваясь в дискуссии по этой проблеме, отсылаю читателя к публикациям, в которых она рассматривается детально².

Серьёзным доказательством сосуществования различных религиозных систем в Среднем Поволжье XI–XV вв. являются изученные и систематизированные археологами погребальные обряды. Так, К. А. Руденко выделил три группы некрополей: 1) языческие; 2) мусульманские и христианские; 3) захоронения без соблюдения канонов³. Они принадлежали преимущественно финноязычному и тюркоязычному населению. Ко второй группе относятся два городских христианских могильника – на Болгарском городище (Бабий бугор⁴) и чуть к западу от него – у Греческой палаты, на территории бывшей Армянской колонии (подробнее см. в п. 2.2)⁵. Добавлю, что в 2007 г. в Ставропольском районе Самарской области было открыто Малорязанское II селище конца XIII–XIV вв., часть площади которого занято христианским кладбищем (также см. п. 2.2). Кроме того, на Тетюшском IV могильнике XV – начала XVI вв. в Татарстане раскопали отдельно расположенное погребение, которое предположительно определено как христианское⁶. И ещё одно одиночное захоронение священнослужи-

Илл. 40. Схема, демонстрирующая взаимодействие и соотношение религиозных систем – традиционной, политеистической (язычество) и новых, монотеистических (христианство, ислам) в Среднем Поволжье в XI–XV вв. Составлена Е. А. Бурдиным. Графика Н. А. Горбунова

¹ См., напр.: Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдииков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань, 2013. – С. 7; Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдииков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань, 2016. – С. 26 и др.

² Руденко К. А. Болгарские святилища XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования: сборник статей. – Ижевск, 2004. – С. 36–66; Руденко К. А. Могильники Волжской Болгарии... С. 72–101; Хузин Ф. Ш., Хамидуллин Б. Л. Ещё раз о соотношении язычества и ислама... С. 214–221.

³ Руденко К. А. Могильники Волжской Болгарии... С. 74.

⁴ Существует и другая версия, согласно которой, данный могильник отражает начальную стадию мусульманизации пришлых групп населения (появились здесь во второй половине домонгольского периода и в золотоордынское время) – мордвы-мокши и болгаро-алан.

См.: Газимзянов И. Р. Ещё раз о могильнике «Бабий бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2001. – С. 136.

⁵ Руденко К. А. Могильники Волжской Болгарии... С. 97.

⁶ Руденко К. А., Нечвалода А. И. Портретная антропологическая реконструкция по черепу и краниология погребения из могильника на II Тетюшском городище // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 3. – С. 130.

Илл. 41. Примерное местоположение предположительно христианского некрополя Бабий бугор на территории Болгарского городища. XIII – начало XV вв. Спасский район Республики Татарстан. 30.08.2016 г. Фото Н. А. Горбунова

теля первой половины XIV в. было обнаружено в центральной части Болгарского городища в 2010 г. (см. подробнее в п. 2.3). Бесспорно, будущие исследования позволят обнаружить немало подобных объектов.

Наряду с мусульманскими мечетями (самую раннюю из них построили в X в.) и христианскими храмами¹ на территории Волжской Болгарии и Болгарского улуса в некоторых местах порой достаточно длительное время продолжали действовать языческие святилища, часть из которых скорее всего перенесли в укромные места. Опять же подчеркну, что в этом факте, учитывая тысячелетние традиции языческой духовной культуры, нет ничего необычного и противоземного. Какая-то часть существовавших задолго до официального принятия ислама святилищ (см. п. 1.1) была разрушена наиболее ортодоксальными приверженцами новой веры. Одновременное функционирование мусульманских и христианских культовых зданий и языческих святилищ объясняется двоеверием части населения. Наличие последних вовсе не говорит о том, что

¹ Пока достоверно известен только один храм – т. н. Греческая палата XIV в. на территории Армянской колонии около Болгарского городища (см. подробнее п. 2.2), но предположительно на исследованных к настоящему времени памятниках существовали ещё как минимум два культовых объекта XIII–XIV вв. (церковь на территории самого Болгарского городища и, вероятно, монастырь (храм) в районе Малорязанского II селища в Самарской области).

ислам являлся религией небольшого числа представителей верхушки общества.

Состояние источниковой (малая степень изученности многих известных археологических памятников) и методологической базы, а также пока ещё явно недостаточная исследованность картины духовной жизни на территории Среднего Поволжья в XI–XV вв. далеко не всегда позволяют сделать окончательные или хотя бы предварительные выводы по многим её проблемам. В этой связи обращает на себя внимание исследование К. А. Руденко, посвящённое святилищам указанного периода¹.

Он убедительно показал взаимосвязь полиэтничного населения Волжской Болгарии и Болгарского улуса с длительным временем бытования языческих культовых объектов и их трансформацией в финальном средневековье. По мнению учёного, «мусульманская религия <...> переплеталась с многочисленными языческими культурами, подпитывалась старинными народными поверьями и обрядами. И это не случайно, поскольку, по данным этнографии, родовые традиции прочно сохранялись в быту татар <...> Разумеется, мусульманское мировоззрение становится господствующим <...> в центральных районах Среднего Поволжья, оно включало в себя "десемантизированные элементы предшествующей культуры и примитивные представления религиозной психологии"»².

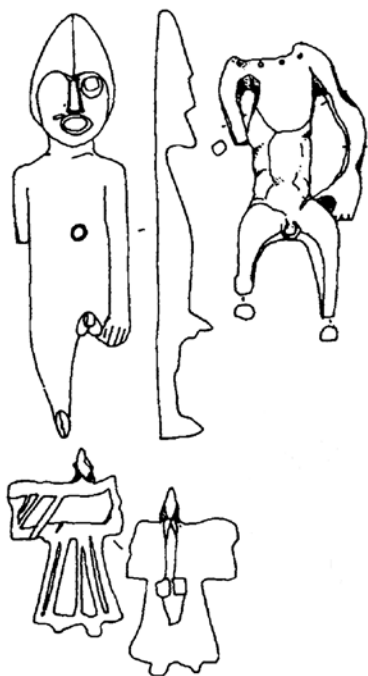
Учёный предложил следующую классификацию объектов языческой религиозной системы (места поклонения природным явлениям и объектам): священные места (один объект), священные территории (правобережье Камы в окрестностях сс. Сорочьи Горы-Шуран), святые ключи (не менее четырёх), родовые святилища (городище Шелом), семейные святилища (культовые изделия – идолы, не менее шести), малые городища-святилища (пока только гипотеза), племенные (территориальные) святилища (Тигашевское городище и святилище), болгарские городища и их связь с культовыми местами, кладбища, изваяния-балбалы (как минимум одно)³. Несмотря на некоторую гипотетичность указанной классификации, в целом она представляет значительный интерес и является значительным шагом вперёд в изучении и понимании религиозной картины мира на данной территории.

Стоит отметить, казалось бы, совершенно парадоксальную

¹ Руденко К. А. Булгарские святилища XI–XIV вв... С. 36–66.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 39–64.

Илл. 42. Бронзовые идола, найденные на территории Билярского городища. XI–XIII вв. Алексеевский район Республики Татарстан. НМ РТ, № 5427 (Руденко К. А., 2004. С. 65)

связь веротерпимости, политеизма и монотеизма¹. Вот что писал по этому поводу К. А. Руденко: «Принципы веротерпимости в полиэтничной среде были жизненно необходимы для поддержания устойчивого состояния социальной системы. Поэтому монотеистические религии и стали ведущими культурами в регионе с X–XI вв., но не отменили, а лишь видоизменили (во многом восприняв и адаптировав к своим потребностям) местные языческие воззрения. В целом религиозный синкретизм в разных формах сохранялся на протяжении всей средневековой истории региона»².

Становится понятным, почему некоторые языческие культовые места продолжали, пусть и в скрытой форме, действовать и после принятия ислама в X в. Наиболее показательны в этом отношении святилища на городище Шелом (приблизительно X–XII вв.) и урочище Ага-Базар (середина XIV – начало XV вв.), находившиеся в непосредственной близости

от Болгарского городища – соответственно в 15 и 7 км (по прямой)³. Второе культовое место было разрушено на рубеже XIV–XV вв. Вероятно, именно тогда в данном микрорегионе окончательно победило мусульманство.

Если говорить о проявлениях двоеверия в материальной культуре двух соседних государств – Волжской Болгарии и Руси, – то примеров можно привести множество. Особенно показательными в этом плане являются змеевики, крестовидные привески и крестовключённые лунницы⁴. Все они отражали соединение старых языческих и новых христианских верований. Однако крестовидные привески не всегда можно отнести

¹ Более детально и предметно я рассмотрю проблему веротерпимости в отдельном параграфе (2.3).

² Руденко К. А. История Волжской Булгарии... С. 34.

³ Руденко К. А. Булгарские святилища XI–XIV вв... С. 57, 59.

Подробнее см.: Жиромский Б. Б. Древнеродовое святилище Шолом // Материалы и исследования по археологии СССР. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2. – М., 1958. – С. 424–450; Смирнов К. А. Святилище в урочище Ага-Базар // Материалы и исследования по археологии СССР. № 61... С. 451–458;

По мнению К. А. Смирнова, святилище на Ага-Базаре принадлежало финноуграм.

⁴ **Змеевик** – двусторонний металлический или каменный медальон-амулет, обычно круглой, овальной, реже восьмиугольной формы. На одной стороне изображался лик святого, на другой – изображения змей. Изначально змеевик являлся языческим оберегом. Он просуществовал до XX в. После принятия христианства на Руси змеевик отражал двоеверие и даже активно использовался Церковью. Официальный отказ Церкви от змеевиков как языческих оберегов произошёл на рубеже XVII–XVIII вв.

к предметам личного благочестия, так как «когда мы видим переплетённые крестовидным образом овалы, четыре круга, соединённые крестовидным образом, ромб с шариками на конце или криновидную привеску, напоминающую формой крест, мы не можем с уверенностью утверждать, отразилось ли в такой композиции христианское влияние или же это чисто языческая символика»¹. Но в данном случае их можно признать в большей степени элементом монотеистической религии. Дело в том, что такой тип привесок был широко распространён на территории Византийской империи.

Среди материалов археологических памятников болгарской культуры в Среднем Поволжье часто встречаются костяные амулеты в виде стилизованных антропоморфных фигур – миниатюрные изображения Тенгре, украшения с солярным орнаментом (символами солнца и огня), металлические зеркала с изображениями драконов, рыб, свастики и т. д.³. Нередко на предметах встречается знак свастики – древний символ вращающегося солнца. Показательно, что он встречается и на вышивке более поздних татарских полотенец.

Уникальным образцом языческих верований является так называемый «Маклашеевский всадник» – бронзовый замок-статуэтка XI–XII вв., найденный на одноимённом городище в Спасском районе РТ. Там же обнаружен экземпляр «Маклашеевской всадницы». Вообще это не единичные находки.

Их характерная особенность – изуродованность фигурок людей. Так, у мужчины отсутствует правый глаз, в середине рта – сквозное отверстие, нет нижних частей правой руки и правой ноги. Всадник сидит, вероятно, на рогатом барсе, который занимает привилегированное положение в тюркской мифологии. Образ всадников-«уродцев» в науке принято связывать с древней легендой, согласно которой, после уничтожения одного рода дома хунну (гуннов) выжил мальчик⁴. Ему

Илл. 43. Русские нательные крестовидные подвески XI–XIII вв. и крестовключённая лунница XII–XIII вв.²

¹ Сергеев К. Древнерусские нательные кресты XI–XIII вв. // URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/150713/18549/> (дата обращения: 15.12.2016).

² Источник: <http://www.kulturologia.ru/blogs/150713/18549/>.

³ Давлетшин Г. М. Духовная культура населения... С. 211–212.

⁴ По другой версии, это была девочка, а спас её волк. Недавно появилась другая гипотеза происхождения рассматриваемого образа. См.: Кривошеева Т. Н. Маклашеевская всадница как образец пластического искусства // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/maklasheevskaya-vsadniitsa-kak-obrazets-plasticheskogo-iskusstva> (дата обращения: 26.12.2016).

Илл. 44. Замок-оберег «Маклашеевский всадник». Бронза. XI–XII вв. Находка 1984 г. с Маклашеевского II городища. Спасский район Республики Татарстан. Экспозиция музея болгарской цивилизации (БГИАМЗ). Фото Е. А. Бурдина

Илл. 45. Фигурка языческого божества. Глина. XIV в. Болгарское городище. Раскопки 2010 г. Спасский район Республики Татарстан. Экспозиция музея лекаря (БГИАМЗ)

отрубили руку и ногу, а потом бросили в болото. Но мальчика спасла волчица, родившая от него через 10 лет 10 сыновей. Старший стал основателем 10 тюркских племён¹.

Отдельные признаки язычества встречались и в золотоордынскую эпоху. К ним можно отнести изображения животных и птиц на монетах и посуде³.

Проживание различных этнических групп в регионе и сравнительно мирные взаимоотношения между ними способствовали широкому распространению христианства на Средней Волге в XI–XV вв.

¹ Давлетшин Г. М. Указ. соч. С. 212–213.

² Источник: Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдинов, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань, 2011. – С. 15.

³ Давлетшин Г. М. Указ. соч. С. 217.

2.2. УКРЕПЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Общеизвестно, что в средние века христианская Церковь оказывала мощное воздействие на жизнедеятельность многих государств Европы и Азии. На территории Руси и Волжской Болгарии оно начало проявляться для первой с X в., а для второй – примерно с XI в., причём чем дальше, тем сильнее (не всегда, но чаще всего). И это несмотря на тот факт, что официальной религией раннегосударственного образования на Волге в первой половине X в. стал ислам¹. Наиболее активно христианство распространялось в эпоху Золотой Орды, когда, возможно, город Болгар являлся филиалом Сарайской епархии. В пользу данного предположения косвенно свидетельствуют многочисленные по сравнению с другими археологическими объектами Среднего Поволжья культовые артефакты XII–XV вв., найденные на территории Болгарского городища и прилегающей к нему округе, а также раскопанная в 2010 г. могила высшего церковного иерарха (подробнее об этом в п. 2.3). Одно из первых упоминаний о подобных находках содержится в книге П. П. Свиньина, посетившего это место в 1823 г. Он вспоминал, что в Успенской церкви хранился обнаруженный в «развалинах Болгарских» приблизительно в 1780-е гг. медный позолоченный образ древней греческой работы с десятью изображениями святых ликов. Писатель сделал вывод о вероятности существования «Греческого монастыря в стенах Магометанских Болгар»².

В Волжской Болгарии было единое конфессиональное поле, но безусловный приоритет мусульманства делал все остальные религии вторичными. На всём протяжении рассматриваемого исторического периода в исламе и христианстве сохранялась языческая подкладка. Параллельно продолжало существовать и собственно язычество. Все религии развивались динамично. Конечно, имели место и определённые отклонения от общего процесса.

В качестве рабочей можно выдвинуть гипотезу о том, что христианами в Волжской Болгарии были преимущественно русские и армяне³. Это подтверждается многочисленными археологическими и отдельными письменными источника-

¹ Проникновение христианства в значительной степени сдерживало распространение мусульманства и мощные традиции язычества.

² Свиньин П. П. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П. П. Свиньина. Ч. 1. – СПб., 1839. – С. 196–197.

³ Возможно, полученные в будущем источники внесут корректировку в данное предположение.

ми. Присутствовали и другие носители данной веры, но в гораздо меньшем количестве¹. Вероятно, первые знакомые с христианством коллективы людей мигрировали в Среднее Поволжье ещё в VII в. Достаточно вспомнить предположительно христианизированную часть тюркской знати из Шиловского курганного могильника. В целом следует признать, что религиозная принадлежность не являлась стопроцентным этническим маркером. Христиане могли быть армянами, славянами, в меньшей степени тюрками и т. д. В процессе археологических раскопок, например, гипотетически славянской усадьбы, надо обращать внимание на вещевой инвентарь, состав домашних животных, тип жилища и многие другие элементы, которые в комплексе дают сравнительно достоверную картину этнической принадлежности. Нельзя не учитывать и тот факт, что активная христианизация местного финноязычного населения началась в более позднее время – с XVI в., а болгарские племена на Средней Волге как минимум с X в. испытывали воздействие массивной исламизации². Поэтому указанные этносы в XI–XV вв. были почти выключены из сферы христианского влияния.

Если население средневековой Руси и Волжской Болгарии объединяли экономические связи и географическая близость (особенно приграничных областей), то армян и местных жителей – только торговые взаимоотношения. Кроме того, русские постепенно заселяли Волго-Камье как минимум с XI в., в результате чего возникало много смешанных браков.

О тесных взаимоотношениях двух соседних государств в домонгольское время писал Л. Н. Гумилёв: «Непосредственно Волжская Болгария граничила с двумя городами-княжествами – Муромом и Суздаlem. В непрекращающихся пограничных конфликтах одерживали верх то болгары, захватывая Муром, то славяне, занимая болгарские становища. В результате <...> население Волжской Болгарии было смешанным. Нападавшие на русские селения болгары убивали мужчин и захватывали женщин и детей. Детей мусульмане продавали в рабство, а женщин делали своими наложницами. От смешанных браков рождались Мурады и Фатьмы. Но потом на болгарские земли нападали суздальцы и муромцы. Захваченных детей

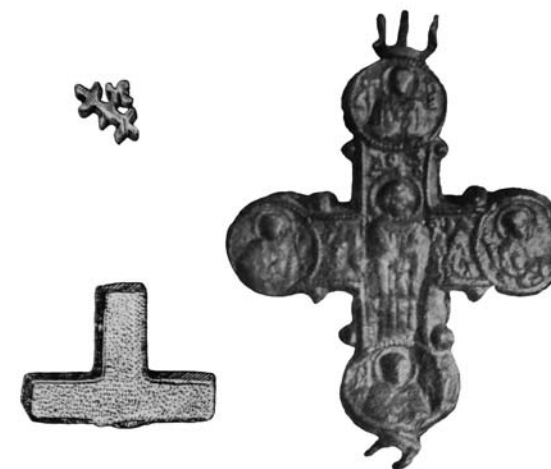
¹ Например, дипломаты, купцы и ремесленники из христианских государств.

² Ранняя дата проникновения христианской веры в места обитания поволжских финнов – X–XI вв., но их масштабная христианизация началась в 1555 г. Более подробно см.: Семёнов Ю. В. Первые этапы христианизации восточно-финских народов (доимперский период) // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pervyye-etapy-hristianizatsii-vostochno-finskih-narodov-doimperskiy-period> (дата обращения: 12.10.2016).

они делали своими работниками, а пленных болгарок брали в жёны. На свет появлялись Иваны да Марьи. Таким образом, различие между двумя этносами было не антропологическим, не расовым и даже не хозяйственно-экономическим, ибо экономические системы в Волжской Болгарии и северо-восточной Руси были очень похожи. Эти отличия были религиозными, но религиозный мусульманский фанатизм в Волжской Болгарии ещё не восторжествовал, а вера служила лишь индикатором отличий волжских болгар от славян»¹. Думаю, что на самом деле не всё происходило именно так, но основная мысль верна. Ну а фанатизм стал проявляться, судя по письменным документам, только с XIII в. (например, убийство Авраамия).

Поэтому, опираясь на имеющиеся источники, вполне логично сделать вывод о связи христианства в первую очередь с русским этническим компонентом Волжской Болгарии, в т. ч. временным (купцы, дипломаты и пр.).

Долгое время считалось, что первым русским поселением в Среднем Поволжье (не считая посёлка в Болгаре) было Берёзовское селище XIII–XIV вв. на р. Уса Шигонского района Самарской области, частично раскопанное перед его затоплением Куйбышевским водохранилищем в 1956–1957 гг.² Помимо артефактов, говоривших об указанной этнической принадлежности, были обнаружены четыре нательных креста – потёртый, помятый и оплавленный энколпион XIII в.³, нижняя, сильно помятая часть энколпиона, отлитого в другой форме,

Илл. 46. Нательные кресты. XIII–XIV вв. Берёзовское селище. Шигонский район Самарской области (Алихова А. Е., 1960 (МИА № 80. С. 197–198)

¹ Гумилёв Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. – СПб., 1992. – С. 52–53.

² Алихова А. Е. Русский посёлок XIII–XIV вв. у с. Берёзовка // Материалы и исследования по археологии. № 80. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – М.-Л., 1960. – С. 195–209.

³ Поселение возникло в середине или второй половине XIII в. и полностью сгорело в конце XIV в. Поразительно, но факт: ещё в 1950-е гг. некоторые советские археологи и историки считали, что славяне появились в Хазарском каганате после 965 г., а на Средней Волге – с XVI в. Но исследования Куйбышевской археологической экспедиции в первой половине 1950-х гг. показали, что начало процесса расселения славян в Поволжье можно отнести ориентировочно к XI–XIII вв. Подробнее см.: Смирнов А. П. Древняя и средняя история Ульяновского края в свете новых археологических исследований. – Ульяновск, 1955. С. 24–25.

³ Ещё один похожий энколпион был найден в с. Губино, на расстоянии около 45 км от Берёзовки. Это продукция киевских ремесленников, датируемая 1230–1240 гг.

каменный крестик из шифера с отломанным нижним концом и костяной крестик с отломанным концом, относившийся к художественным изделиям. Показательно, что их обнаружили на небольшой площади. По мнению А. Е. Алиховой, посёлок основали выходцы из северорусских областей (Суздаль, Кострома, Вятка), а энколпионы свидетельствовали о широких торговых связях указанных территорий с Киевом¹.

В результате исследований 1980–1990-х гг. стало очевидно, что славянское население появилось на нижней Каме уже в третьей четверти X–XI вв. В этом нет ничего необычного, если вспомнить, что водный торговый путь по Волге и Каме в данном регионе был наиболее оживлённым в X–XI вв. Именно тогда в Западном Закамье в указанное время действовали крупнейшие торгово-ремесленные поселения – Измерское I и Семёновское I селища (современный Спасский район РТ), а также множество более мелких селищ по левому и правому берегу Камы.

Ярким примером русского присутствия является Мурзихинское селище X–XIV вв. в Алексеевском районе РТ, ныне почти

Илл. 47. Мурзихинское селище, X–XIV вв. Алексеевский район Республики Татарстан. Раскопки в 1996 г. под руководством К. А. Руденко. Фото К. А. Руденко

¹ Алихова А. Е. Указ. соч. С. 208.

размытое Куйбышевским водохранилищем. В первый период его существования, т. е. во второй половине X – начале XII вв., К. А. Руденко выделил славянский комплекс находок, состоявший из керамики, бытовых и культовых изделий, предметов вооружения и украшений¹. К артефактам личного благочестия относились металлическая иконка с изображением Богоматери и круглая подвеска-иконка (подражание русскому змеевику с изображением св. Георгия), датируемые XII–XIII вв. (подробное описание см. в приложении 1). Археолог справедливо отмечал: «Предметы личного благочестия не являются показателем этнической (русской) принадлежности: христианином мог быть и любой представитель дру-

Илл. 48. Иконки, найденные на Мурзихинском селище (слева – змеевик-подвеска-иконка с изображением св. Георгия, справа – нагрудная иконка с изображением Богоматери). XII–XIII вв. Алексеевский район Республики Татарстан (Руденко К. А., 2015. С. 389)

Илл. 49. Кресты, найденные на селище Дамба II. XIV вв. Алексеевский район Республики Татарстан (Руденко К.А., 2015. С. 264)

группы этноса, но исповедующий христианскую веру. Однако, учитывая контекст этой находки, наиболее вероятна русская принадлежность владельцев этих предметов»². По мнению исследователя, это были выходцы из Владимиро-Суздальской Руси. Данная территория может считаться одной из площадок проникновения носителей христианских традиций в Волжскую Болгарию.

Недалеко от Мурзихинского селища располагалось VI Алексеевское селище, действовавшее с конца X – начала XI вв. до начала XIII в. (сейчас его территория находится под дамбой нового мостового перехода через Каму у с. Сорочьи Горы)³. Здесь также нашли вещи русского происхождения. В качестве предмета личного благочестия можно выделитьлицевую створку энколпиона начала XIII в.⁴.

¹ Руденко К. А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. – Казань, 2015. – С. 83–145.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 71.

Илл. 50. Общий вид Лаишевского селища. XI–XV вв. Лаишевский район Республики Татарстан. 30.05.2015 г. Фото К. А. Руденко

Рядом с рассмотренными поселениями несколько позже, в XIV – начале XV вв. существовало селище Дамба II. На его территории обнаружили три медных креста-тельника – четырёхконечные с криновидными¹ окончаниями и маленьким выпуклым крестиком в ромбике, расположенном в средокрестии². Такие крестики производили в Среднем или Верхнем Поволжье, но распространялись они широко – их аналоги найдены в Псковской области (Гдовские курганы), на Нижней Волге (Водянское городище), в Поднепровье и Прибалтике. В этом же микрорайоне похожие христианские артефакты известны на селищах Посадки и Разбойничий остров.

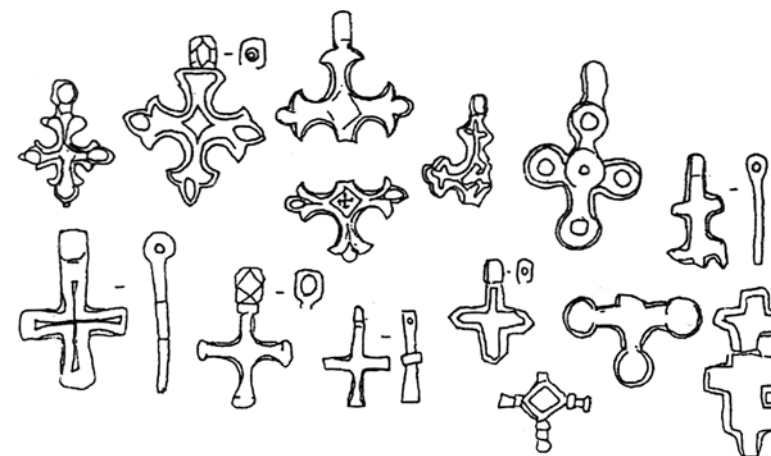
Если брать правобережье Куйбышевского водохранилища (Камы), то нельзя не сказать о таком интересном памятнике, как Лаишевское (Чакма) селище XI–XV вв. в Лаишевском районе РТ³. Здесь также выделен обширный русский вещевой комплекс, состоявший из русской и славяноидной керамики, шиферных пряслиц, женских украшений и т. д. Всего на селище было найдено 14 крестов – значительное количество для сравнительно небольшого по площади памятника. Приведу их кратко описание: «Интересны медные кресты-тельники. Это четырёхконечные с криновидными окончаниями и с ром-

¹ Т. е. окончания в виде контуров белой полевой лилии (по-славянски «крин сельная»).

² Руденко К. А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ... С. 11.

³ Руденко К. А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: мат-лы межд. полевого симпозиума, посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова. – Ижевск-Глазов, 1999. – С. 101.

биком в центре XII–XIV вв., с каплевидным или квадратным завершением и в одном случае с ромбическим средокрестием XII – начала XIII в. <...> Интересен крестик начала XIV в. [по новгородским аналогам...] со скошенными концами и углублением на лицевой стороне. Крестики восьмиконечной формы с круглыми концами относятся к ордынскому времени. Выделяется серебряный крестик с криновидными концами, относящийся к домонгольскому времени (на илл. 6 первый сверху слева – Е.А.Б.)¹. Таким образом, кресты с Лаишевского селища относятся как к ранним, так и к поздним типам, которые в целом датируются XII – началом XV вв., хотя были больше всего распространены в XIV – начале XV вв. Как отмечает К. А. Руденко, «...такие находки не редкость на булгарских памятниках, особенно вблизи Камы и Волги. Встречаются они на селищах рассматриваемых микрорегионов»².

Илл. 51. Кресты, найденные на Лаишевском селище. XII–XV вв. Лаишевский район Республики Татарстан (Руденко К. А., 1999. С. 98)

Материальные следы пребывания в Среднем Поволжье русского населения, в том числе и христиан, постоянно подтверждаются новыми открытиями, которые значительно расширяют прежние географические рамки. Так, в 2007 г. начались археологические раскопки на территории Малорязанского II селища конца XIII–XIV вв. в Ставропольском районе Самарской области³. Кстати, по прямой расстояние между ним и Берёзовским селищем составляет всего лишь 20 км. Малорязанское II селище было торгово-ремесленным посёлком

¹ Руденко К. А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ... С. 71.

² Там же.

³ Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Исследования Малорязанского II селища на Самарской Луке // Археологические открытия 2007 года. – М., 2010. – С. 361–362.

Также русские проживали в крупных средневековых поселениях на южном берегу Волги – это Брусяны, Лбище – Новый Путь и Усинское (Самарское Поволжье). Данные памятники ждут своих исследователей.

с преимущественно славянскими жителями, насильственно переселёнными монгольскими властями предположительно с Верхней Волги на Самарскую Луку для обеспечения потребностей золотоордынского государства (обслуживание Великого Волжского пути, рыбный промысел и пр.). Уникальной находкой стал фрагмент актовой свинцовой печати новгородского князя Дмитрия Александровича (1276–1281, 1283–1294 гг.), сына Александра Невского¹. На лицевой стороне артефакта изображён святой всадник с мечом в правой руке, а на оборотной – Вседержитель на престоле.

И всё же самым информативным стал могильник на окраине селища. Всего было «...исследовано 131 погребение с устойчивым погребальным обрядом: рядовое расположение захоронений, западная ориентировка, без инвентаря, наличие гробовищ. Несмотря на то, что находки предметов христианского культа единичны, погребения, безусловно, совершены по христианским канонам»². Все умершие лежали на спине, а их руки были согнуты в локтях на груди или на животе.

Илл. 52. Фрагмент актовой свинцовой печати новгородского князя Дмитрия Александровича. Конец XIII в. (слева). Бронзовые энколпионы. Конец XIII–XIV вв. (справа). Малорязанское II селище. Ставропольский район Самарской области. Фото предоставлены СОИКМ (место хранения), КП-26049/3, КП-28836/1, КП-28836/2

Отличительной особенностью средневекового кладбища являлось наличие среди взрослых погребений только муж-

¹ Кочкина А. Ф. Малорязанское II селище – русский посёлок золотоордынского времени на Самарской Луке (предварительные результаты) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XVI вв.). Материалы научно-практической конференции. – Самара, 2012. – С. 115.

² Кочкина А. Ф., Левыкина Т. А. Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции // Поволжская археология. – 2015. – № 4. – С. 311–312.

ских скелетов и только двух женских (около половины могил – детские). В одном захоронении были найдены створки от двух энколпионов конца XII – начала XIII вв., выполненных на высоком уровне и, по-видимому, являвшихся изделиями киевской ювелирной школы или византийских мастеров (один фрагмент нательного бронзового креста XIV–XV вв. с трёхлепестковыми криновидными концами лежал в культурном слое)¹. Более того, в нём же обнаружили остатки ритуальной кожаной обуви, сшитой специально для умершего. Реставраторы отмечали: «Погребальная обувь схожей конфигурации встречалась в более поздних погребениях, чем захоронение из Малорязанского могильника, из раскопок некрополей Московского Кремля, Успенского собора Московского Кремля, Вознесенского монастыря XV–XVI вв., а также Чудова монастыря XIV в., Твери и др. <...> Д. О. Осипов считает возможным соотносить подобные ритуальные туфли с калигами, которые упоминаются в письменных источниках. Первоначально подобная обувь использовалась странствующими монахами, а также теми, кто принимал монашеский сан перед чином пострига. С XVI в. калиги упоминались как погребальная монашеская обувь...»².

Все перечисленные факты привели к появлению гипотезы, согласно которой, на территории Малорязанского II селища располагался мужской монастырь. Конечно, она требует более веских подтверждений. И уж совсем плохо в случае положительного решения вопроса данное предположение стыкуется с версией насильственного перемещения сюда русского населения – зачем золотоордынской администрации надо было создавать здесь монастырь?

И, наконец, кратко расскажу о русском поселении-колонии середины XIII – первой половины XIV вв., которое было частично раскопано в 1953 г. перед созданием Куйбышевского водохранилища в заречном районе, прилегающем к Болгар-

¹ Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Указ. соч. С. 362; Кочкина А. Ф. Указ. соч. С. 111. См. подробное описание артефактов: Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Находки предметов религиозных культов на памятниках Самарской Луки // Краеведческие записки. Вып. XII. – Самара, 2005. – С. 107–116.

² Там же. С. 318, 321.

Илл. 53. Общий вид ритуальной обуви (калиги) после реставрации в экспозиционном планшете. Конец XIII–XIV вв. Малорязанский могильник Ставропольский район Самарской области. СОИКМ (место хранения) (Кочкина А. Ф., Левыкина Т. А., 2015. С. 321)

Илл. 54. Общий вид акватории Куйбышевского водохранилища, в районе которой находился русский посёлок XIII–XIV вв. (снято с возвышенной части Болгарского городища). Спасский район Республики Татарстан. 31.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

скому городищу¹. Четыре полуземлянки по своей конструкции почти полностью напоминали такие же сооружения в Суздале и Перыни близ Новгорода. Кроме того, найденный вещевой комплекс явно говорил об этнической принадлежности людей – около 50 % славянской керамики, серебряное трёхбусинное височное кольцо, каменный крест-тельник и т. д. Жители поселения предположительно занимались ремёслами – в частности, металлургическим и ювелирным.

По мнению Т. А. Хлебниковой, «...перед нами предстаёт какая-то часть древнерусского посёлка, раскинувшегося на окраине г. Болгара. Окраинное положение посёлка как поселения иноземцев характерно для средневековья. Такое же положение занимала армянская колония, открытая у западной окраины г. Болгара»².

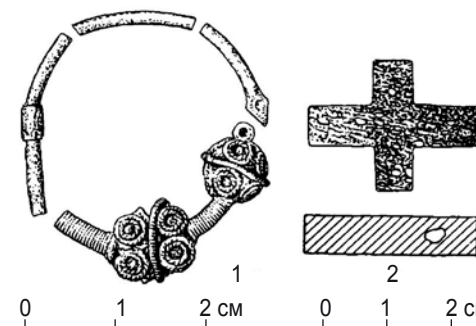
В 2015 г. было проведено обследование островов – надпойменных возвышенностей, представляющих собой остатки

¹ Хлебникова Т. А. Древнерусское поселение в Болгарах // Краткие сообщения Института истории материальной истории. – Вып. 62. – 1956. – С. 141–147.

² Там же. С. 147.

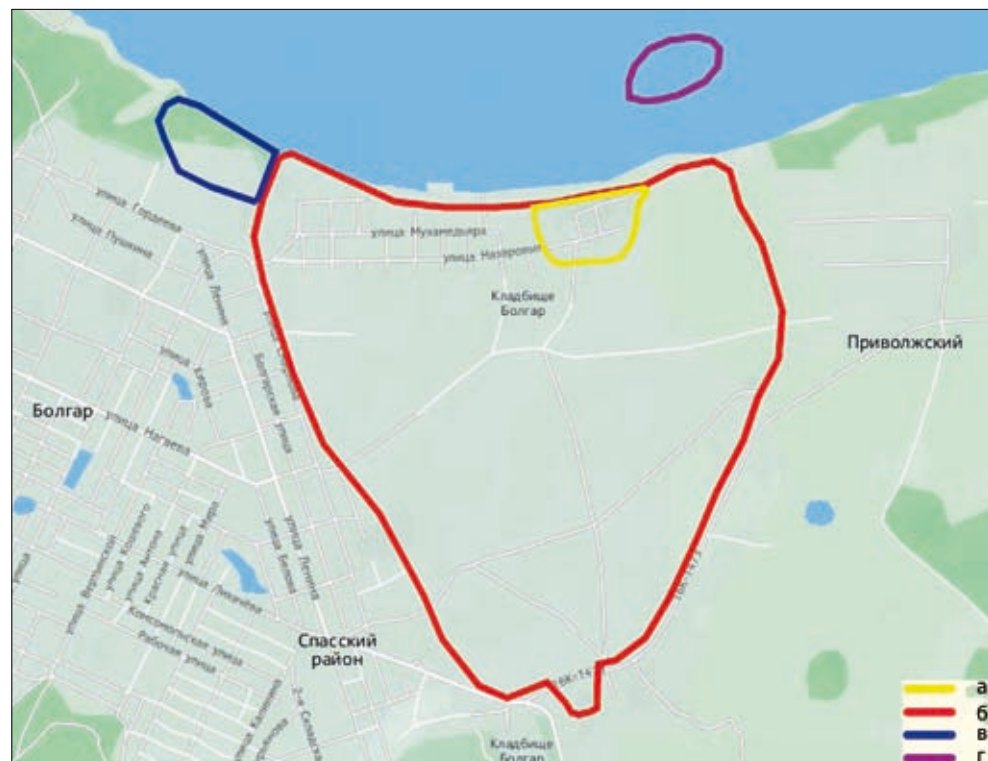

Илл. 55. Археологические раскопки на месте Русского посёлка в заречном районе, прилегающем к Болгарскому городищу. 1953 г. Куйбышевский район ТАССР (ныне Спасский район Республики Татарстан). Фото предоставлены БГИАМЗ

Илл. 56. Серебряное трёхбусинное височное кольцо и каменный крест-тельник, найденные при раскопках Русского посёлка, прилегающего к Болгарскому городищу. 1953 г. (Т. А. Хлебникова, 1956. С. 146)

бывшего заречного района посада средневекового Болгара, затопленного в результате создания Куйбышевского водохранилища. Оно показало, что культурный слой размыт, поэтому могли сохраниться только углублённые в материк объекты. Археологи собрали там керамический материал XIII–XV вв. и XVIII–XX вв., а также орудия и сколы кремня и окремнелого известняка¹.

Илл. 57. План-схема Болгарского городища с прилегающей округой: «а» – площадь домонгольского города, «б» – золотоордынского города, «в» – Армянской колонии, «г» – Русской колонии. Славский район Республики Татарстан. Графика Н. А. Горбунова

Объекты материального культурного наследия, связанные с присутствием армян на территории Волжской Болгарии, пока весьма немногочисленны. Пожалуй, главный из них – это колония, примыкавшая к западным укреплениям золотоордынского Болгара². По данным А. П. Смирнова, армяне организовали торговые фактории в Новгороде, Киеве и Болгаре в X в., а две серьёзные волны их миграции отмечались в XI в. и середине

¹ Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситди-ков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань, 2016. – С. 29.

² А. П. Смирнов употреблял словосочетание «Армянская колония». В толковых словарях указывается, что колония – это место, где живут люди, переселившиеся из другой страны или области. Позже другие учёные по отношению к Русской колонии применяли термин «посёлок». В принципе, возможно применение обоих терминов («колония» и «посёлок»), хотя первый является более точным. Термин «квартал» обычно обозначает определённую территорию внутри населённого пункта.

XIII в., соответственно, после завоевания Армении турками-сельджуками и монгольского нашествия¹.

Значительный научный материал был получен в результате раскопок Куйбышевской археологической экспедиции во второй половине 1940-х гг. Выяснилось, что Армянская колония занимала большую площадь к западу от городского вала, причём продолжалась к югу в сторону Волги, соприкасаясь с посёлком Ага-Базар². Конечно, эту информацию следует тщательно проверить во время будущих масштабных исследований данной территории, которые, надеюсь, состоятся в обозримом будущем.

В эпоху средневековья купцам, особенно иноземным, обычно не разрешали селиться в укрепленных частях городов. Поэтому они располагались на территориях, примыкающих к крепостным сооружениям, или в пригородах. При условии наличия хорошо налаженных торговых связей это были заранее определённые места. Так со временем в них формировались национальные колонии. В случае с Болгаром это Армянская и Русская колонии (посёлки). Показательно, что такие поселения армян были широко известны на Руси – в Каменец-Подольском, Киеве, Новгороде и других городах.

¹ Смирнов А. П. Армянская колония города Болгара // Материалы и исследования по археологии. № 61. Т. 2. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – М.-Л., 1958. – С. 330–331.

² Там же. С. 331.

Вопрос о площади Армянской колонии не решён из-за его недостаточной археологической изученности. Поэтому пока сказать, являлся ли он крупным или не очень, нельзя. Небольшие раскопки здесь проводились три раза – в 1916 г. и 1945–1947 гг. В 2015 г. на этой территории закладывали шурф, т.е. небольшой разведочный раскоп для выяснения стратиграфии.

Илл. 58. Западная часть Болгарского городища. На заднем плане – общий вид бывшего местонахождения Армянского посёлка предположительно XIII–XV вв. (за городским валом, на территории современного хлебоприёмного предприятия в г. Болгар). Славский район Республики Татарстан. 30.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина.

Илл. 59. Примерное местоположение христианского храма XIV – начала XV вв. (на заднем плане) на территории Армянской колонии близ Болгарского городища. Спасский район Республики Татарстан. 30.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

Именно на территории Армянской колонии располагался пока единственный известный в Среднем Поволжье средневековый христианский храм, к тому же, ещё и каменный. Его первое описание было сделано в 1712 г. дьяком Андреем Михайловым: «№ 18. Да за валом к Волге реке палата четырехугольная без сводов, мерою длины пять сажень с аршином, поперек полчетверти (т. е. $3\frac{1}{2}$) сажени, вышины сажень: вход в эту палату в одни двери, – значит, эта палата была раньше церковью; потому что около нее есть много кладбищенских камней с подписями, а подписи походили на армянские письма. От этой палаты столп небольшой в знак часовни, вышины полторы сажени (3,2 м – Е.А.Б.), кругом три сажени (6,4 м – Е.А.Б.)» (текст частично переведён на современный русский язык, а орфография нетронутого текста частично выправлена – Е.А.Б.)¹.

В переводе на современную метрическую систему длина и ширина здания составляли соответственно 11,4 м и 7,5 м, то есть его общая площадь равнялась 85,5 м². Высота в значительной степени рунированного строения в начале XVIII в. составляла примерно 2 м. Ко времени посещения Петра I в 1722 г. оно было разрушено почти полностью. Выступавшие над землёй остатки культовой постройки окончательно уничтожили местные жители только в 1920-е гг.

Многие исследователи XVIII–XIX вв. называли храм Греческая палата, а сам К. И. Невоструев сомневался, к какой

¹ Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М., 1871. – С. 18.

Церкви предпочтительнее отнести его – Греческой или Армянской¹. Но после широкомасштабных раскопок Куйбышевской археологической экспедиции сомнений не осталось – это был действительно армянский храм, построенный в XIV в. (точнее, после разгрома Болгара Булат-Тимуром в 1361 г.) и существовавший, вероятно, до 1431 г.² В случае раннего возникновения колонии возможно до возведения этого культового здания действовало другое (деревянное?).

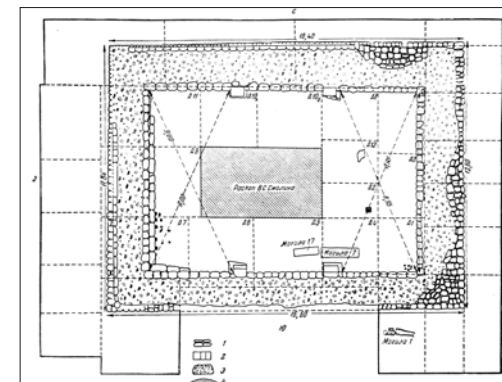
Значимость и ценность сооружения просто обязывают привести его полное описание: «Оно имеет форму прямоугольника, точно ориентированного по линии В-З. Длина его по внешней стороне – 16,4 м, ширина – 12,6 м³ <...> Фундамент южной стороны несколько больше фундамента северной и равняется 16,6 м, т. е. на 0,2 м длиннее. Длина здания внутри – 12,4 м, ширина – 8,3 м. Для фундамента здания были вырыты траншеи шириной 2,2–2,3 м, глубиной – 1,1–1,2 м. В траншее были нерегулярно уложены без всякого связующего вещества блоки известняка и песчаника размером 46х60х30, 70х80х60, 30х40х40 и 60х40х50 см. Пространство между крупными

¹ Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М., 1871. – С. 19.

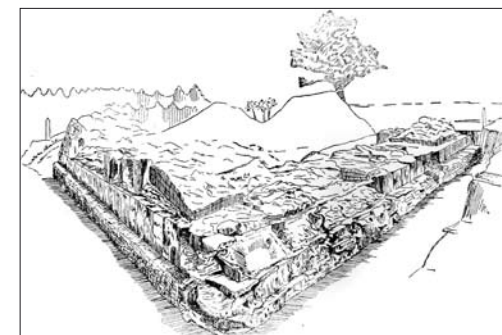
Вообще название Греческая палата – ошибочное, т. к. раньше считалось, что на этом месте находили якобы греческие вещи. Было бы правильно называть храм Армянская палата.

² Смирнов А. П. Армянская колония города... С. 343.

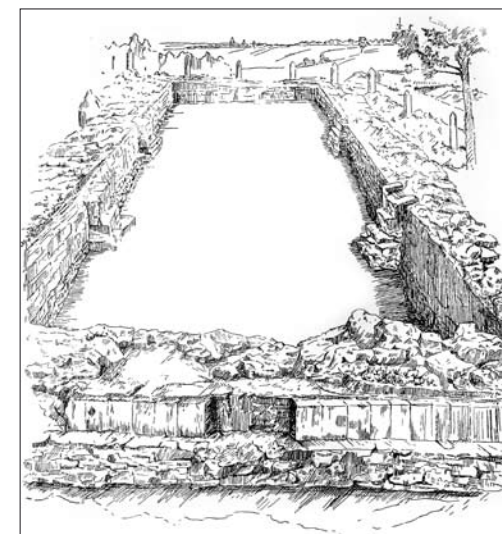
³ Общая площадь храма 206,6 м² по внешнему периметру и 102,9 м² по внутреннему. Напомним, что по подсчётам дьяка А. Михайлова, площадь равнялась 85,5 м². В любом случае по современным меркам церковь была небольшой и вряд ли вмещала более 200 человек.

Илл. 60. План Греческой палаты (Смирнов А. П., 1958. С. 334)

Илл. 61. План Греческой палаты (Смирнов А. П., 1958. С. 334)

Илл. 62. Общий вид Греческой палаты с запада. Рисунок Н. Ф. Калинина (Смирнов А. П., 1958. С. 340)

каменными завалено мелкими. Грунт внутреннего пространства здания несколько углублён по сравнению с наружным, и в него забиты деревянные сваи <...> На подготовленную таким образом площадку внутри здания был уложен слой утрамбованной глины, который покрыт забутовкой и выше – плитами пола. Ни в одном случае плиты пола не прослежены в ненарушенном виде <...> На фундаменте выложена стена (шириной 1,95–2 м) из двух рядов кладки с заполнением внутреннего пространства полубутом. Внешняя сторона состоит из хорошо подогнанных плит известнякового отполированного туфа. Внутренняя сторона сложена из грубых нерегулярных блоков, подготовленных под штукатурку. Швы между отдельными камнями достигают 3–4 см.

Стены здания сохранились в разной степени. Восточная стена оказалась почти целиком разобранной. С этой стороны уцелели только фундамент и в нескольких местах отдельные камни кладки первого ряда. От северной стены сохранился нижний ряд кладки, облицовки и 3 камня второго ряда. Особенно сильно пострадал северо-восточный угол.

Сохранившиеся остатки здания позволяют сделать некоторые выводы о его облике. Часть храма, открытая раскопками, была нижней и представляла собой крипту, подземную усыпальницу двухэтажного храма. Молитвенный зал не сохранился. Можно предполагать, что вход в здание был несколько выше, в несохранившейся части. Самый характер уцелевшей части здания заставляет видеть в ней не парадное помещение, предназначенное для молящихся, а подземелье. В этих условиях естественна небрежная кладка стен, небрежно подготовленные пилястры¹<...> Пилястры представляли собой нижние части подпружных арок, которые несли пол молитвенного зала. Погребальный обряд захоронений, открытых под полом храма, заставляет считать их христианскими. Покойники лежали в гробах вытянуто, на спине, головой на 3; руки сложены в области живота. Вещей при погребениях не обнаружено, за исключением куска парчи, найденного в погребении 7»². Учёные нашли несомненные аналогии в архитектурных решениях Греческой палаты с памятниками церковного зодчества XIII–XIV вв. в Армении и Крыму³. С другой стороны, армянские строители в Болгаре заимствовали некоторые технологии местных мастеров.

¹ **Пилястр** – четырёхугольная колонна, преимущественно прислонённая к стене или же к фасаду здания.

² Смирнов А. П. Армянская колония города... С. 338–341.

³ Там же. С. 341–342.

По мнению Т. А. Хлебниковой, после запустения в результате пожара части посёлка на освободившемся месте было возведено культовое здание, а именно каменный христианский храм¹. В его усыпальнице и на прилегающей территории хоронили приверженцев Христа, причём многие из них, судя по вещевым комплексам, являлись богатыми людьми. Всего было раскопано 113 погребений². Известный антрополог М. М. Герасимов сделал несколько реконструкций внешнего облика по черепам. Наиболее известны из них две – армянина и предположительно китайки (вот ещё одна загадка истории – каким образом она попала в Болгар да ещё и являлась христианкой³?). Среди похороненных преобладал арменоидный физический тип. Два скелета предположительно принадлежали мордве. Отсюда следует, что здесь наряду с армянами хоронили и христиан других национальностей⁴. Судя по датировке могил, этот участок функционировал в конце XIII – начале XV вв. Думаю, что широкомасштабные раскопки всей колонии существенно уточнят его датировку, в т. ч. время возникновения.

Частично христианским можно считать некрополь Бабий бугор, расположенный восточнее Армянского посёлка на краю коренной волжской террасы в пределах городских границ XIV в.⁵

Летом 2015 г. после почти 70 лет забвения казанские археологи провели разведочные исследования на месте Армян-

Илл. 63. Слева – реконструкция внешнего облика жителя Болгара. Армянин. XIV в. Справа – реконструкция внешнего облика жителя Болгара. Китайка (?). XIV в. Автор М. М. Герасимов. 1947 г. Гипс. Экспозиция НМ РТ (Руденко, 2014. С. 217)

¹ Хлебникова Т. А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 39.

² Смирнов А. П. Армянская колония города... С. 343.

³ Болгар поддерживал торговые связи с Китаем (найжены фрагменты глазурованной фарфоровой посуды (селадона) и остатки шёлковых тканей), но данный факт не объясняет конфессиональную принадлежность умершей.

⁴ Спецификой средневековой христианской матрицы объясняется тот факт, что при раскопках Армянской колонии было найдено всего лишь два нательных крестика.

⁵ Подробнее о нём см. в параграфе «Веротерпимость и межконфессиональные конфликты (XIII–XV вв.).»

Илл. 64. Церковь Св. Аствацацин (Богородицы) (1301 г.) в г. Егвард, Республика Армения – возможный прототип Греческой палаты в Болгаре²

ской колонии. Вот их краткие итоги: «В шурфе и зачистке обнажения прослежены прослойки, содержащие фрагменты камней мелких и средних размеров и крошки извести, аналогичных строительному материалу монументальных объектов Болгара. Предшествующими исследователями здесь локализуется "Греческая палата"»¹. В общем, до серьезных, масштабных работ дело пока не дошло.

Законсервированный фундамент единственного известного в Среднем Поволжье средневекового христианского храма (Греческой палаты) и остальная территория бывшей Армянской колонии находятся на обширном земельном участке, принадлежащем част-

ному хлебоприёмному предприятию в г. Болгар. Печально, но факт: во время создания в 1969 г. Болгарского государственно-историко-архитектурного музея-заповедника район бывшего христианского поселения не включили в охраняемую зону. Вероятно, это произошло потому, что на этом месте работал построенный в середине 1950-х гг. хлебокомбинат, и поэтому власти не захотели тратить лишние средства на его перенос. Поэтому сейчас ценный объект культурного наследия, свидетельствующий о проживании здесь христиан, мирных межконфессиональных взаимоотношениях и активных торговых связях Волжской Болгарии, никем не охраняется и постепенно разрушается.

Известно, что армянский квартал существовал в средневековой Казани. По мнению Б. В. Миллера, он был основан после разгрома Болгара московским войском в 1431 г.³ В пределах старинной Суконной слободы память о выходцах с Закавказья хранила Армянская улица (ныне Спартаковская улица). В конце XIX в. в Казани обнаружили несколько каменных надгробий

¹ Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск... С. 29.

² Источник: <http://www.travellers.ru/cityegvard>

³ Смирнов А. П. Армянская колония города... С. 331.

и множество обломков, из них несколько с армянскими надписями¹.

Показательными вещественными маркерами являются армянские надгробия. Вот что писал о них А. П. Смирнов: «...большой интерес представляет армянское надгробие, происходящее из с. Красные Поляны и хранившееся последние годы во дворе Тетюшского педагогического училища (г. Тетюши, Республика Татарстан. – Е.А.Б.). Надпись его, к сожалению, ещё не прочтена. Второе надгробие этого типа было обнаружено экспедицией Казанского музея под руководством Н. Ф. Калинина в с. Кирельском (Камско-Устьинский район Республики Татарстан. – Е.А.Б.). Там в церковной ограде находился надгробный памятник, который <...> по форме близок кавказским и напоминает призму неправильных очертаний. Надпись, расположенная на верхних наклонных гранях, сохранилась довольно хорошо. Академик И. А. Орбелиани дал следующий перевод: по южной стороне строка 1-я "Лета 767 (1318) преждевременно сопричислилась [ко господе] преставившись"; строка 2-я – "раба божия Турган-Мелик и преставилась во Христе"; строка 3-я – "оставляя нам скорбь неутешную, и владыка [священник] Мути [или Мури]"; по северной стороне: строка 1-я – "дал написать (?) [это] вы, кто прочтете, оставленные грехов..."; строка 2-я – "родителям ее... Григорию..."; строка 3-я – "...Христос бог. Аминь. И устроителей сего..."»².

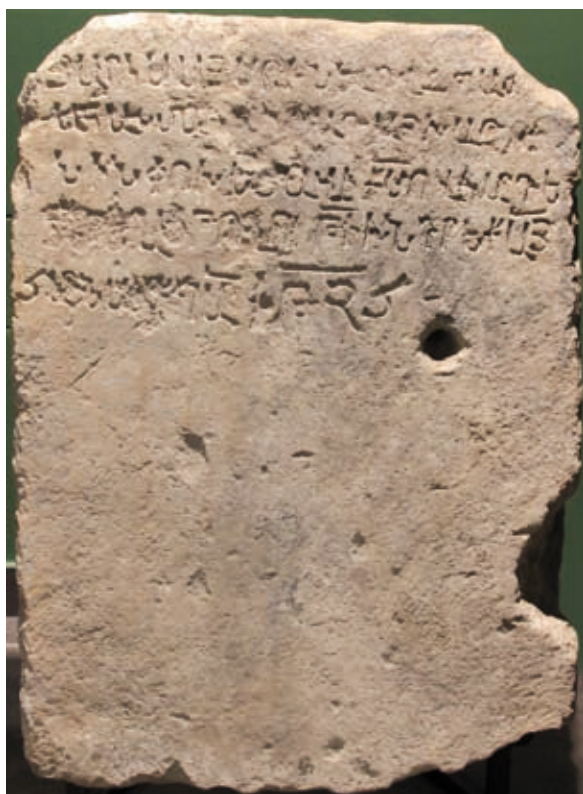
Илл. 65. Археологические разведки на месте Армянской колонии близ Болгарского городища. Спасский район Республики Татарстан. 2015 г. Фото Р. Р. Валиева

¹ Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск... С. 29.

² Смирнов А. П. Армянская колония города... С. 331.

Илл. 66. Репродукция картины А. Ю. Кубарева «Греческая палата». Холст, масло, 1999 г. Фото предоставлено БГИАМЗ

Илл. 67. Армянское надгробие, найденное на территории Болгарского городища. XIV в. Спасский район Республики Татарстан. Фото предоставлено БГИАМЗ

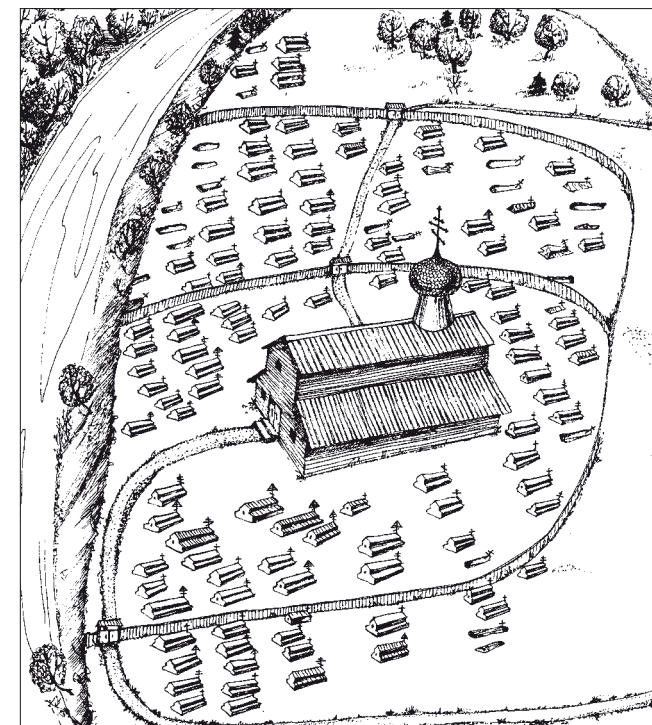
Пять армянских надгробий 1218, 1308, 1321, 1335 и 1337 гг. были обнаружены на Болгарском городище и прилегающей к нему территории, одно из них хранится в фондах БГИАМЗ (всего здесь нашли более 150 эпиграфических памятников)¹. Понятно, что до нашего времени сохранилась лишь их малая часть. К сожалению, эти интереснейшие объекты пока толком не исследованы.

Учитывая факт достаточно широкого распространения христианства в Волжской Болгарии и Болгарском улусе, логично предположить, что небольшие деревянные храмы действовали и в других населённых пунктах. Будущие археологические исследования наверняка приведут к обнаружению их остатков. В соседних регионах, например, Прикамье, в котором в XIII–XVI вв. наблюдался процесс активной христианизации, такие постройки уже известны. В 1980-е гг. при раскопках русского комплекса Покста (поселение и могильник) XIII–XV вв. в Кировской области были найдены признаки православного культового сооружения – скорее всего, остатки тёплой деревянной кладбищенской церкви второй половины

¹ Мухаметшин Д. Г. Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. – Казань, 1987. – С. 61.

XIV–XV вв.¹. И это при том, что славянская колонизация Вятской земли началась в XII – начале XIII вв. т. е. почти на два столетия позже, чем на территории Средневожья. Как отметил Л. Д. Макаров, «...абсолютное большинство типов и вариантов русских деревянных церквей, появившихся до конца XVII в., возникло на местной языческой основе. Из Византии был заимствован фактически только тип каменного крестово-купольного храма, почти не воспроизводившийся в дереве. А наибольшее распространение на Руси получили храмы, покрытые шатром или фонарём, возведение которых было официально запрещено около 1657 г.»². По этой причине деревянные церкви старого стиля почти не дошли до нашего времени.

По авторским подсчётам, наибольшее количество христианских артефактов XI–XV вв. было найдено на Болгарском городище и прилегающих к нему колониях (армянской и русской) – около 50⁴. Из них в фондах и экспозициях музеев БГИАМЗ хранится 24 предмета (некоторые недавно найденные пока не поставлены на учёт и недоступны)⁵, а остальные находятся в других российских музеях. С учётом подобных находок в частных коллекциях их общее количество можно предварительно оценить как близкое к 100,

Илл. 68. Реконструкция храма-могильника XIII–XV вв. на территории русского комплекса Покста. Тужинский район Кировской области (Макаров Л. Д., 2006. Рис. 47)³

¹ Макаров Л. Д. О реконструкции славяно-русских культовых сооружений бассейна р. Вятки // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3. – С. 247.

Кстати, по прямой от Болгара до деревни Покста в Кировской области – всего примерно 400 км (направление – север).

² Там же. С. 248.

³ Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках. Дис. ... д-ра ист. наук. – Ижевск, 2006.

⁴ Они относятся к первой, второй и третьей группам вещественных маркеров, т.е. это предметы личного благочестия, церковного благочестия и артефакты с христианской символикой или импортные вещи из христианских государств.

⁵ Доступные предметы определены и датированы профессором кафедры истории, музееведения и искусствоведения Казанского государственного института культуры, д.и.н. К. А. Руденко. Их описание и фотографии вынесены в приложение № 2 в конце книги.

если не больше. Только на очерченной территории присутствуют все пять групп материальных маркеров, выделенных мной выше. Это довольно многочисленные предметы личного благочестия (нательные крестики, образки), богослужебные предметы (фрагмент лампы и детали церковных светильников), остатки культовых зданий – пока единственный известный в Среднем Поволжье фундамент каменного храма, артефакты с христианской символикой или импортные вещи из христианских государств (медальоны с крестами, монеты с крестами и т. д.), отдельное погребение церковного иерарха (предположительно Феодора Болгарского), два кладбища и пять отдельных каменных надгробий. В целом следует отметить сравнительно хорошую изученность указанных объектов.

В результате широкомасштабных археологических исследований 2010 – 2015 гг. на территории Болгарского городища

кроме уникального захоронения христианского миссионера XIV в.¹ были найдены и предметы личного благочестия – кресты-энколпионы.

Меньшая по объёму доступная для исследователей коллекция христианских предметов хранится в фондах Национального музея РТ. В ней находятся только нательные крестики. Однозначно к XII–XV вв. относятся 13 артефак-

тов, изготовленных из глины с глазурованным покрытием, медного и свинцово-оловянистого сплавов и сланца (камня)³. 3 из них найдены на Болгарском городище, 7 – на Лаишевском селище. Место обнаружения остальных неизвестно. Широкий хронологический диапазон – от XIV–XV вв. и до XVIII в. – имеют 7 нательных крестиков (4 из Болгара), поэтому я их не отношу к изучаемому периоду. 13 вышеуказанных предметов происходят из Москвы или Московской Руси, Твери, Новгоро-

¹ Подробнее о нём будет рассказано в параграфе «Веротерпимость и межконфессиональные конфликты (XIII–XV вв.)».

² Источники: Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдинов, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань, 2015. – С. 21; Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск... С. 9.

³ К ним можно добавить 6 предметов, находящихся в экспозиции: 3 креста-«корсунчика» (Херсонес?), Южная Русь, XII–XIV вв. (сланец), крестик нательный, Русь, XII–XIV вв. (бронза), энколпион (фрагмент креста), Русь, XII–XIV вв. (камень), деталь церковного подсвечника (хороса), Русь, XII–XIV в. (бронза). Их местонахождение на информационных табличках не указано.

Илл. 69. Энколпион XII–XIII вв. (раскоп СС, 2014 г.) (слева) и энколпион XIV в. (раскоп CLXXIX, 2015 г.), на поверхности которого отпечаталась шёлковая ткань с расшивкой мелким бисером (справа). Болгарское городище. Спасский район Республики Татарстан²

Илл. 70. Христианские артефакты, найденный на территории Волжской Болгарии (Болгарского улуса): № 1–3 – кресты-«корсунчики» (Херсонес?), Южная Русь, XII–XIV вв. (сланец); № 4 – крестик нательный, Русь, XII–XIV вв. (бронза); № 5 – энколпион (фрагмент креста), Русь, XII–XIV вв. (камень), № 6 – деталь церковного подсвечника (хороса), Русь, XII–XIV вв. (бронза). Экспозиция НМ РТ. Фото Е. А. Бурдина

да и Болгарского улуса. Нательные крестики из глины, покрытые снаружи глазурью, видимо, производились в XIV–XV вв. в Болгаре. Если данное предположение в будущем получит стопроцентное подтверждение, то оно станет ещё одним веским аргументом о проживании в городе значительного количества христиан.

В археологических коллекциях других музейных учреждений артефакты, имеющие отношение к средневековому христианству XI–XV вв., либо отсутствуют (Ульяновский областной краеведческий музей и т. д.), либо некаталогизированы и недоступны для учёных или содержат единичные экземпляры (Самарский областной историко-краеведческий музей – 3 предмета, Историко-археологический музей в Билярске и т. д.). По нашей оценке, общее количество хранящихся в фондах музеев и частных коллекциях христианских предметов рассматриваемого периода, найденных на территории Среднего Поволжья, может превышать 200 экземпляров.

Несмотря на огромную площадь, в 40 раз превышающую размеры золотоордынского Болгара, на территории домонгольского Билярского городища пока найдены лишь единичные христианские артефакты. Они находятся в фондах разных музеев РТ и пока не сведены в единый каталог. Видимо, немногочисленность подобных находок объясняется меньшей археологической изученностью данного памятника по сравнению с Болгарским городищем. В экспозиции музея БГИАПМЗ выставлены два артефакта – иконка и змеевик с изображением Георгия Победоносца. Пожалуй, самой интересной находкой, связанной с христианством, на Билярском городище является

Илл. 71. Вислая печать Всеволода Юрьевича (лицевая сторона). Свинец. XIII в. Билярское городище. Раскопки Ф. Ш. Хузина, 1976 г. Археологическая коллекция БГИАПМЗ, инв. № XXIII/1346. Алексеевский район Республики Татарстан (История татар. Т. 2)

печать новгородского князя Всеволода Юрьевича (1212–1240), внука великого владимирского князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212)¹. На её лицевой части изображён святой Георгий на коне, а на оборотной – святой Дмитрий Солунский, извлекающий меч из ножен. Любопытно, что её нашли на территории усадьбы зажиточного русского ремесленника, датированной XII–XIII вв.² Возможно, именно здесь останавливались купцы, выполнявшие дипломатические поручения.

После уничтожения в 1236 г. Биляра уцелевшие местные жители неоднократно предпринимали попытки возродить его, в основном на близлежащих местах. Одним из таких поселений было золотоордынское Торецкое II селище XIV – начала XV вв., расположенное рядом с Билярским городищем, недалеко от урочища Святой ключ. Во время археологических раскопок памятника в 2005 г. в сооружении первой трети XV в. (хозяйственной яме) учёные обнаружили два уникальных предмета – каменную иконку и оловянно-свинцовую пломбу, не имеющих прямых аналогов в отечественной и мировой археологической практике³. Поэтому приведу по возможности полное описание этих высокохудожественных произведений мелкой пластики.

¹ Первый является мучеником Русской православной церкви.

Более подробно см.: Янин В. Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья. – Казань, 1979. – С. 100–102.

По версии М. В. Седовой, печать принадлежала князю Всеволоду Большое Гнездо и датируется концом XIII в. См. подробнее: Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М., 1993. – С. 73.

² Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария... С. 73–74.

³ Валиуллина С. А., Худяков А. В. Редкие находки с Торецкого поселения // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей. – Казань, 2009. – С. 353–356.

Вот что писали исследователи по поводу иконки: «На лицевой стороне резьбой по мягкой породе хорошо обработанного камня выполнено рельефное погрудное изображение святого Иосифа в святительских ризах. У святого узкий овал лица и узкая бородка "клином" <...> В левой руке Иосиф держит Евангелие, правой рукой – благословляет. По обеим сторонам от головы видно чёткое написание букв имени святого. Нагрудный образок должен был вставляться в металлическую оправу...»¹. Наиболее близкой к данному предмету является шиферная иконка XIV–XV вв. из Новгорода, однако происхождение торецкой иконки – византийское или русское (новгородское) – точно определить пока не удалось.

Илл. 72. Иконка (слева, лицевая сторона) и торговая пломба (справа, лицевая и оборотная стороны). XIV–XV вв. Торецкое II селище. Раскопки А. В. Худякова, 2005 г. Археологическая коллекция БГИАПМЗ. Алексеевский район Республики Татарстан. Фото Н. А. Горбунова

А теперь процитирую описание пломбы: «На одной стороне помещено портретное фронтальное изображение епископа с митрой на голове и в мантии с широким отложенным воротником. Священнослужитель круглолицый, с правильными чертами лица, пышными усами и небольшой широкой бородой. По обеим сторонам от головы стоят буквы "S" и "O". На второй стороне пломбы – изображение шестиконечного креста, нижняя перекладина которого чуть больше верхней...»². Предположительно на этой товарной пломбе явно западного происхождения изображен святой Олаф. Ближайший аналог был обнаружен в Новгороде, в котором археологи раскопали основную массу подобных вещей. Очевидно, что иконка – это предмет личного благочестия, а пломба – это свидетельство торговых связей с Западной или Северной Европой.

Единственной на территории Среднего Поволжья является найденная на Коминтерновском III селище³ в Спасском районе РТ иконка с изображением святого Никиты, изгоняющего

¹ Валиуллина С. А., Худяков А. В. Редкие находки с Торецкого поселения // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей. – Казань, 2009. – С. 353–354.

² Там же. С. 354.

³ Культурный слой памятника многослоен и включает в себя вещевые комплексы именьковского, булгарского и золотоордынского времени. Интересна и близость селища к местонахождению размытого Коминтерновского II могильника.

беса¹. По форме М. Д. Полубояринова датировала её XIV в. Сюжет изображения был широко распространён в средневековой Руси, особенно в XIII–XIV вв. Он отражал легенду о раннехристианском мученике, победившем беса, олицетворявшего язычество. Интересно отметить, что этот артефакт, как и многие другие найденные в Волго-Камье христианские предметы личного благочестия, представляет собой повторную отливку с готового изделия (т. е. их делали на данной территории для местных христиан). Между прочим, Никита-бесогон до раскола Русской православной церкви в 1650–1660-е гг. и последующего в 1720-е гг. запрещения его жития являлся самым почитаемым из всех святых с таким же именем. Иконки и настенные крестики с ним легко узнать, т.к. святой изображался с кандалами или палкой в поднятой для удара руке, избивающей беса.

Костяная рукоять шила, обнаруженная на Измерском I селище X–XI вв. в Спасском районе РТ, на первый взгляд не имеет никакого отношения к христианству. На ней процарапано изображение трезубца с крестовидной вершиной центрального зубца и ножкой, опирающейся на крест, т. е. знак княжеского рода Рюриковичей². С. В. Белецкий писал:

¹ Полубояринова М. Д. Указ. соч. С. 81.

² Белецкий С. В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. – СПб., 2012. – С. 441.

«Зубцы трезубца находят себе соответствие в трезубце Изяслава Владимировича. Однако считать знак на рукояти трезубцем Изяслава не приходится: от трезубца Изяслава трезубец на рукояти шила отличается на один элемент – треугольная ножка дополнена крестом. Точно такое же различие было ранее установлено для знаков, атрибутированных Мстиславу тмутараканскому и его сыну Евстафию. Если эта персонификация верна, то знак на рукояти шила из раскопок Измерского поселения может быть атрибутирован одному из сыновей Изяслава Владимировича – Брячиславу или Всеславу»¹. Бесспорно, рассматриваемый знак говорил не только о высоком статусе его владельца и причастности к Рюриковичам, но и о христианской конфессиональной принадлежности. Князь являлся христианином, и его помощники тоже².

И, наконец, последняя яркая находка, о которой необходимо рассказать – это обломок янтарной иконки второй половины XIII–XIV вв. с территории Иске-Казанского городища в Высокогорском районе РТ, имеющий большую художественную ценность³. Вот её краткое описание: «На лицевой стороне – выпуклое изображение двух человеческих фигур и узкого высокого креста между ними. От одной из фигур сохранились голова в нимбе и плечи, от другой – только край нимба. Резьба тонкая, высокохудожественная. По обеим сторонам креста над фигурами небрежно процарапаны две надписи: "Царь Константин" – слева от креста <...> и "Царица Елена" – над другим. Это иллюстрация христианской легенды о том, что крест, на котором был распят Христос, был найден в царствование византийского императора Константина и его матери Елены в IV в. н.э.»⁴. Данный сюжет встречается в мелкой пластике и предметах личного благочестия

¹ Белецкий С. В. Указ соч. С. 441.

² **Изяслав Владимирович** (978/979–1001) – полоцкий князь, сын Владимира Святославича и Рогнеды. Годы жизни старшего сына Брячислава – 997–1044, младшего сына Всеслава – 990-е – 1003 (скорее всего, умер в детстве). Поэтому более вероятной представляется кандидатура Брячислава.

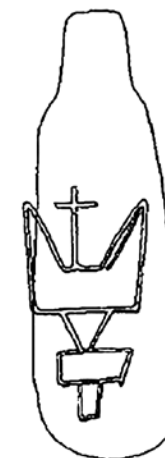
³ Некоторое время у меня в голове не укладывалось, как на рукоятке банального шила, которым, возможно, пользовался сапожник, могло быть изображение знака первого на Руси (по статусу) княжеского рода. Но всё встало на свои места, когда я предположил, что шило, возможно, принадлежало значимому человеку из окружения того или иного князя из указанного рода – например, старшему дружиннику.

⁴ Фахрутдинов Р. Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) / Советская археология. – 1984. – № 4. – С. 97.

⁵ Полубояринова М. Д. Указ. соч. С. 84.

Илл. 74. Иконка с изображением святого Никиты-бесогона. Коминтерновское III селище. XIV в. Спасский район Республики Татарстан (Полубояринова М. Д., 1993. С. 76)

Илл. 75. Знак рода Рюриковичей на костяной рукоятке шила. Измерское I селище. XI в. Спасский район Республики Татарстан (Белецкий С. В., 2012. С. 440)

Илл. 73. Современный вид Торецкого II селища. XIV–XV вв. Алексеевский район Республики Татарстан. 30.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

XII–XIV вв. русского происхождения. Также на городище были найдены бронзовый энколпион XIV в. и два медных крестика XVI в.

Илл. 76. Иконка. Янтарь. Иске-Казанское городище. Вторая половина XIII–XIV вв. Высокогорский район Республики Татарстан (Полубояринова М. Д., 1993. С. 85)

В Среднем Поволжье обнаружено немало византийских, европейских и особенно русских монет с христианской символикой (в основном в виде креста), относящихся к XI–XV вв. Среди них выделяются медный денарий венгерского короля Стефана I (1000–1038) (Арбузовское селище в Старомайском районе Ульяновской области), 2 серебряных денария датского короля Свена Эстридсена (1047–1075) (Семёновский остров в Спасском районе РТ)¹, золотой солид византийского императора Алексея I Комнина (1081–1118), золотой солид Мануила I Комнина (1143–1180), серебряный милиарисий Константина VIII (1025–1028), золотой флорин Республики Флоренция (Италия, 1329 г., найден в Болгаре в 1863 г.), серебряный денарий Генриха II (1002–1024) (Германия), серебряный денарий Бруно (1037) (Фрисландия²), серебряный денарий Братислава II (1034–1055) (Чехия, Моравия), серебряный денарий Вратислава II (1061–1092) (Чехия), серебряный денарий Болеслава IV (1146–1173) (Польша), серебряный пражский грош XIV–XV вв. (Чехия)³.

Русские металлические деньги находили на Торецком поселении в Алексеевском районе РТ: 6 медных монет Великого княжества московского, Нижегородского княжества, а также несколько безымянных периода 1425–1446 гг.; у с. Рождествено в Лаишевском районе РТ: 6 монет Суздальско-

¹ Беговатов Е. А., Казаков Е. П., Мухаметшин Д. Г., Сингатуллина А. З. Нумизматические комплексы X века с Семёновского острова (Республика Татарстан) // Поволжская археология. – 2013. – № 4. – С. 51; Лебедев В. П., Трушин И. Д., Кожевин А. Е. Монетный комплекс с Арбузовского селища... С. 152.

² Фрисландия – историческая область на побережье Северного моря, ныне входит в Германию и Нидерланды.

³ Последние 10 выставлены в экспозиции Национального музея Республики Татарстан, все найдены в РТ, иногда точное местонахождение неизвестно.

Нижегородского княжества 1420-х гг. в составе клада и т. д.¹ В экспозиции НМ РТ представлено 12 серебряных монет XIV–XV вв. Суздальско-Нижегородского и Московского княжеств, Новгорода Великого и Пскова.

Илл. 77. Византийские золотые монеты. Солид императора Алексея I Комнина (1081–1118) (слева) и солид императора Мануила I Комнина (1143–1180). Территория Волжской Болгарии. Экспозиция НМ РТ. Фото Е. А. Бурдина

Подавляющая часть археологических артефактов, связанных с христианством в Среднем Поволжье в XI – первой половине XV вв., – это предметы личного благочестия, представленные в основном иконками и нагрудными и нательными крестами. Они являются весомыми свидетельствами проживания христиан на рассматриваемой территории – от Самарской Луки в Самарской области до Предкамья в Республике Татарстан. Нательные кресты изготавливались из различных металлов (бронза, медь), глины и камня (сланца) и, вероятно, дерева. Среди них выделяются т.н. «корсунчики» (сделанные в г. Херсонес или поселениях Южной Руси из сланца). Нагрудные кресты, или энколпионы, характерные не только для Руси, но и для Византии, чаще всего делали из бронзовых сплавов. В Волжской Болгарии и позднее в Болгарском улусе в местных ремесленных мастерских производили часть металлических крестов и, вероятно, все керамические, иногда глазурированные. Учитывая особенности средневековой христианской матрицы, отмечу, что, видимо, указанные предметы далеко не всегда носили на себе и уж точно почти никогда не клали в могилы.

Картографирование находок из различных групп материальных маркеров христианства в регионе говорит о широком географическом распространении этой веры и расселении её носителей, особенно в XIII–XIV вв. Они проживали не только

¹ Гончаров Е. Ю., Тростьянский О. В. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. – М., 2004. – С. 94–95; Мухаметшин Д. Г. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском улусе конца XIV – начала XV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. – Казань, 2011. – С. 65, 67, 69.

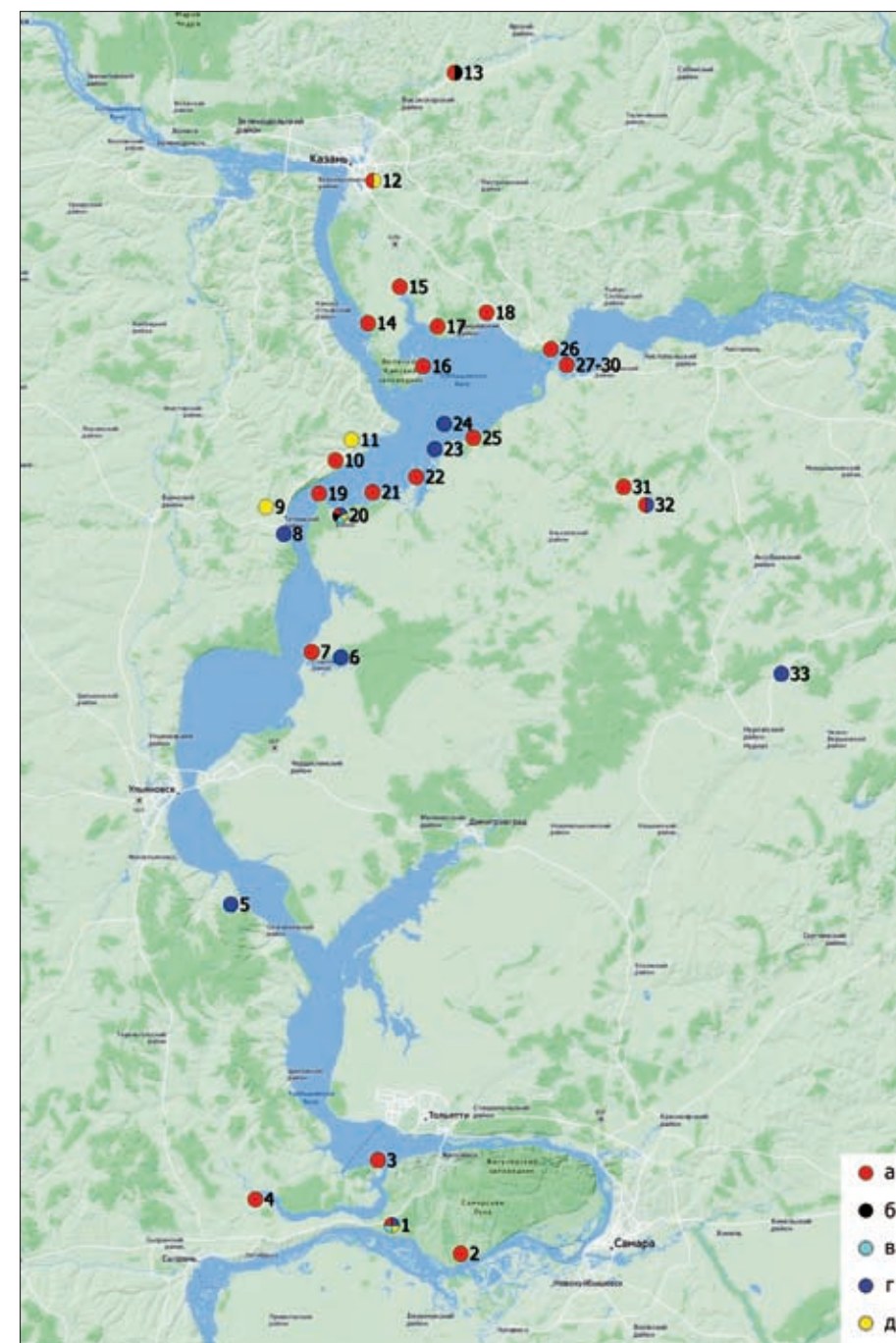
в крупных городских центрах, но и в той или иной степени удалённых от них местах, на периферии.

На карте «География вещественных маркеров христианства в Среднем Поволжье в XI–XV вв.» представлены 33 населённых пункта¹ и археологических памятника, в которых были найдены артефакты из числа пяти выделенных мной групп: 1 – Малорязанское II селище и могильник, 2 – селище Лбище, 3 – Берёзовское селище, 4 – с. Губино (клад), 5 – Шиловское селище, 6 – Арбузовское селище, 7 – Старомайское городище, 8 – г. Тетюши (клад), 9 – д. Красная Поляна (надгробие), 10 – Сюкеевское городище, 11 – с. Кирельское (надгробие), 12 – г. Казань (разные находки), 13 – Иске-Казанское городище (I Камаевское), 14 – Тетеевское селище, 15 – Рождественское селище, 16 – Мансуровское селище, 17 – Лаишевское (Чакма) селище, 18 – Богородицкое селище, 19 – селище Ага-Базар, 20 – Болгарское городище, 21 – Новомордовское селище, 22 – Старокуйбышевское городище, 23 – Измерское I селище, 24 – Семёновское I селище, 25 – Коминтерновское III селище, 26 – Мурзихинское селище, 27–30 – Алексеевское VI селище, селище Разбойничий остров, селище Посадки и селище Дамба II, 31 – Торецкое II селище, 32 – Билярское городище, 33 – д. Караульная Гора (клад).

Из 33 объектов, так или иначе связанных с христианством, четыре (№ 1–4), или 12,1 %, находятся в Самарской области, три (№ 5–7), или 9,1 % – в Ульяновской области, а подавляющая часть – 26 (№ 8–33), или 78,8 % – в Республике Татарстан. Показательно, что 22, или 84,6 % из числа расположенных в РТ населённых пунктов и археологических памятников зафиксированы в прибрежных зонах Волги и Камы (ныне Куйбышевского водохранилища).

Терпимое отношение к представителям других религий являлось необходимым условием стабильности полиэтнического общества. Поэтому межконфессиональные конфликты в Волжской Болгарии и Болгарском улусе в отличие от европейской практики данного периода были редкими. Об этом и пойдёт речь в последнем параграфе этой книги.

¹ Современный населённый пункт указывается в том случае, если не удалось связать тот или иной артефакт с конкретным археологическим памятником.

Илл. 78. География вещественных маркеров христианства в Среднем Поволжье в XI–XV вв. Буквой «а» отмечены артефакты первой группы (предметы личного благочестия), «б» – второй группы (богослужебные вещи), «в» – третьей группы (остатки культовых зданий), «г» – четвёртой группы (предметы с христианской символикой), «д» – пятой группы (кладбища, захоронения и надгробия). Составлена Е. А. Бурдиным. Графика Н. А. Горбунова

2.3. ВЕРОТЕРПИМОСТЬ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ (XIII–XV вв.)

Как правило, под веротерпимостью понимается право человека исповедовать любую религию, терпимое отношение к религиозному инакомыслию. По сути дела она может считаться ранним проявлением такого современного понятия, как толерантность, т. е. умение признавать и уважать другую точку зрения. Веротерпимость была известна в Римской империи, когда завоеватели позволяли сохранять побеждённым народам старые религиозные культы. Однако первоначально это правило не касалось ранних христиан, подвергавшихся гонениям. Данная ситуация начала исправляться только с 313 г.

Характерной чертой религиозной картины эпохи средневековья на территории Поволжья, в том числе Среднего, было преобладание веротерпимости. Достаточно вспомнить христианскую принадлежность хана Кубрата, предводителя Великой Болгарии – конфедерации тюркоязычных племен, вероятно, в основном носителей тенгрианства (язычества). А ведь это был VII в. Подобное отношение к религиозному инакомыслию наблюдалось и в Хазарском каганате, в столице которого – городе Итиль – в IX–X вв. действовал суд из семи судей: двух мусульманских, двух иудейских, двух христианских и одного языческого¹.

В средние века многие страны Европы не отличались веротерпимостью. Примеры бесконечных конфликтов, в том числе войн, на почве религиозных разногласий хорошо известны. Возврат к гуманному отношению к людям иной веры произошёл только в начале XVI в. после распространения идей Мартина Лютера, инициатора Реформации.

На этом фоне веротерпимость в средневековом Поволжье, которое является частью Европы, вызывает удивление и уважение. Справедливости ради надо сказать, что она далеко не всегда распространялась на язычников, то есть была избирательной. Практически все учёные отмечают веротерпимость мусульман по отношению к христианам на территории Волжской Болгарии и затем Золотой Орды в XIII–XV вв. Если в первой она была обусловлена прежде всего близостью с Русью и необходимостью поддерживать мирные торговые отношения с русскими купцами и купцами из других христианских держав,

¹ Подавляющее большинство археологов считают, что мировые религии (ислам, христианство, иудаизм) в Хазарии не получили широкого распространения.

то во второй – в первую очередь стремлением при помощи Церкви доминировать над покорёнными народами. Возможно, ханы видели в духовной власти противовес светской власти, например, тех же русских князей. В свою очередь, православная Церковь использовала любую возможность для сохранения мира, что гармонично вписывалось в её идеологию. Что касается Среднего Поволжья, то здесь помимо перечисленных причин веротерпимости существенную роль играла полиэтничность населения.

Согласно традиционным взглядам, наиболее широкие привилегии Русской православной церкви правители Золотой Орды предоставляли в XIII – начале XIV вв., до принятия в 1312 г. ханом Узбеком мусульманства. Как и следовало ожидать, после этого события наступил период сокращения прав РПЦ, но затем в результате ослабления ханской власти и усиления Руси они вновь расширились.

Ярким примером веротерпимости в Волжской Болгарии являются многочисленные факты совместного соседского проживания различных конфессиональных групп – мусульман, христиан и язычников. Страна была разной во многих сферах, в том числе религиозной.

Имеющиеся в моём распоряжении исторические источники в основном подтверждают устойчивое бытование традиции веротерпимости ислама и христианства на территории Среднего Поволжья. В

самом деле, в русских летописных сводах здесь зафиксировано всего лишь два случая расправы с христианами – в 1229 и 1323 гг. Возможно, источники не сохранили другие подобные факты, но всё равно в целом религиозная обстановка представляется сравнительно спокойной. А уж о религиозных войнах и крестовых походах, на протяжении пяти столетий сотрясавших Европу и исламский мир (арабы и турки), даже и речи не было.

Даже позднее, в XVI–XVIII вв., в просвещённой Европе и святой Руси происходили совершенно дикие события – чего только стоят Варфоломеевская ночь, когда за одну ночь 1572 г. католики перерезали около 30 тысяч гугенотов, и длительная борьба с противниками реформы патриарха Никона

¹ Источник: <http://scisne.net/a-83>

Илл. 79. пытки, применявшиеся католической инквизицией. На изображении слева – пытка «вилка еретика», справа – пытка «аистом» (здесь я взял сравнительно мягкие виды пыток, чтобы не сильно шокировать читателя)¹

(1650–1660-е гг.) – старообрядцами, которые в знак протеста устраивали массовые самосожжения! А испанская инквизиция, возникшая в XIII в. и уничтожившая немалое количество «ведьм» и «еретиков» и ликвидированная только в 1834 г.! На этом мрачном фоне в XIII–XV вв. в Среднем Поволжье наблюдалась почти тишь да благодать... Но упомянутые мной два факта требуют обстоятельного разговора. Тем более, за прошедшие века они обросли изрядным количеством мифов, из-за которых трудно разобраться в том, что же было на самом деле.

Первый конфликт на религиозной почве, закончившийся расправой, произошёл в 1229 г. Вкратце изложу современную официальную версию этой истории¹. В первой трети XIII в. богатый и знатный, т. е. известный, купец Авраамий² неславянского происхождения, мусульманин, торговал в городах Поволжья. Будучи человеком добрым и сострадательным, под влиянием русских купцов он принял православную веру. Приехав в столичный город Болгар по торговым делам, Авраамий вместо того, чтобы заняться торговлей на ярмарке, стал активно проповедовать христианские догмы. Мусульмане в ответ на это стали убеждать его отказаться от православия, но Авраамий проявил стойкость. В конце концов его казнили у берега Волги и затем похоронили на христианском кладбище. Ну а Болгар вскоре сгорел – Авраамий был отомщён. Дальше начинается совсем другая история – история почитания мученика за православную веру, длящаяся до сих пор.

Но что же было написано в первоисточнике – Лаврентьевской летописи XIV в., дошедшей до нас в своде XVII в.? Давайте прочитаем текст в авторском переводе: «В лето 6737 (1229 г. – Е.А.Б.) <...> Того же лета страдание нового мученика Христова, его же убили Болгары в Великом городе их: он был иного языка не Русского, христианин, имел много имущества, торговал по городам, пришел в Болгарский город; они же его убеждали много дней, лаской и угрозой, отречься Христа и веры христианской, он же не покорился, но все оставив, изволил лучше умереть за Христа; усечен (*укорочен, т. е. убит.* – Е.А.Б.) был месяца апреля в 1 день (*по юлианскому календарю.* – Е.А.Б.), его же русские христиане взяли тело и положили в гроб, где же все христиане лежат, и сотворил Бог милость

¹ Журавский А. В., Романова А. А. Авраамий Болгарский // Православная энциклопедия. Т. 1. – М., 2000. – С. 172–173.

² Имя проповедника иногда пишется с одной буквой «а» – Авраамий, иногда с двумя – Авраамий. Я буду употреблять наиболее часто фигурирующий вариант имени – Авраамий.

вскоре, за кровь его, погорела большая половина города Великого, а потом оставшаяся часть загоралась днем дважды и трижды; так же было много дней, мало осталось города, а все погорело, и товара множество бесчисленное, за кровь мученика Христова» (текст частично переведён на современный русский язык, а орфография нетронутого текста частично исправлена. – Е.А.Б.)¹.

Сразу оговорюсь – с точки зрения научного источниковедения наиболее достоверным, и то с оговорками, можно признать только вышеприведённый текст Лаврентьевской летописи. Дело в том, что он написан в XIV в., то есть как минимум через 200 лет после гибели Авраамия, а дошедшая до нас редакция (список) – и вовсе относится к XVII в. Это ещё 300 лет, а всего 500 лет. Насколько объективна информация, переданная в искажённом виде через 500 лет? Большой вопрос. Всё остальное – текст «Житие святого мученика Авраамия Болгарского» редакции 1798 г. (оригинал не сохранился!) и тем более легенды, тоже поздние – это фантазии, хотя и увлекательные и любопытные.

Сообщение об Авраамии содержится ещё в одном общерусском летописном своде XVI в., в котором собраны более ранние источники, – Воскресенской летописи (но опорным является первый документ, т. е. Лаврентьевская летопись, а упоминание второго я обговариваю особо). Он почти полностью повторяет вышеприведённый текст, за исключением нескольких мелких деталей – например, что купец приплыл в Великий град Болгарский на ладье по Волге, причём не из Руси (почти полная идентичность сообщений говорит либо об одном первоисточнике, либо о заимствовании информации автором одного из летописных сводов)². Но данный факт означает, что он прибыл по воде именно в Волжскую Болгарию до ледостава, т. е. до ноября 1228 г., а потом мог добраться до

Илл. 80. Реконструкция костюма купца из Волжской Болгарии. XII в. Автор В. В. Хабаров, 2012 г. Экспозиция Билярского историко-археологического музея. Алексеевский район Республики Татарстан. Фото Е. А. Бурдина

¹ Лаврентьевская и Троицкая летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 192.

Точный перевод осуществлён с помощью словаря русского языка XI–XVII вв. 28 выпусков. – М., 1975–2008.

² Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 7. – СПб., 1856. – С. 135.

Великого города по суше. Кроме того, Авраамий якобы проклинал мусульманскую веру. И это проливает свет на причину трагической гибели купца – мало кому понравится, когда резко осуждают его убеждения.

Авторская реконструкция описанных в летописях событий с учётом археологических материалов выглядит следующим образом. В первой трети XIII в. жил некий богатый и известный купец, торговавший в том числе в поселениях Поволжья. Имя в первой половине текста в Лаврентьевской летописи, т. е. о его жизни, не упоминается. Оно появляется только после смерти – имя еврейского происхождения Авраамий или Авраамий¹. Он не был русским, но почему-то точная национальная принадлежность не указана². Как-то раз он приехал в Болгарский город (град, или, как в конце указывает летописец, – Великий город). Для меня совершенно очевидно, что Авраамий прибыл в Великий город, или, как его сейчас называют археологи, Билярское городище, на месте которого находится современное с. Билярск Алексеевского района РТ, то есть в 109 км от современного г. Болгар.

В домонгольский период столицей государства являлся именно он, а не маленький по площади г. Болгар³. Этот факт окончательно доказан учёными в 1990-е гг. Вопрос об основании обоих городов остаётся открытым, но к концу X в. они уже существовали. Болгар в это время занимал площадь около 9 га, а к началу XII в. вместе с неукреплённым пригородом – примерно 20 га (в первой трети XIII в. – 25 га)⁴. Общая площадь Биляра вместе с посадом в XII – первой трети XIII вв. составляла около 800 га, т. е. в 32–40 раз больше площади Болгара⁵. В округу домонгольского Биляра (территория в радиусе 15–20 км) входило 23 городища, 236 селищ и 20 могильников, а в округу Болгара – 4 городища и 30 се-

¹ Правда, в Воскресенской летописи при описании событий, связанных с конфликтом будущего мученика с болгарскими, один раз упоминается его имя – Авраамий. Но это, скорее всего, поздняя вставка.

² Информация о том, что купец был болгарин и первоначально исповедовал ислам, не подтверждается источником, поэтому является недостоверной. Появилась она гораздо позже, вероятно, в XVIII в.

³ Интересно, что в русских летописях, описывающих домонгольские события, город Болгар (современное Болгарское городище) не упоминается. Возможно, в тот период его называли Брахимов. Название Болгары Великие бытовало в русских источниках при описании события XIV в. Терминами «Болгары», «болгары» или «болгаре» обозначали территорию Волжской Булгарии (Болгарского улуса) и её жителей.

⁴ Юсупов Р. Р., Валеев Р. М. Древний Болгар – столица Волжской Булгарии и Золотой Орды: научные и творческие аспекты современного возрождения // Вестник МГУ-КИ. – 2015. – № 1. – С. 97.

⁵ Губайдуллин А. М., Хузин Ф. Ш., Шакиров З. Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. – 2016. – № 1. – С. 223.

лиц¹. Если в качестве главных признаков столичности города брать площадь, количество поселений в ближайшей округе и наличие развитого ремесленного производства (в т. ч. предметов роскоши), то сомнения развеиваются окончательно. По авторским подсчётам, в Болгаре до 1236 г. могло проживать не более 3–4 тысяч человек, в Биляре – примерно 100 тысяч (для сравнения: население Киева в это же время составляло 40–50 тысяч)². Конечно же, по сравнению с первым второй был «Великим».

Болгар стал центром Болгарского улуса Золотой Орды после разгрома захватчиками Биляра, примерно в середине XIII в. Но почему мифотворцы, которым неохота было вдаваться в такие неважные для них «мелочи», как место совершения преступления, говорили о казни Авраамия на берегу Волги? Ведь если она была совершена на месте современного Авраамиевского колодца, то сейчас он расположен на Волге

¹ Хузин Ф. Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 5–32.

² Правда, эти цифры заслуживают доверия в том случае, если верны данные о площади указанных городов и используемые расчёты. Большие сомнения вызывает примерная численность жителей Биляра. Вероятно, далеко не все из 800 га его площади были жилыми.

Принято считать, что средневековая усадьба в среднем занимала площадь 400 м². В ней могло проживать в среднем 6 человек. Подсчитано по: Аверьянов К. А. Демография и археология // Историческая демография: сб. науч. статей. – М.-Сыктывкар, 2007. – С. 7.

Илл. 81.
Современный вид центральной части Билярского городища. X – первая треть XIII вв. Алексеевский район Республики Татарстан. 30.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

потому, что в 1957 г. завершилось образование Куйбышевского водохранилища. А ранее Волга находилась как минимум на расстоянии 9–10 км (если брать направление северо-запад) или 3–4 км (направление запад – юг, Ага-Базар) от этого места. Опять нестыковка. Даже торговое поселение Ага-Базар не стояло на реке, Волга вплотную приближалась к нему только в половодье – апреле – июне. Местоположение современного источника-колодца на месте казни Авраамия – это

красивая легенда, которая способствует укреплению православно-славной идентичности¹. В конце концов, после убийства в Биляре останки мученика могли привезти в Болгар для переправы через Волгу на правый берег и дальнейшей транспортировки тела во Владимир, да и летописец теоретически мог ошибиться в месте казни. Может быть, на месте современного источника какое-то время находились останки Авраамия, поклониться которым приходили местные христиане? Но это уже догадки.

Иду дальше. Почему, как сказано в Лаврентьевской летописи, «они», т. е. болгары (местные жители-мусульмане?) убеждали Авраамия отречься от Христа? В Биляре проживало немало христиан, но их не трогали. И вообще этот случай явно неординарный. В одном источнике причина замалчивается, согласно другому (Воскресенская летопись), она заключалась в том, что Авраамий якобы проклинал мусульманскую веру. В общем, достоверность в данном случае весьма низкая. Ясно одно: просто так известных людей в мирное время не убивали даже в средние века. Кстати, нигде в источниках не говорится о том, что Авраамий сначала не был христианином. Вот, собственно говоря, и всё. Весь рассказ полон противоречий и записан явно гораздо позже, поскольку в нём нет многих важных и незначительных деталей. Всё произошедшее

¹ **Идентичность** – многозначный житейский и общенаучный термин, выражающий идею постоянства, тождества, преемственности индивида и его самосознания. Духовная и социальная идентичность – это переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным группам и общностям.

потом с научной точки зрения – второстепенно. В том числе и пожар в городе. Интересно, а такое масштабное явление хоть как-то отражено в культурном слое Биляра¹? Или это тоже выдумка? Думаю, что да, поскольку для мифологии характерно последующее наказание за преступление.

Во всей этой истории для летописца и более поздних переписчиков (и особенно создателей жития и легенд) главное – это ореол мученичества, поэтому многие детали в ней вызывают недоумение и явно нестыкуются с другими фактами.

Для историка выявленный рациональный компонент в Авраамиевской эпопее – это сведения, говорящие о следующих моментах: 1) в первой трети XIII в. в Волжской Болгарии постоянно и временно пребывали носители христианской традиции (в Биляре даже находилось кладбище христиан²), причём не только русские, но и люди других этнических групп; 2) для многонационального населения данной территории была характерна веротерпимость, лишь изредка нарушавшаяся выходящими за рамки привычной повседневности событиями вроде убийства Авраамия. Но за ним, вероятно, стояла веская причина. Как иначе объяснить факт отсутствия массовых гонений и казней тех же христиан? Ну не было здесь Варфоломеевской ночи!

Теперь прочитаем вторую часть текста Лаврентьевской летописи, в которой повествуется о зарождении культа почитания Авраамия: «В лето 6738 (1230 г. – Е.А.Б.), месяца марта в 9 день, 40 святых Мучеников, принесен был Христов мученик Авраамий новый из Болгарской земли в славный град Владимир, его же Болгары в минувшее лето (год. – Е.А.Б.), месяца апреля в 1 день, много мучили и понуждали отречься от крещения, он же не отрекся, но все имущество свое оставил, усечен был, и взяты были мощи святого страдальца Авраамия, и принесены были во Владимир, и великий князь благоче-

¹ Верхний горизонт культурного слоя Билярского городища имеет следы огромного пожара, который обычно связывается с монгольским нашествием и взятием города осенью 1236 г. Вместе с тем, учитывая то, что пожары, которые упоминаются в истории об Авраамии, случились в 1229 г., по сути, незадолго до гибели Великого города, то идентифицировать их практически невозможно – слишком мал промежуток времени по археологическим меркам между этими двумя событиями, да и верхняя часть культурного слоя распахивалась почти 100 лет, что сильно повредило культурные отложения. Впрочем, проведение в будущем раскопок на Билярском городище на современном уровне, возможно, позволит решить эту проблему (прим. науч. ред.).

² Археологически христианское кладбище на Билярском городище пока не выявлено, но судя по наличию славяно-русских предметов на городище и археологически изученной усадьбе русского ремесленника, его существование вполне очевидно. Исключать факт того, что и Авраамий был похоронен в Великом городе, тоже не стоит. По крайней мере, это не противоречит изложению событий в летописи (прим. науч. ред.).

Илл. 82.
Жилой дом
знатного
горожанина
в Биляре.
XI–XIII вв.
По реконструкции
С. С. Айдарова.
Автор:
С. Е. Трофимов.
Научный
консультант
К. А. Руденко.
Экспозиция
Билярского
историко-
археологического
музея.
Алексеевский
район
Республики
Татарстан.
Фото Е. А. Бурдина.

стивый Георгий встретил перед городом за версту¹, с великой честью, со свечами, и епископ Митрофан со всем клиросом² и с игуменами³, и княгиня с детьми, и все люди; и положен был в церкви святой Богородицы, в монастыре великой княгини Всеволожской» (текст частично переведён на современный русский язык, а орфография нетронутого текста частично исправлена – Е.А.Б.)⁴.

Действительно, в 1224 г. великим князем Владимирским являлся Георгий (Юрий) Всеволодович (1188–1238 гг., великий князь в 1212–1216 и 1218–1238 гг.), третий сын знаменитого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Думаю, этот человек достоин того, чтобы кратко рассказать о некоторых эпизодах его жизни. Особенно интересны его взаимоотношения с соседней Волжской Болгарией. В 1220 г. в ответ на военное вторжение болгар, во время которого они захватили Устюг, Георгий Всеволодович послал войско под предводительством брата Святослава. В итоге был взят штурмом и сожжён болгарский город Ошель, идентифицируемый сейчас с Богдашкинским городищем в Тетюшском районе РТ. Одновременно два русских полка совершили на ладьях рейд по Каме, разорив несколько поселений. Зимой к Георгию прибыло болгарское посольство с просьбой о мире, но он отклонил её. В 1221 г. великий князь лично возглавил поход против Волжской Болгарии. У Городца к нему вновь прибыли послы, но и в этот раз Георгий не согласился заключить перемирие. И только после того, как болгары явились с богатыми подарками, он согласился на мир. Вскоре на месте впадения Оки в Волгу князь заложил Нижний Новгород, в котором построил деревянную и каменную церкви.

Во время нашествия Батыя после падения г. Владимир и гибели княжеской семьи в марте 1238 г. войска во главе с Георгием Всеволодовичем потерпели поражение, а сам князь погиб. Позже его похоронили в Успенском соборе Владимира. В 1645 г. Георгия Всеволодовича как строителя храмов и радителя за православную веру канонизировали и причислили к лику святых как святого Благоверного князя Георгия Всеволодовича.

¹ **Верста** – старинная русская единица измерения расстояния. Неоднократно менялась – от 1 до 2 км в современной метрической системе.

² **Клирос** – в данном случае представители духовенства, в т. ч. певчие.

³ **Игумен** – настоятель (глава) православного монастыря.

⁴ Лаврентьевская и Троицкая летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 192.

Сейчас указанный в источнике монастырь – это Успенский Княгинин женский монастырь во Владимире. Кстати, его основал отец князя Георгия Всеволод Большое Гнездо по просьбе жены. В советское время не работал, вновь открыт в 1993 г.

Другой исторический персонаж, упомянутый в летописи – епископ¹ Владимирский и Суздальский Митрофан – занимал эту должность с 1227 (1228) по 1238 (1237) гг.² Мученически погиб в Успенском соборе Владимира во время штурма города. Дата переноса останков Авраамия выдержала перекрёстную проверку, поэтому можно считать её в значительной степени достоверной.

По тексту летописи невозможно понять, откуда именно из Волжской Болгарии были привезены останки мученика. Но с полной уверенностью можно сказать, что первый этап канонизации³ Авраамия совершили почти через год после его гибели – мощи торжественно положили в Богородицкой церкви монастыря великой княгини Всеволожской. Правда, остаётся непонятным вопрос, почему останки мученика привезли именно во Владимир, а скажем, не в Муром, Рязань или Киев? Какую истинную цель преследовали исполнители данного обряда? Усиление великого княжества Владимирского как преемника Киева, в том числе и в православной, духовной сфере?

Второй этап канонизации Авраамия произошёл в начале XVIII в. В 1711 г. его мощи перенесли из Благовещенского придела Успенского храма (находится на территории Княгинина монастыря во Владимире) в главный, причём в четвёртую неделю по Пасхе⁴. С этого времени данное воскресенье стали называть Авраамиевым, а на поклонение к раке мученика стали стекаться большие массы людей. Более того, в 1785 г. стал ежегодно проводиться крестный ход в память второго перенесения мощей.

К середине XIX в. руководство Казанской епархии поняло, что растущую популярность святого Авраамия надо каким-то образом использовать для пропаганды христианской духовности и на территории, где он был убит. Нужны были истори-

¹ **Епископ** – священнослужитель высшей степени в иерархии христианской Церкви. Глава церковно-административной территориальной единицы (епархии, митрополии и т. д.).

² Митрофан. Биография // URL: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_1559 (дата обращения: 08.11.2016).

³ **Канонизация** – 1) в широком смысле: в христианстве процесс причисления верующего к лику святых; 2) в узком смысле: причисление Церковью подвижника веры и благочестия к лику святых через акт высшей церковной власти, посредством которого узаконивается чествование святого. Обычно основаниями для неё являются: «неустанная проповедь слова Божия, мученичество и исповедничество за Христа, ревностное святительское служение, высокая праведная жизнь, безукоризненное Православие». Более подробно см.: Критерии канонизации местночтимых святых в Русской Православной церкви // URL: <http://www.pravmir.ru/kriterii-kanonizatsii/> (дата обращения: 10.11.2016); Ткачёв Е. В. Канонизация // Православная энциклопедия. Т. 30. – М., 2012. – С. 269–359.

⁴ Журавский А. В., Романова А. А. Указ. соч. С. 173.

ческие примеры православной приверженности и стойкости. Но до конкретного дела руки дошли только в 1873 г., когда из Владимира в Казань прислали икону Авраамия Болгарского с частицей его мощей¹. Здесь также стали праздновать неделю мученика, а его имя поминали во всех епархиальных храмах. Во второй половине XIX – начале XX вв. с подачи епархиальных властей святой особо почитался в с. Болгары (хотя здесь его точно не убивали). В 1887 г. сюда по ходатайству архиепископа Казанского и Свияжского Палладия из Владимира прислали икону святого с частицей его мощей². Через пять лет, в

Илл. 83.
Современный
вид Княгинина
(Успенского)
монастыря
в г. Владимир³

мае 1892 г. по просьбе жителей села состоялось торжественное перенесение старой деревянной раки, в которой до 1806 г. хра-

¹ Журавский А. В., Романова А. А. Указ. соч. С. 173.

² Алексеев И. Почитание святого мученика Авраамия (Аврамия) Болгарского в Казанской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. // URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/11/26/pochitanie_svyatogo_muchenika_avraamiya_avramiya_bolgarskogo_v_kazanskoy_eparhii_vo_vtoroj_polovine_xix_nachale_xx_vv/ (дата обращения: 08.11.2016).

³ Источник: <http://vladimir1896.ru/vladimir-gorod/uspenskijknaygininmonastyr-vovladimire.html>.

нились мощи святого, из Владимира в Болгары¹. Описанные события ознаменовали третий этап канонизации Авраамия.

Четвёртый, на данный момент последний, этап состоялся в 1990-х гг. После воинствующей атеистической политики советской власти Княгинин монастырь вновь открыли, поместив в него на хранение ковчежец с частицей мощей мученика. Не была забыта заведённая со второй половины XIX в. в Казанской губернии традиция почитания святого Авраамия и в Болгаре².

Даже в советское время верующие собирались в лесу на месте, где из-под земли били три источника, в четвёртое воскресенье по Пасхе на перенесение мощей мученика, молились, пели акафист, а затем дома устраивали поминальную трапезу. С 1989 г. ежегодно в четвёртое воскресенье по Пасхе совершается крестный ход протяжённостью около 5 км от Свято-Авраамиевского храма к святому месту со служением молебна и чтением акафиста³. В этот день отмечается престольный праздник. Осенью 1995 г. здесь были построены и освящены кирпичная часовня с колодцем. Позже, в 2007 г. по инициативе настоятеля вышеуказанной церкви провели капитальную реконструкцию святого источника. Сейчас это достопримечательное место пользуется большой популярностью не только у местных жителей, но и у приезжих из Казани, Ульяновска, Самары и других городов России. Получается, что в наши дни слава мученика Авраамия обрела новое дыхание...

Как заметил читатель, память святого в Болгаре увекове-

Илл. 84.
Часовня на месте
Авраамиевского
колодца близ
г. Болгар.
Спасский район
Республики
Татарстан.
29.08.2016 г.
Фото Е. А. Бурдина

¹ Журавский А. В., Романова А. А. Указ. соч. С. 173.

² За время советской власти в данной местности произошли значительные перемены. Около с. Болгары появился г. Куйбышев, перенесённый сюда из зоны затопления Куйбышевской ГЭС в 1954–1956 гг. В 1991 г. его переименовали в г. Болгар (Спасский район). Поэтому многие путают с. Болгары с г. Болгар и наоборот.

³ Святой колодец // URL: <https://www.bolgar-hram.info/svyatoy-kolodets> (дата обращения: 09.11.2016).

Вообще празднование памяти мученика Авраамия отмечается: 1) 1 апреля (14 апреля по нашему стилю) – в день смерти; 2) 9 марта – в день переноса мощей; 3) в четвёртую неделю по Пасхе («Неделю о расслабленном») – в день второго перенесения мощей в соборе Владимирских святых и соборе Казанских святых.

чена не только на месте источника-колодца, но и в названии местного православного храма – Свято-Авраамиевского. Показательно, что в нём хранится реликвия – фаланга пальца правой руки Авраамия. Поклониться частице мощей мученика и его иконе приезжает огромное количество паломников со всей России, которые молятся о покровительстве и успехе в предпринимательском деле.

Канонизация Авраамия сыграла важную роль в становлении и укреплении христианства и православной идентичности на территории Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии (ныне Центральная Россия и Среднее Поволжье). Он стал одним из самых ранних образцов святого мученичества за веру. Православное духовенство через пример Авраамия давало и даёт прихожанам ясный сигнал: делай, как он, терпи во имя веры, и обретешь вечное спасение!¹ Простые обыватели таким путём осознавали и осознают свою сопричастность к православному сообществу своего поселения, региона и в некоторых случаях – даже всей страны и мира. Православная идентичность – это особый вид идентичности, объединявшей людей по духовному (религиозному) принципу, а не по этническому, политическому или экономическому. К сожалению, иногда здесь проявлялась и обратная сторона такого единения, когда православные проявляли неуважение и даже нетерпимость к иноверцам. Но такие случаи не были правилом. Вообще деление общества на «своих» и «чужих» – это черта архаического общества, уходящая корнями в каменный век.

Идея духовного просвещения, в данном случае христианского, среди иноверцев имела давние исторические корни. Наибольшее распространение в Европе она получила в эпоху средневековья. А. Б. Малышев справедливо писал: «Миссионерская деятельность повсеместно была связана (или шла параллельно) с торговлей, приобщением к своей культуре и подчинением своему политическому влиянию ближних и дальних этносов. Широко была распространена практика использования духовенства в дипломатических связях между государствами или для прекращения феодальных междоусобиц. Часто церковно-религиозные отношения являлись индикатором этнических взаимодействий и геополитических стремлений отдельных государств»². Эти слова верны и в случае с Авраамием, и особенно с Феодором Болгарским.

Следующий зафиксированный в письменном источнике

¹ Здесь действовала формула «Через мучения и подражание, почитание подвига святого – к собственному спасению».

² Малышев А. Б. Указ. соч. С. 6.

межконфессиональный конфликт произошёл в 1323 г., когда Волжская Болгария уже входила в состав Золотой Орды. Сначала кратко опишу официальную трактовку тех событий¹. Богатый купец Феодор Болгарский (Иерусалимлянин) занимался торговлей в городах Поволжья. Будучи по коммерческим делам в Болгаре, 21 апреля 1323 г. вступил в спор о вере с приверженцами мусульманства, который закончился убийством проповедника. Вскоре после этого в память о Феодоре тверской игумен Иоанн Цареградец построил каменный храм. По одной из версий, купец жил в Твери и по своей инициативе начал сооружение церкви в честь своего святого. Затем, как и в случае с Авраамием Болгарским, началась история почитания мученика за православную веру (правда, более скромная)

Теперь прочитаем отрывок из Патриаршей (Никоновской) летописи – сборника, составленного в XVI в., примерно через 200 лет после произошедших событий, в авторском переводе: «В лето 6831 (1323 г. – Е.А.Б.) <...> Того же лета в Болгарах, которые на Волге и Каме, замучили некоего христианина Иерусалимлянина, пребывавшего (там. – Е.А.Б.) купца, имевшего

¹ Мученик Феодор Болгарский // URL: http://www.tatarstan-mitropolia.ru/all_publications/publication/?id=45701 (дата обращения: 10.11.2016).

² Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свяжск / авт.-сост.: А. Г. Ситди-ков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань, 2011. – С. 4–5.

Илл. 85. Общий вид центральной части Болгарского городища до реконструкции (2010 г.). Спасский район Республики Татарстан²

много богатства, изучившего много философии, именем Феодора; и спорил с ними о вере, они же безбожные не стерпели своего поругания, замучили его за православную веру христианскую, месяца апреля в 21 день. Того же лета построена была и освящена церковь каменная в Твери во имя святого Феодора, её же построил и украсил игумен некий, именем Иван Цареградец» (текст частично переведён на современный русский язык, а орфография нетронутого текста частично выправлена. – Е.А.Б.)¹.

Какую же объективную информацию можно извлечь из данного текста? В первой трети XIV в. жил богатый купец Феодор, в сферу торговых интересов которого входило и Поволжье. Прозвище Иерусалимлянин говорит о том, что он был родом скорее всего из г. Иерусалим². В Твери жил игумен Иван Цареградец, вероятно, хорошо знавший Феодора, иначе с чего бы ему строить каменный храм в честь убитого купца. Прозвище Ивана указывает на то, что он являлся выходцем из Царьграда – так русские называли столицу Византийской империи г. Константинополь (ныне Стамбул, Турция). Думаю, между этими людьми была какая-то связь. Да и по национальности они вряд ли являлись русскими. Здесь главное – их конфессиональная принадлежность. Возможно, у них были общие интересы в Царьграде или на территории Византийской империи и прилегающих к ней регионов. Феодор отличался не только богатством, но и широкими познаниями – недаром этот факт выделяется особо. Правда, средневековая европейская философия коренным образом отличалась от современной, так как её центральными проблемами были соотношение веры и разума, способы доказательства существования Бога и т. д.

Предположительно, весной 1323 г. Феодор приехал в г. Болгар – в этом (в отличие от случая с Авраамием) у меня нет никаких сомнений. Во-первых, город был действительно расположен недалеко от Волги и Камы. Во-вторых, в золотоордынское время Болгар являлся самым крупным городом и соответственно торговым центром данного региона. Биляр разрушили татарские завоеватели, и несмотря на все усилия жителей, его так и не удалось восстановить в былом масштабе. 21 апреля (по юлианскому календарю) Феодор начал религиоз-

¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью (продолжение) // Полное собрание русских летописей. Т. 10. – СПб., 1885. – С. 188–189.

Точный перевод осуществлён с помощью словаря русского языка XI–XVII вв. 28 выпусков. – М., 1975–2008.

² **Иерусалим** – город в современном Израиле (Ближний Восток). Основан в XIX–XVIII вв. до н.э., является священным для приверженцев христианства, иудаизма и мусульманства. В первую треть XIV в. не входил в состав Византийской империи.

ный спор с мусульманами, в котором, очевидно, одержал верх. Недаром купец отменно знал философию. За это его убили. Место захоронения осталось неизвестным. Но в летописи нет ни слова о том, что останки Феодора куда-то вывезли.

Удивительно, но факт – богатые купцы нерусского происхождения (Авраамий и Феодор), пребывая, вроде бы, по торговым делам в крупных городах Волжской Болгарии (правда, с разницей в 100 лет), вдруг начинают активно пропагандировать христианство и в результате погибают. Это как же надо было распалить религиозный фанатизм мусульман, чтобы довести их до самого тяжкого из грехов – убийства, хотя бы и неверных? В истории с Феодором Иерусалимлянином объяснение найти проще, если вспомнить, что в 1312–1313 гг. золотоордынский хан Узбек принял ислам. То есть, это было время гонений на христиан. А тут ещё иноземный купец устраивает агитацию за свою веру в столице Болгарского улуса! Думаю, в какой-то мере это объясняет жестокость произошедшего.

Меня удивляет и тот факт, что оба купца были убиты в апреле. Вопрос – что они делали в Болгаре во время, когда ещё иногда лежал снег и только заканчивался ледоход на Волге и Каме, ведь торговые пути в основном шли по ним? В апреле сухопутные дороги часто были непроезжими, т. к. начиналась распутица. Может быть, летописи скрывают политические миссии купцов (возможно, в данных случаях бизнес являлся просто прикрытием)? Не секрет, что в средневековье путешественники по разным странам торговцы часто занимались

Илл. 86. Макет центральной части Болгарского городища в XVIII–XIX вв. Экспозиция музея православия (БГИАМЗ). Спасский район Республики Татарстан. Фото Е. А. Бурдина

шпионажем. Хотя в случае Феодора его деятельность на самом деле заключалась в христианском миссионерстве, возможно, совмещавшемся с предпринимательством или осуществлявшемся под его прикрытием.

Интересную версию, почему Феодор начал проповедь в Болгаре именно 21 апреля, выдвинул Н. С. Борисов: «В этот день по церковному календарю празднуется память древнего христианского мученика Феодора, "иже в Пергии". Более того, память ещё двух мучеников с тем же именем празднуется накануне (Феодор Трихина, 20 апреля) и на следующий день (Феодор Сикеот, 22 апреля). Видимо, именно в день своих именин, подражая первым христианским мученикам, Феодор Иерусалимлянин решил публично исповедать свою веру перед иноверцами, за что и поплатился жизнью»¹. Данное мнение явно свидетельствует в пользу приоритета миссионерской деятельности купца и философа.

Упомянутый в летописи Иван Цареградец был настоятелем (игуменом) Фёдоровского монастыря, расположенного у стен Тверского кремля, а построенный под его руководством каменный храм во имя святого Феодора стал памятником всем христианам-мученикам, павшим от руки иноверцев². Показательно, что в XIV в. Тверское княжество поддерживало тесные культурные, религиозные и торговые отношения с Византийской империей. Например, сюда привозили иконы из Константинополя, а в Фёдоровском монастыре хранились написанные здесь на греческом языке рукописи³. Поэтому, вероятно, Иван Цареградец служил проводником философских и художественных идей Византии в Твери.

По сравнению с Авраамием Болгарским традиция почитания Феодора не получила широкого размаха. По крайней мере, мне не удалось проследить настолько протяжённой по времени канонизации, как в первом случае⁴. Тем не менее, Феодор известен как русский православный святой, мученик, память по которому совершается 21 апреля (по юлианскому календарю, по современному стилю 4 мая) в соборе Казанских святых. Напомню – тогда же поминается и Авраамий. Они оба – Казанские святые общероссийского почитания.

¹ Борисов Н. С. Иван Калита. – М., 2005. – С. 131.

² Там же. С. 131–132.

³ Евсеева Л. М., Кочетков И. А., Сергеев В. Н. Живопись Древней Твери // URL: http://www.orh.edu.ru/nbpi/nbpi/posobia/ikonograf/ziv_drev_tveri.htm (дата обращения: 12.11.2016).

⁴ Первым этапом канонизации Феодора можно считать возведённую в память о нём в 1323 г. церковь. Вторым – собственно причисление к лику святых (когда это произошло, выяснить не удалось – вероятно, в период с XVI по XVIII вв.).

Супердетективное продолжение история Феодора Иерусалимлянина получила почти через семь веков, в 2010 г., во время широкомасштабных археологических раскопок Болгарского городища на краю высокой надпойменной террасы (в районе современного музея болгарской цивилизации), рядом с берегом Куйбышевского водохранилища. В этот жаркий летний полевой сезон на северо-западной окраине усадебной застройки раннезолотоордынского времени, просуществовавшей до 1340-х гг., было выявлено небольшое кладбище¹. Оно появи-

Илл. 87. Могила христианского миссионера, раскопанная летом 2010 г. в центральной части Болгарского городища. Раскопки В. С. Баранова. Спасский район Республики Татарстан. Фото предоставлено И. Р. Газимзяновым (ИА АН РТ)

¹ Информация предоставлена старшим научным сотрудником музея археологии РТ, кандидатом исторических наук В. С. Барановым, который лично руководил археологическими раскопками данного участка. В описании квартала и кладбища я опираюсь именно на его сведения.

Таким образом, район зажиточной ремесленно-торговой усадебной застройки относился к первой половине XIV в. – времени расцвета Болгара. Она состояла из наземных срубных домов-жилищ с многочисленными прилегающими хозяйственными постройками, мастерскими и ямами для хранения зерна. Усадьбы были огорожены капитальными изгородями-чостоколами.

лось после гибели квартала, вероятно, в результате пожара, на месте засыпанных хозяйственных ям и котлованов жилых построек. Всего здесь было зафиксировано 11 захоронений (одно из них, возможно, более раннее и отдалённое, может считаться случайным). Остальные могилы располагались в пределах территории бывшей застройки.

Среди прочих резко выделялось необычное погребение № 11 – обезглавленный скелет мужчины в сидячем положении, спиной к западной стенке могильной ямы с лежащим между большими берцовыми костями черепом. Между нижней частью рук, у кистей находился бронзовый литой крест с гравировкой и вставками из зелёного и красного стекла (более полное описание см. в приложении 2). По наблюдению В. С. Баранова, топографического тяготения девяти могил к захоронению с крестом не было¹. Четыре из них (две взрослых и две детских) располагались компактно и, возможно, принадлежали одной семье. Интересно, что часть погребений сделали на месте хозяйственных ям, поэтому костяки просели вместе с грунтом и деформировались. То есть кладбище возникло на пустоши сразу после рекультивации² места застройки. В. С. Баранов считает, что кроме погребения № 11, все остальные захоронения – мусульманские³. В целом соответствовали кибле⁴ ориентировка костяков и расположение конечностей. Кроме того, на раскопе обнаружили фрагменты двух болгарских намогильных камней с орнаментом. Поэтому связь девяти расположенных рядом захоронений с погребением христианина пока не прослеживается.

Маленький некрополь действовал всего лишь около 20 лет. Не позднее конца 1350-х – начала 1360-х гг. этот участок перепланировали, и он, вероятно, вошёл в состав крупной усадьбы, существовавшей в пределах 1360–1380-х гг.⁵ Возможно, в этот

¹ Информация предоставлена старшим научным сотрудником музея археологии РТ, кандидатом исторических наук В. С. Барановым.

² **Рекультивация** – восстановление почвенного покрова (завоз почвы) или, по крайней мере, планировка поверхности рельефа, нарушенного технической деятельностью человека. В данном случае – засыпка сгоревшей части квартала усадебной застройки, в т. ч. котлованов жилищ и хозяйственных ям.

³ Там же.

⁴ **Кибла (кыбла)** – в исламе направление на Каабу в г. Мекка (город в Саудовской Аравии), т. е. на юг, соблюдаемое во время совершения молитвы и отправления ряда ритуалов. Кибла (ориентация) имеет важное значение при строительстве мечетей и других культовых сооружений во многих религиях, а также в повседневной жизни мусульман и служит символом их единства.

⁵ Ситдигов А. Г., Сивицкий М. В. Раскопы CLXXXIII, CLXXXV, CLXXXVII, CLXXXVIII // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свяжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдигов, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань, 2014. – С. 13–14.

период был проведён обряд обезвреживания некоторых погребений кладбища.

По мнению В. С. Баранова, расположение христианского захоронения могли визуально привязать к могильнику Бабий бугор, который находился на соседнем, расположенном к западу от места похорон мысу коренной террасы¹. В 1970-е гг. Е. А. Халикова высказала гипотезу о принадлежности данного некрополя аланам, выходцам с Северного Кавказа или Подонья, которые могли быть носителями христианского вероисповедания². Дело в том, что эта группа долго сохраняла свои особенности и мало смешивалась с местными жителями. А её относительную замкнутость археолог объясняла иной религией. Многие захоронения на Бабьем бугре были близки синхронным христианским погребениям на Северном Кавказе, иногда совершавшимся в каменных ящиках. Умерших хоронили в гробах, головой на запад, с руками, часто сложенными на груди и животе, в одежде и обуви, обычно без сопровождающего инвентаря, что характерно для христианских могил средневековья³. Показательно, что мнение А. Х. Халиковой о небулгарской этнической принадлежности большинства погребений некрополя Бабий бугор подтвердили антропологические исследования других учёных: «Краниологическая серия из этого могильника резко отличается от типичных поволжских и по комплексу признаков, как это убедительно показано С. Г. Ефимовой, сближается с материалами Северного Кавказа эпохи средневековья»⁴.

В. С. Баранов считает, что визуально со стороны Бабьего бугра раскопанная под его руководством христианская могила хорошо просматривалась, и это обстоятельство могло также иметь значение при выборе места погребения⁵. Немалые сложности возникли с датировкой захоронения, так как учёным пришлось определять её с учётом письменного сообщения о Феодоре Иерусалимляине. Приведу логическую цепочку рассуждений археолога: «Относилось ли данное погребение летописному Феодору? Трудно сказать. Датировка объекта проведена по стратиграфическим характеристикам культур-

¹ Информация предоставлена старшим научным сотрудником музея археологии РТ, кандидатом исторических наук В. С. Барановым.

² Халикова Е. А. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 210–211.

³ Там же.

⁴ Яблонский Л. Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 140.

⁵ Информация предоставлена старшим научным сотрудником музея археологии РТ, кандидатом исторических наук В. С. Барановым.

ных отложений. Раннезолотоордынский горизонт (IV ранний) датируется серединой XIII – первыми десятилетиями XIV вв. Таким образом, время совершения погребения попадает в этот хронологический диапазон. Однако 1323 г. – это ещё период функционирования расположенного здесь усадебного комплекса.

Учитывая отсутствие связи между погребением с крестом и другими захоронениями некрополя, вполне можно предположить, что данное погребение могло быть сделано между 1240-ми и 1340-ми гг., т. е. до появления некрополя. В свете данных о гонениях на христиан во времена хана Узбека и сведений о насильственной смерти погребённого, можно сузить эту дату до периода 1312–1340 гг. Рядом с могилой расположены круглые в плане ямы-хранилища, предназначенные для хранения припасов. Напрашивается мысль о тайном характере захоронения, что могло стать возможным в том случае, если усадьба принадлежала приверженцам христианской религии (*или сочувствующим ей.* – Е.А.Б.). Может быть, тело им было выдано для захоронения вполне официально, на что указывает сложность выбранного для захоронения обряда, требующего специальной подготовки. Впрочем, здесь мы вступаем уже в область предположений¹. Получается, что при известном допущении погребение могли совершить примерно в указанное источником время.

С уникальной могилой связано несколько интересных и важных деталей. Человека похоронили согласно специальному обряду для высших служителей христианской Церкви². В соответствии со средневековыми традициями сидячее положение умершего символизировало пастыря, сидящего на престоле и ждущего Страшного суда, чтобы во время него определять праведников и грешников³. В Дунайской Болгарии было обнаружено несколько аналогичных погребений. Данный ритуал может свидетельствовать о том, что священнослужителя похоронили представители христианской общины Болгара.

¹ Информация предоставлена старшим научным сотрудником музея археологии РТ, кандидатом исторических наук В. С. Барановым.

² Материалы на соискание республиканской премии «Врач года» в номинации «Уникальный случай». – Казань, 2014. – С. 2.

³ Сидячие захоронения встречаются и в скандинавской традиции, что нашло отражение в северорусской традиции с конца X в. (Александров А. А. К вопросу о семантике и генезисе «сидячих» погребений (по материалам скандинавских саг и письменных источников) // Древнерусский некрополь Пскова X – начало XI века. В 2 т. Т. II. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2000–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). – СПб., 2016. – С. 513–517). В данном случае христианская идентификация несомненна (прим. науч. ред.).

Как я уже писал, в руки умершего был вложен большой бронзовый крест. Этот замечательный христианский артефакт заслуживает того, чтобы рассказать о нём подробнее¹. Очевидно, он служил навершием посоха, который имел большое значение в мемориальном искусстве и погребальном обряде средневековой Европы. Как правило, посох клали в могилу церковного иерарха. Отсутствие фрагмента верхней части креста может свидетельствовать о его долгом использовании. После детального изучения данной находки стало ясно, что это редкий образец так называемого процессионного (богослужебного) креста, предназначенного для торжественных шествий и церемоний. Вероятно, крест имел византийское происхождение, а примерное время его изготовления – XIII–XIV вв.

Показательно, что посох (жезл) с глубокой древности был символом власти и оружием успокоения строптивых. В славянской мифологии он обладал магическими свойствами и являлся одним из основных атрибутов участников многих обрядов, в т.ч. ритуальных обходов².

В христианстве посох – обычный символ всех «Добрых Пастырей», изображавшихся в виде пастухов. С ними ходили все ветхозаветные старцы и паломники. Христианские посохи были атрибутами власти и мудрости. Они делились на богослужебные – и в этом случае увенчивались крестом, и небогослужебные – они выглядели проще и применялись в повседневной жизни. На торжественных церемониях богослужебный посох несли перед человеком, занимавшим видный пост, либо его держал в левой руке высший церковнослужитель, например, епископ или настоятель монастыря.

Коллектив в составе заведующего лабораторией биоархеологии Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ Газимзянова И. Р., заведующего медико-криминалистическим отделением Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы (РТ) Жолобова А. И. и врача судебно-медицинского эксперта Альметьевского судебно-медицинского отделения (РТ) Рахматуллина Н. Р. произвёл расовую и судебно-медицинскую идентификацию обнаруженного скелета христианского иерарха, а также графическую и пластическую реконструкцию его внешнего облика по черепу (см. приложение 3).

¹ Информация предоставлена заместителем директора БГИАМЗ по науке А. Н. Фасхутдиновым и главным хранителем БГИАМЗ Е. А. Фёдоровой.

² См. более подробно: Плотнова А. А. Посох // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 380–381.

Илл. 88. Современный вид места, на котором летом 2010 г. была обнаружена могила христианского миссионера (между зданием музея болгарской цивилизации БГИАМЗ и частичной реконструкцией усадебной застройки 1-й пол. XIV в.). Спасский район Республики Татарстан. 28.08.2016 г. Фото Е. А. Бурдина

В результате проведённых детальных исследований выяснилось, что костяк принадлежал мужчине зрелого возраста (35–45 лет¹), рост которого колебался в пределах 158–163 см. Антропологический тип умершего – европеоидный с чертами средиземноморского типа (узкое невысокое лицо с резко выступающим носом). Сравнительный краниологический анализ черепа с различными этнокультурными группами показал его наибольшую близость к южно-европеоидным популяциям. Это могли быть армяне, жители средневекового Херсонеса и т. д. Возможно, что погребённый являлся представителем одной из христианских общин Болгара.

Также было установлено прижизненное заболевание миссионера – болезнь Бехтерева², которое, кроме вынужденного положения головы (поза просителя) и изменения осанки

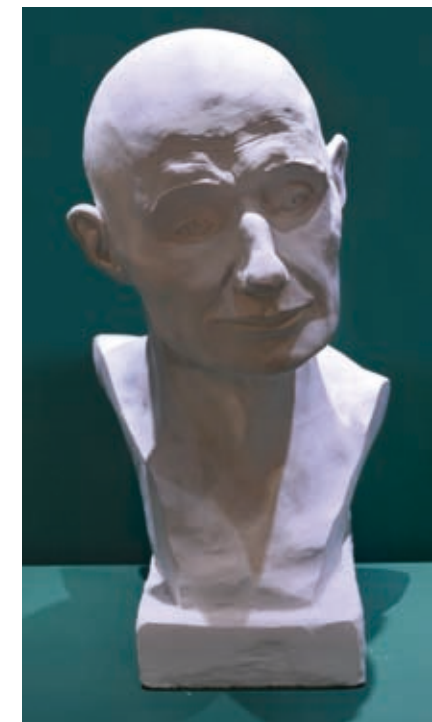
¹ Костный возраст может не совпадать с биологическим и паспортным.

² Анкилозирующий спондилоартрит (болезнь Штрюмпеля – Мари – Бехтерева) – хроническое воспалительное анкилозирующее заболевание суставов осевого скелета (межпозвоночных, реберно-позвоночных, крестцово-подвздошных), сопровождающееся сильными болями.

затрудняет физическую активность, часто приводит к изменению психики. Последнее выражается в пониженном настроении, повышенной раздражительности и т. д. Судя по полному поперечному перелому левого большого рожа подъязычной кости сгибательного характера, наиболее вероятная причина смерти священнослужителя – сдавление петлёй. Не до конца решённым является вопрос о том, каким образом голову отделили от тела. По одной версии, она была отчленена после смерти. По другой, отсутствующий третий шейный позвонок, который располагается у основания черепа, археологи просто не нашли или же он разрушился от времени. Если первая версия верна, то посмертное отделение головы можно объяснить действиями во время обряда обезвреживания. Но в таком случае возникает противоречие – если его похоронили христиане по специальному обряду, в соответствии с высоким положением в церковной иерархии, то зачем потребовалось обезвреживание покойника? Это было бы логично для мусульман, но тогда почему миссионера после обезглавливания просто не кинули в яму? Или покойника обезвредили потом, раскопав могилу? История часто задаёт нам больше вопросов, чем даёт ответов.

В бюро судебно-медицинской экспертизы выполнили прогнозирование признаков внешности, графическую и пластическую реконструкцию примерного внешнего облика погребённого. В качестве его особой приметы выделен крупный нос с искривлением влево. Теперь облик этого человека можно увидеть в музее болгарской цивилизации (БГИАМЗ).

Для меня уникальность сделанных выводов заключается прежде всего в том, что здесь новые археологические источники и современные методы исследования полностью подтверждают письменный документ. И даже более того – значительно дополняют его. Случается такое очень редко. Конечно, гарантировать стопроцентную достоверность нельзя даже в данном случае, но всё же её степень чрезвычайно высока. Слишком много совпадений. Совпадают время (первая половина XIV в.), место (г. Болгар), конфессиональная и этническая принадлежности, высокая образованность похороненно-

Илл. 89. Реконструкция по черепу христианского миссионера (предположительно, Феодора Болгарского). Автор Н. Р. Рахматуллин. 2011 г. Гипс. Экспозиция музея болгарской цивилизации (БГИАМЗ). Спасский район Республики Татарстан. Фото Н. А. Горбунова

Илл. 90. Крест, обнаруженный в могиле христианского миссионера. XIII–XIV вв. Стекло, бронза, гравировка, литье. Экспозиция музея болгарской цивилизации (БГИАМЗ). Спасский район Республики Татарстан. Фото Е. А. Бурдина

го человека и т. д. К тому же, в летописи ничего не сообщалось о перенесении останков Феодора, как это было с Авраамием.

Нельзя не сказать вот о чём. По летописному своду, Феодор был купцом, философом и фактически миссионером, а по археологическим данным – священнослужителем высокого ранга. На первый взгляд, слишком много занятий для одного человека. Думаю, эта проблема решается таким образом. Статусы христианского философа (богослова)-миссионера и церковного иерарха не противоречат, а наоборот, дополняют друг друга. Что касается купеческого положения, то в истории есть множество примеров сочетания духовной и торговой деятельности служителей разных мировых религий.

Выводы специалистов представляют огромный научный интерес, так как во многом подтверждаются сведениями из летописи. Особенно в главном – это был авторитетный

христианин-философ, погибший насильственной смертью в преимущественно мусульманском городе. К тому же, он являлся представителем европеоидного с чертами средиземноморского физического типа, близкого к южным народам (вспомним прозвище Феодора – Иерусалимлянин) и Византийской империи. Сначала человека задушили, а потом ему, возможно, отчленили (не отрубили!) голову – это тоже не противоречит письменному источнику, где говорилось о том, что его замучили. Поэтому я убеждён – найденные в могиле останки человека принадлежали Феодору Болгарскому. Несмотря на межрелигиозный конфликт и убийство, его почему-то похоронили на кладбище, пусть и мусульманском, – значит, даже после смерти уважали.

И, возможно, боялись. Если голова всё же была отчленена, то по отношению к мёртвому священнослужителю был применён древний и редкий обряд обезвреживания, имевший языческие корни и применявшийся только в особых случаях практически во всех странах мира¹. Как показали исследова-

¹ Обряд обезвреживания покойника в археологическом выражении обычно предполагает не отсечение головы умершего, а действия иного порядка, чаще всего полное разрушение костяка, спустя какое-то время после захоронения и вскрытия могилы, а также её вторичного засыпания. Судя по приведённым данным, в случае захоронения в Болгарах такого не наблюдается. Поэтому интерпретация отсечения головы как результата обряда обезвреживания сомнительна (прим. науч. ред).

ния археологов, подобная традиция возникает в той или иной этнической общности на определённой стадии социально-экономического развития и религиозного сознания, в основе которого лежало вполне реальное представление о загробном мире и в то же время страх перед смертью¹. В результате среди людей часто бывало мнение о потенциальной опасности умерших. Поэтому, предположительно, после смерти, Феодора на всякий случай ещё и обезглавили – лишили его самой опасной части тела, при помощи которой он одерживал победы в философских спорах. Даже в случае воскрешения без головы священнослужитель уже не мог принести никакого вреда для иноверцев. Крайне любопытна другая параллель – отчленение головы с той же целью применяли носители салтово-маяцкой культуры в VIII–X вв. А ведь известно, что значительная часть из них являлась тюркоязычными болгарскими, многие из которых мигрировали в Среднее Поволжье. Интересно, что ближайшие к могиле миссионера захоронения со следами обряда обезвреживания раскопаны в преимущественно мусульманском Усть-Иерусалимском некрополе XII–XIV вв., расположенном совсем недалеко, в восточной части Болгарского городища².

Вне территории Болгарского улуса в XIII–XVI вв. были и другие христианские святые, связанные с Золотой Ордой и Казанским ханством. Так, в 1253 г. племянник хана Берке крестился в Ростове (ныне районный центр Ярославской области) и принял имя Петр³. Кроме того, позже он построил там церковь святых апостолов Петра и Павла, или Петровский монастырь. Повесть, в которой отражаются деяния Петра на фоне исторической эпохи, была написана в Ростовской земле в XV в. и содержала легендарный сюжет. В летописях нет ни слова об этих событиях, связанных с Петром, поэтому достоверность этой истории крайне низка.

Святые мученики Пётр и Стефан жили в XVI в. и оба были

¹ См., например: Флёров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребённых // Труды Клин-Ярской экспедиции. – М., 2000. – С. 7.

² Существование этого обряда в позднесредневековое время, в XIII–XIV вв., требует дополнительной аргументации, поскольку его легко спутать хотя бы с повреждением захоронений и их «раскопками» в XVIII–XIX вв. крестьянами (прим. науч. ред).

³ Повесть о Петре, царевице Ордынском // URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5082> (дата обращения: 14.11.2016).

Илл. 91. Реконструкция внешнего облика жителя Болгара. Болгарин (болгарин). XIV в. Автор М. М. Герасимов. 1949 г. Гипс. Экспозиция НМ РТ. Фото Е. А. Бурдина

казанскими татарами¹. Первый после покорения Казани тайно оставил родительский дом и поселился у русских бояр, живших при дворе хана Шаха-Али. Вскоре он крестился. После бегства Шаха-Али в Свияжск Петра арестовали и отправили к родителям. Соотечественники старались убедить его вновь принять мусульманство, но он остался верен православию и был забит до смерти. Второй уверовал в Христа и в результате избавился от болезни ног. В 1552 г. Стефан крестился в Свияжске, но после возвращения домой и долгих уговоров отказаться от принятой веры был убит соплеменниками. Третий святой мученик, Иоанн Казанский, родился в Нижнем Новгороде и жил в конце XV – первой трети XVI вв. В 1505 г. во время набега татар его пленили и увели в Казань. Хозяин Алей-Шпур захотел обратить Иоанна в мусульманство, но тот проявил твёрдость и не стал делать этого. В итоге ему нанесли смертельные раны. Конечно, кратко рассказанные истории носят легендарный характер и требуют тщательной проверки степени их достоверности.

¹ Жития святых мучеников Казанских Иоанна, Стефана и Петра // URL: <http://www.blagsobor.ru/ros/zhitiya-svyatyh-muchenikov-kazanskih-ioanna-stefana-i-petra1> (дата обращения: 14.11.2016).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, христианские традиции в эпоху средневековья на территории Среднего Поволжья, как и во многих других регионах России и мира, значительно отличались от современных. Поэтому нельзя изучать степень их распространённости только с помощью нынешних канонів данной мировой религии. Образно говоря, это была «средневековая» матрица христианства. Исходя из этой аксиомы, я выделил пять групп вещественных (материальных) маркеров, которые отражают специфику указанной матрицы и реально помогают проследить её проявления. К ним относятся: 1) предметы личного благочестия (нательные и нагрудные кресты, иконки и т. д.); 2) богослужебные предметы (церковного благочестия); 3) остатки культовых зданий (храмов, монастырей и пр.); 4) артефакты с христианской символикой (украшения, печати, монеты и т. д.); 5) отдельные захоронения и кладбища с соответствующим обрядом погребения (христианские похоронные каноны были неустойчивыми), а также каменные надгробия.

Перечисленные маркеры наглядно демонстрируют специфику христианской матрицы. Например, первые нательные кресты, судя по имеющимся археологическим материалам, появились в Волго-Камье только в XI в. С трудом определяется по данным археологии христианский погребальный обряд, особенно в IX–XI вв. Причиной этого были многочисленные отклонения, связанные с проявлениями двоеверия, а также отсутствие традиции хоронить с нательным крестом (как и традиции его обязательного ношения). До XI в. подавляющая часть всех захоронений в регионе совершалась по языческим обычаям, а до X в. – только по ним.

Следует отметить, что своеобразие христианской матрицы Среднего Поволжья в известной степени определяли этнокультурный и природный факторы. Этническая неоднородность и мозаичность способствовали мирному сосуществованию представителей разных религиозных систем – мусульман, христиан и язычников. Отражением данной картины стали такие устойчивые черты культуры, как сочетание различных воззрений и наличие множества элементов. Лесостепная природная зона и входившая в неё Волжско-Камская пойма привлекали различные группы финноязычных, тюркоязычных, славяноязычных

и других осёдлых и кочевых этносов, для каждого из которых находилась своя экологическая ниша. В этом этнокультурном и конфессиональном котле шёл процесс активного взаимодействия и смешения разных культур и религий, отличавшийся многогранностью и сложностью. Значительная роль в нём принадлежала рекам Волга и Кама. Показательно, что такая ситуация в той или иной степени была характерна для всего периода VII–XV вв.

Самый ранний артефакт с предположительно христианской символикой нашли в одном из погребений Коминтерновского II могильника второй половины VI в. в Спасском районе Республики Татарстан – это кубок из голубоватого стекла. Однако аргументов, которые бы говорили о принадлежности похороненной здесь женщины к данной вере, нет. Поэтому отсчёт истории христианства с гораздо большими основаниями можно вести с середины – второй половины VII в. К этому времени относятся кресты на византийской монете и вставке из горного хрусталя на пряжке, обнаруженных в Шиловском курганном могильнике в Сенгилеевском районе Ульяновской области. Вероятно, там были похоронены представители высшей хазарской тюркоязычной знати, как минимум, знакомые с христианством и его символами.

Исходя из предложенной классификации вещественных маркеров, наиболее логичным оказалось выделение двух хронологических этапов, отличающихся по объёму наполнения и качественным параметрам – VII–X вв. и XI–XV вв. Фактически первый отражает зарождение христианства в Среднем Поволжье, а второй – его становление и укрепление.

Этап VII–X вв. представлен артефактами четвёртой группы (предметы с христианской символикой), которые были найдены в четырёх населённых пунктах и археологических памятниках. Три расположены на территории современной Ульяновской области (75 %), один – в Республике Татарстан (25 %). Но указанная группа маркеров является косвенной, так как по ним чаще всего невозможно установить конфессиональную принадлежность их владельцев. Поэтому в данном случае можно говорить лишь о вероятном проникновении христианских традиций в Среднее Поволжье или о пассивном характере всего этапа в целом.

Ситуация коренным образом изменилась в XI–XV вв., когда процесс проникновения христианских традиций приобрёл активный характер. На протяжении данного этапа наблюдалось почти постоянное географическое распространение реального

христианства, особенно в XIII–XIV вв. Его носители проживали как в крупных городских центрах, так и поселениях на периферии. Предметы из всех пяти групп отмечены в 33 населённых пунктах и археологических памятниках изучаемого региона. Из них четыре (12,1 %) находятся в Самарской области, три (9,1 %) – в Ульяновской области, а подавляющая часть – 26 (78,8 %) – в Республике Татарстан. Показательно, что 22 (84,6 %) из числа расположенных в РТ населённых пунктов и археологических памятников зафиксированы в прибрежных зонах Волги и Камы (ныне Куйбышевского водохранилища). Среди них выделяется Болгарское городище и его ближайшая округа в Спасском районе Республики Татарстан, на территории которых отмечены все пять групп материальных маркеров. Кроме того, большой интерес представляет Малорязанское II селище в Самарской области, представленное четырьмя группами (одна выделена пока гипотетически).

Последние указанные объекты имеют большие перспективы в плане дальнейших археологических исследований. Их итогом может стать, например, хотя бы частичная музеефикация христианского храма и Армянской колонии, примыкающих к Болгарскому городищу, а также открытие местоположения монастыря или храма на территории Малорязанского II селища. Первые серьёзные шаги в направлении популяризации христианского культурного наследия уже сделаны: на базе Успенской церкви в центральной части БГИАМЗ недавно открыли музей православия, на острове-граде Свияжск заканчиваются работы по реставрации и музеефикации различных памятников, а в музее-заповеднике «Казанский кремль» создали музей Благовещенского собора. Кроме того, с 2014 г. по инициативе настоятеля Свято-Авраамиевского храма в Болгаре ежегодно проводится православный всероссийский Авраамиевский фестиваль. Здесь же осуществляется проект создания музея истории христианства на Средней Волге.

Закономерно, что титульными этническими группами, которые были носителями христианства в XI–XV вв., являлись русские (славяне) и армяне. Присутствие первых в регионе археологически зафиксировано с последней четверти X–XI вв., а вторых – с XIII в. Русские заселяли прежде всего земли вдоль Волги и Камы. Обычно это были выходцы из Верхнего Поволжья и Владимиро-Суздальского княжества. Комплексы славянских находок и отдельные вещи найдены на большинстве поселений Волжской Болгарии и Золотой Орды. Правда, в некоторых случаях они являлись свидетельством торго-

вых отношений с Русью, а в других говорили о проживании славянского населения. Численность русских была больше количества других носителей христианства. То же касается и масштабов расселения. Следы компактного расселения армян пока обнаружены только близ Болгарского городища, а позже в Казани (XV–XVI вв.). Также известны два местонахождения армянских надгробий в Республике Татарстан.

Самые крупные диаспоры русских и армян, видимо, находились в Болгаре в середине XIII–XIV в. Именно в это время существовали Армянская и Русская колонии, примыкавшие к столице Болгарского улуса соответственно с западной и северной окраин. Печально, что первая сейчас занята сооружениями местного хлебоприёмного предприятия, а вторая находилась в низменном заречном районе и ныне затоплена Куйбышевским водохранилищем. Однако, по археологическим данным, именно на территории Армянской колонии располагался пока единственный известный в рассматриваемом регионе средневековый христианский храм XIV – начала XV вв., причём каменный. Его ближайшие аналоги – церкви-усыпальницы XIV в. в Армении и Крыму. Скорее всего, храмы действовали и в других населённых пунктах Волжской Болгарии и Болгарского улуса, но пока их остатки не обнаружены. Можно предположить, что небольшие культовые здания строили из дерева, поэтому обнаружить их следы нелегко.

Видимо, в меньшей степени в качестве носителей христианства в Среднем Поволжье были представлены аланы (выходцы из Северного Кавказа, могильник Бабий бугор на Болгарском городище). Возможно, к ним же относилась какая-то часть болгар и некоторые кочевники эпохи Золотой Орды.

Очевидно, что основным направлением здесь было христианство византийского толка, т.е. православие. Русские и аланы исповедовали именно его, а армяне принадлежали к Древневосточной церкви. Неизвестно, насколько в регион проникло католичество (католическое епископство действовало в Сарае с 1315 г.). Вообще Болгарский улус являлся частью Сарайской православной епископии, организованной в 1261 г.

Важным инструментом пропаганды христианской веры были миссионеры. Русские летописные своды содержат сообщения о трёх таких фактах. Первый полуполюгендарный случай христианского миссионерства в Волжской Болгарии датируется 990 г., когда киевский князь Владимир посылал сюда философа Марка Македонянина.

Особо следует подчеркнуть редкость межконфессиональ-

ных конфликтов на изучаемой территории – в отличие от средневековой европейской практики. Веротерпимость здесь была обусловлена в первую очередь многонациональностью общества, точнее, необходимостью поддержания его стабильности.

Второй случай миссионерства произошёл в 1229 г. в Великом городе (Биляре), когда купец Авраамий отказался отречься от христианской веры и был убит болгарами. Третий эпизод состоялся в Болгаре в 1323 г. Купец и философ Феодор Иерусалимлянин погиб там в результате религиозного конфликта. В 2010 г. во время раскопок Болгарского городища была обнаружена могила церковного иерарха с церемониальным крестом. Проведённые археологические, исторические и судебно-медицинские исследования убедительно доказали высокий статус погребённого, выявили его антропологический тип, близкий к южно-европеоидному (армяне, жители средневекового Херсонеса и т. п.) и многие другие интересные подробности. С большой степенью достоверности можно утверждать, что похороненный – именно Феодор Иерусалимлянин (Болгарский, или Камский).

Несмотря на некоторые сомнения в достоверности письменных источников и неувязки в описании указанных событий, необходимо отметить большой вклад христианских миссионеров в становление православной идентичности. При жизни они не всегда добивались больших успехов, но после смерти становились символами мучений за веру, стойкости духа и приверженности Христу. Авраамий и Феодор впоследствии были причислены к лику святых Русской православной церкви. Их канонизация сыграла важную роль в становлении и укреплении христианства и православной идентичности на территории Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии и Болгарского улуса Золотой Орды. Авраамий и Феодор стали одними из самых ранних образцов святого мученичества за веру.

Христианские традиции, заложенные в данную историческую эпоху, особенно в XI–XV вв., послужили устойчивым фундаментом их дальнейшего развития в Среднем Поволжье. Но об этом пойдёт речь в следующей книге, где будет показана история христианства в регионе в XVI–XX вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники:

1. Археологические артефакты

1.1. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник (БГИАПМЗ) (с. Билярск).

Археологический фонд.

Экспозиция историко-археологического музея.

1.2. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (БГИАМЗ) (г. Болгар).

Археологический фонд.

Этнографический фонд.

Экспозиции музеев болгарской цивилизации и православия.

1.3. Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)

Спасский клад 1869 г.

1.4. Музей археологии Республики Татарстан (г. Казань).

Археологический фонд.

1.5. Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ, г. Казань).

Археологический фонд.

Экспозиция музея.

1.6. Самарский областной историко-краеведческий музей (СОИКМ, г. Самара).

Археологическая коллекция.

2. Письменные документы

1. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – 348 с.

2. Лаврентьевская и Троицкая летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 1. – СПб.: Типогр. Э. Праца, 1846. – 270 с.

3. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 9. – СПб.: Типогр. Э. Праца, 1862. – 256 с.

4. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью (продолжение) // Полное собрание русских летописей. Т. 10. – СПб.: Типогр. МВД, 1885. – 244 с.

5. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 7. – СПб.: Типогр. Э. Праца, 1856. – 346 с.

6. Повесть о Петре, царевиче Ордынском [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5082>.

7. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. – СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1869. – 199 с.

3. Справочные материалы

1. Баешко Л. С., Гордиенко А. Н., Гордиенко А. Н. Энциклопедия символов. – М.: Эксмо, 2007. – 304 с.

2. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 723 с.

3. Материалы на соискание республиканской премии «Врач года» в номинации «Уникальный случай». – Казань: б.и., 2014. – 15 с.

4. Православная энциклопедия. Т. 1. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. – 752 с.

5. Православная энциклопедия. Т. 30. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2012. – 754 с.

6. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. – М.: Изд. дом Марджани, 2016. – 560 с.

7. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.

8. Словарь русского языка XI–XVII вв. 28 выпусков. – М.: Наука, 1975–2008.

9. Энциклопедия символов / сост. Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко, А. Н. Гордиенко; под ред. О. В. Перзашкевича. – М.: Эксмо, 2007. – 304 с.

II. Литература

1. Монографии

1. Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 6–154.

2. Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдинов, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань: б.и., 2011. – 35 с.

3. Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдииков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань: б.и., 2013. – 29 с.
4. Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдииков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань: б.и., 2014. – 30 с.
5. Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдииков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань: б.и., 2015. – 37 с.
6. Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдииков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 36 с.
7. Аюпов Н. Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение. – Алматы: Изд-во «КИЕ», 2012. – 256 с.
8. Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара: б.и., 1998. – 286 с.
9. Борисов Н. С. Иван Калита. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 302 с.
10. Бурдин Е. А. Затопленные святыни Симбирского – Ульяновского края. – Ульяновск: НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н. М. Карамзина, 2017. – 191 с.
11. Вязов Л. А., Семькин Ю. А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. – Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н. М. Карамзина, 2016. – 227 с.
12. Голубева Л. А. Зооморфные изображения финно-угров // Свод археологических источников. Вып. Е1-59. – М.: Наука, 1979. – 112 с.
13. Гумилёв Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. – СПб.: Юна, 1992. – 272 с.
14. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеодиздат, 1990. – 528 с.
15. Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура: домонгольский период, X – нач. XIII в. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 190 с.
16. Давлетшин Г. М. Духовная культура населения города Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М.: Наука, 2008. – С. 198–267.
17. Древнерусский некрополь Пскова X – начало XI века. В 2 т. Т. II. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). – СПб.: Нестор-История, 2016. – 624 с.
18. Иванов А. Увидеть русский бунт. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2012. – 320 с.
19. Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999. – 123 с.
20. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – 530 с.
21. История татар с древнейших времён в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Изд-во «Рухият», 2002. – 552 с.
22. История татар с древнейших времён в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. – 960 с.
23. История татар с древнейших времён в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: б.и., 2009. – 1056 с.
24. Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – 208 с.
25. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
26. Кузнецов В. А. Рыбы Волжско-Камского края. – Казань: Изд-во «Kazan-Kazan», 2005. – 208 с.
27. Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учебное пособие для педагогических вузов и педагогических училищ. – Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2001. – 140 с.
28. Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именковская культура. – Самара: Самарский университет, 2004. – 165 с.
29. Материалы и исследования по археологии СССР. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 2 / Академия наук СССР, Ин-т истории материальной культуры; отв. ред. А. П. Смирнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 460 с.
30. Материалы и исследования по археологии. № 80. Труды Куйбышевской археологической экспедиции / Академия наук СССР, Ин-т истории материальной культуры; отв. ред. А. П. Смирнов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 251 с.
31. Мухаметшин Д. Г. Хакимянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. – 128 с.
32. Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М.: Синодальная типография, 1871. – 112 с.
33. Никитина Г. Ф. Черняховская культура Поднепровья (по результатам анализа археологических источников). – М.: Таус, 2008. – 447 с.
34. Патрушев В. С. Финно-угры России. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. – 216 с.
35. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. – М.: Астрель, 2005. – 463 с.
36. Плетнёва С. А. Хазары. – М.: Наука, 1986. – 88 с.
37. Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – 123 с.
38. Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. – Казань: Заман, 2014. – 528 с.
39. Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII века: по-

селения и материальная культура. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 244 с.

40. Руденко К. А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. – Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. – 400 с.

41. Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). – Казань: РИЦ «Школа», 2014. – 768 с.

42. Руденко К. А. Тетюшское II городище в Татарстане. – Казань: Изд-во «Заман», 2010. – 152 с.

43. Русанова И. П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. – М.: Изд-во «Ладога-100», 2007. – 304 с.

44. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М.: Академический проект, 2013. – 806 с.

45. Свиньин П. П. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П. П. Свиньины. Ч. 1. – СПб.: Типогр. Н. Греча, 1839. – 396 с.

46. Ситдинов А. Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань: б.и., 2006. – 288 с.

47. Смирнов А. П. Древняя и средняя история Ульяновского края в свете новых археологических исследований. – Ульяновск: б.и., 1955. – 28 с.

48. Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьёв Н. М. Тысячелетие креста. – М.: б.и., 2003. – 255 с.

49. Старостин П. Н. Именьковская культура // Очерки по истории Татарстана. – Казань: Изд-во «Школа», 2001. – С. 100–115.

50. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. – М.: Индрик, 2003. – 624 с.

51. Флёров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребённых // Труды Клин-Ярской экспедиции. – М.: Полимеда, 2000. – 164 с.

52. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 160 с.

53. Хлебникова Т. А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 32–88.

54. Яблонский Л. Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 124–142.

2. Статьи

1. Аверьянов К. А. Демография и археология // Историческая демография: сб. науч. статей. – М.-Сыктывкар: ИЯЛИ, 2007. – С. 5–9.

2. Багаутдинов Р. С. Христианство, ислам и ранние болгары // Проблемы на прабългарската история и култура. Вып. 4–1. Сборник в памет на Дм. Ил. Димитров. – София, 2007. – С. 213–220.

3. Беговатов Е. А., Казаков Е. П., Мухаметшин Д. Г., Сингатулина А. З. Нумизматические комплексы X века с Семёновского острова (Республика Татарстан) // Поволжская археология. – 2013. – № 4. – С. 47–63.

4. Безруков А. В. Импортные римские и византийские серебряные изделия на территории Волго-Камья (по материалам археологических комплексов I в. до н.э. – V–VII вв. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3. – С. 253–263.

5. Белецкий С. В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет / Д. С. Лихачёв, О. В. Творогов (перев.), А. Г. Бобров, Л. С. Николаев, А. Ю. Чернов (коммент.). – СПб.: Вита Нова, 2012. – С. 431–463.

6. Белова О. В. Крест // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 259–261.

7. Богачёв А. В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тысячелетия н.э. // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. – Самара: б.и., 1998. – С. 152–155.

8. Бурдин Е. А. «Благовестую земле радость велию, хвалите небеса божию славу» (Николаевский храм с. Старая Грязнуха) // Поволжский педагогический поиск. – 2015. – № 3. – С. 7–10.

9. Бурдин Е. А. Головкинское имение графов Орловых // Всеобщая история. – 2015. – № 1. – С. 3–13.

10. Бурдин Е. А. Исторические аспекты и динамика развития российской гидроэнергетики в 1900–1980-х гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – Т. 7. – № 2. – С. 301–311.

11. Бурдин Е. А. Кунеевский ИТЛ: проблема использования принудительного труда на строительстве Куйбышевского гидроузла. 1949–1958 гг. // Вестник архивиста. – 2011. – № 4. – С. 167–181.

12. Бурдин Е. А., Рыбакова А. В. Знаменская церковь села Волостниковка // Вестник УлГТУ. – 2015. – № 3. – С. 7–9.

13. Бурдин Е. А., Рыбакова А. В. Село-кремль // Всеобщая история. – 2015. – № 2. – С. 11–21.

14. Валиуллина С. А., Худяков А. В. Редкие находки с Торецкого поселения // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей. – Казань: Изд-во «Фэн», 2009. – С. 353–356.

15. Васильев Д. В. Новые сведения о христианстве в дельте Волги в предмонгольское время // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – Т. 158. – Кн. 3. – С. 666–672.

16. Васильев Д. В. Христианские захоронения золотоордынского времени на Нижней Волге // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3. – С. 264–274.

17. Вязов Л. А., Петрова Д. А. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины

I тысячелетия н.э.: материалы к V международной археологической конференции. – Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2013. – С. 15–20.

18. Газимзянов И. . Ещё раз о могильнике «Бабий бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. – С. 132–137.

19. Газимзянов И. Р. Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. – 2015. – № 3. – С. 112–124.

20. Голдина Р. Д. Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II-й Международный Мадыарский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 89–110.

21. Гончаров Е. Ю., Тростьянский О. В. Монетный комплекс XV в. из села Рождествено // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. – М.: Изд-во ГИМ, 2004. – С. 94–95.

22. Губайдуллин А. М., Хузин Ф. Ш., Шакиров З. Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. – 2016. – № 1. – С. 223–234.

23. Гузенко И. В. Лексико-семантическая парадигматика христианских слов-символов в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2. – С. 59–63.

24. Измайлов И. Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. – 2016. – № 2. – С. 68–88.

25. Казаков Е. П. Два стеклянных кубка VI в. н.э. из некрополей Урало-Поволжья // Russian History. Vol. 32. No. 3/4 (Fall Winter 2005). Pp. 355–369.

26. Казаков Е. П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Тюркская археология. – 1999. – № 1–2. – С. 23–38.

27. Казаков Е. П. Падение Хазарии и его отражение в археологических материалах Волжской Болгарии // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – Вып. 1. – С. 79–83.

28. Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: КФАН СССР, 1971. – С. 94–155.

29. Клёнов М. В. Предметы личного благочестия XII–XVII вв. (к вопросу о становлении православия на Европейском северо-востоке) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2015. – № 1. – С. 7–18.

30. Ковалевский А. П. О степени достоверности Ибн-Фадлана

// Исторические записки. Т. 35. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 265–293. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archeologia.ru/Library/Book/25dcebee00/Info>.

31. Колпакова Ю. В. Христианская традиция в Пскове по данным археологии (предметы личного благочестия) // Археологическое изучение земли Псковской. – 2002. – № 16. – С. 27–30.

32. Кочкина А. Ф. Малорязанское II селище – русский посёлок золотоордынского времени на Самарской Луке (предварительные результаты) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XVI в.). Материалы научно-практической конференции. – Самара: ООО «Офорт», 2012. – С. 107–128.

33. Кочкина А. Ф. Новые исследования на Малорязанском II селище // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. – Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2014. – С. 113–138.

34. Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Исследования Малорязанского II селища на Самарской Луке // Археологические открытия 2007 года / Ин-т археологии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 361–362.

35. Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Находки предметов религиозных культов на памятниках Самарской Луки // Краеведческие записки. Вып. XII. – Самара: б.и., 2005. – С. 107–116.

36. Кривошеева Т. Н. Маклашевская всадница как образец пластического искусства // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/maklashevskaya-vsadnitsa-kak-obrazets-plasticheskogo-iskusstva>.

37. Лебедев В. П., Трушин И. Д., Кожевин А. Е. Монетный комплекс с Арбузовского селища Ульяновской области (X – начало XI вв.) // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. – Казань: Изд-во ООО «Фолиант», 2011. – С. 139–153.

38. Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Христианизация салтовского населения Восточного Крыма // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь: ООО «Прондо», 2016. – С. 261–265.

39. Макаров Л. Д. Адаптация православия в языческом мире Прикамья // Stratum plus: archaeology and cultural anthropology. – 2009. – № 5. – С. 414–419.

40. Макаров Л. Д. О реконструкции славяно-русских культовых сооружений бассейна р. Вятки // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3. – С. 246–248.

41. Мухамадеев А. Р. Где находился «Симов предел», и были ли среди волжских болгар христиане и иудеи? // Гасырлал авазы – Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 164–168.

42. Мухаметшин Д.Г. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском улусе конца XIV – начала XV в.

// Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. – Казань: Изд-во ООО «Фолиант», 2011. – С. 65–81.

43. Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Нижнего Поволжья и его округа // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / отв. ред. Ф. Ш. Хузин. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – С. 166–177.

44. Овчинников А. В. Особенности погребального обряда именьковских могильников Нижнего Прикамья // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции, 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://annales.info/life/konf36.htm#_Toc427873490.

45. Руденко К. А. Булгарский улус Золотой Орды во второй половине XIII – начале XV века: историко-археологический очерк // *Stratum plus: archaeology and cultural anthropology*. – 2016. – № 6. – С. 107–149.

46. Руденко К. А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: сб. статей. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 36–66.

47. Руденко К. А. О специфике этнокультурной ситуации в VI–VIII вв. в правобережье среднего течения Волги (по материалам Тетюшского II городища) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. – Казань: Отечество, 2014. – С. 395–398.

48. Руденко К. А. О магических и культовых предметах именьковской культуры: к вопросу о мировоззрении населения Казанского Поволжья в эпоху Великого переселения народов // Мировоззрение населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. VII. – С. 106–128.

49. Руденко К. А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – № 2. – С. 58–74.

50. Руденко К. А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. – 2013. – № 2. – С. 19–41.

51. Руденко К. А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: мат-лы межд. полевого симпозиума, посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова. – Ижевск-Глазов: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1999. – С. 73–102.

52. Руденко К. А. Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения

средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Вып. VI. – С. 72–101.

53. Руденко К. А., Нечвалода А. И. Портретная антропологическая реконструкция по черепу и краниология погребения из могильника на II Тетюшском городище // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 3. – С. 126–149.

54. Семёнов Ю. В. Первые этапы христианизации восточно-финских народов (доимперский период) // Вестник Чувашияского университета. – 2009. – № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pervye-etapy-hristianizatsii-vostochno-finskih-narodov-doimperskiy-period>.

55. Семькин Ю. А. «Чёртов городок» – протогородской центр ранней Волжской Болгарии // Государственность восточных болгар IX–XIII вв. Материалы международной конф. – Чебоксары: Таус, 2012. – С. 265–275.

56. Семькин Ю. А. Новослободская группа памятников в Ульяновской области (к проблеме седентаризации раннесредневековых кочевников в Среднем Поволжье) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/arh_semikin.htm.

57. Ситдинов А. Г. Историческая география Среднего Поволжья: вторая половина XIV – первая половина XV в. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы VII международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. – Казань – Ялта – Кишинёв: Stratum Plus, 2016. – С. 135–140.

58. Старостин П. Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: КГУ, 1986. – С. 90–104.

59. Старостин П. Н. Этно-культурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: б.и., 1971. – С. 37–54.

60. Сташенков Д. А. Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке // Поволжская археология. – 2016. – № 3. – С. 225–246.

61. Стойнев А. О. О духовной культуре праболгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья: сборник научных трудов. – Казань: б.и., 1984. – С. 108–123.

62. Фасхутдинов А. Н. Два креста-энколпиона из окрестностей города Болгара // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Тезисы научной конференции, посвященной 100-летию А. П. Смирнова. – Болгар: б.и., 1999. – С. 94–95.

63. Фахрутдинов Р. Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) / Советская археология. – 1984. – № 4. – С. 90–108.

64. Фоякова Н. А. К семантике шиловских пластин // Поволжская археология. – 2013. – № 1. – С. 166–180.
65. Халикова Е. А. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 205–211.
66. Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: б.и., 1971. – С. 64–93.
67. Хлебникова Т. А. Древнерусское поселение в Болгарах // Краткие сообщения Института истории материальной истории. Вып. 62. – 1956. – С. 141–147.
68. Хузин Ф. Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань: ИЯЛИ, 1993. – С. 5–32.
69. Хузин Ф. Ш., Хамидуллин Б. Л. Ещё раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. Серия «Исторические науки». – 2013. – № 1. – С. 214–221.
70. Юсупов Р. Р., Валеев Р. М. Древний Болгар – столица Волжской Булгарии и Золотой Орды: научные и творческие аспекты современного возрождения // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 1. – С. 95–101.
71. Янин В. Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1979. – С. 100–102.
72. Ярцев С. В. К проблеме появления черняховских погребений с западной ориентацией // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 29. – 2014. – № 1. – С. 28–35.
73. Ярцев С. В. О переходном периоде от язычества к христианству у варваров Северного Приазовья и предгорного Крыма 2-й половины III–IV вв. н.э. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 4. – 2007. – № 8. – С. 22–28.

III. Диссертации и авторефераты

1. Вязов Л. А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тысячелетия н.э. (по материалам именниковской культуры). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – 21 с.
2. Газимзянов И. Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии: реконструкция этногенетических процессов. Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 269 с.
3. Идиатуллин А. К. Религиозный синкретизм татар-мишарей Ульяновской области. Дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2010. – 253 с.

4. Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 55 с.
5. Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках. Дис. ... д-ра ист. наук. – Ижевск, 2006. – 544 с.
6. Малышев А. Б. Христианство в истории Золотой Орды. Дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2000. – 281 с.
7. Полухина А. Н. Славяно-финно-угорские параллели в языческих представлениях Волго-Камья. Дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 1998. – 340 с.
8. Руденко К. А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным. Дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2004. – 483 с.
9. Сташенков Д. А. Население Самарского лесостепного Поволжья I–V вв. н.э. Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2007. – 216 с.

IV. Интернет-ресурсы

1. Алексеев И. Почитание святого мученика Авраамия (Авраамия) Болгарского в Казанской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/11/26/pochitanie_svyatogo_muchenika_avraamiya_avramiya_bolgarskogo_v_kazanskoj_eparhii_vo_vtoroj_polovine_xix_nachale_xx_vv/.
2. Евсеева Л. М., Кочетков И. А., Сергеев В. Н. Живопись Древней Твери [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.orthedu.ru/nbpi/nbpi/posobia/ikonograf/ziv_drev_tveri.htm.
3. Критерии канонизации местночтимых святых в Русской Православной церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/kriterii-kanonizatsii/>.
4. Луковникова Е. Древнехристианская изобразительная символика / Альфа и Омега. № 6. 1995 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/drevnexristianskaya-izobrazitel'naya-simvolika/>.
5. Митрофан. Биография [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_1559.
6. Мученик Феодор Болгарский [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tatarstan-mitropolia.ru/all_publications/publication/?id=45701.
7. Святой колодец [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bolgar-hram.info/svyatoy-kolodets>.
8. Сергеев К. Древнерусские нательные кресты XI–XIII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kulturologia.ru/blogs/150713/18549/>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Спасский район Республики Татарстан).

БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник (с. Билярск, Алексеевский район Республики Татарстан).

ИА АН РТ – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).

НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан.

РТ – Республика Татарстан.

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина (г. Самара).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ЛИЧНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ,
НАЙДЕННЫХ НА МУРЗИХИНСКОМ СЕЛИЩЕ¹

Нагрудная бронзовая иконка прямоугольной формы с арочным завершением с петелькой в верхней части (4x2,7x0,7 см). По краю лицевой стороны идёт украшенный насечками бортик (имитация скани?). Как отметила М. Д. Полубояринова, форма иконки – прямоугольная с выступающими плечиками и округлым верхом – характерна для XII–XIII вв. На иконке изображена Богоматерь с младенцем на руках, восседающая на троне с витыми столбиками, без спинки и с сиденьем в виде подушки <...> Такие иконки носят название Печёрской Богоматери. Исследователи датировали её в целом домонгольским временем <...> близкие аналогии ей датированы XII в. <...> Очевидным прототипом этой иконки были иконки змеевики с аналогичным изображением с лицевой стороны и змеевидной композицией с обратной. На иконке с Мурзихинского селища обратная сторона гладкая, что подтверждает мнение М. Д. Полубояриновой о том, что это вторичная отливка. Считается, что такие иконки чаще всего использовались воинами <...>

Змеевик – подвеска – иконка круглой формы, диаметром 3 см (с ушком для подвешивания (общие размеры изделия: 3,4x3x0,5 см) с изображением св. Георгия. Изображение нанесено на лицевую сторону, обратная сторона гладкая. Бортик немного скошен. По краю идёт поясик из мелких кружочков. В центре – изображение всадника с копьём в правой руке, которым он пронзает извивающегося под копытами коня змея. Фигура всадника непропорционально крупная, часть изображения не проработана: практически не показана левая рука. Вокруг головы – нимб. Змей изображён извивающимся под копытами мощного коня, с раскрытой пастью, в которую вонзается разящее копьё св. Георгия. Рисунок очень чёткий и резкий; детали очень хорошо проработаны и не смазаны. Более чем вероятно, что это оригинальное изделие, а не вторичная отливка. Анализ металла показал, что подвеска сделана из меди с лигатурой из мышьяка и олова (первая может быть естественной примесью) <...>

Эта подвеска входит в круг подвесок-иконок, которые встречены на древнерусских памятниках – в Новгороде, Старой Рязани, Волковыске – и датируются практически все XII в. <...> в Новгороде такой змеевик найден в слое второй четверти – середины XII в. <...> Аналогичный им змеевик найден на Болгарском городище; М. Д. Полубояринова датировала его по аналогиям XII в. <...> Мурзихинскую находку отличает обратная сторона – на ней нет изображений и знаков. На известных змеевиках такой формы изображение на обратной стороне либо затёрто (на его месте изображался крест), либо имеется рисунок, например, клубок змей или женская голова <...>

¹ Руденко К. А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. – Казань, 2015. – С. 138–139.

Приложение 2

КАТАЛОГ ХРИСТИАНСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ФОНДОВ БГИАМЗ¹

№ п/п	Название и описание артефакта	Фотография
1.	<p>Крест нательный. Медный сплав, литьё. XII – начало XV вв., Болгарский улус Золотой Орды.</p> <p><i>Описание:</i> четырёхконечный крест с ушком для подвешивания (2,6x1,5 см – здесь и далее сначала приводится длина, потом ширина) с криновидными окончаниями и ромбом с рельефным крестом в средокрестии. Сохранность полная.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ. Экспозиция музея истории православия.</p> <p>Поступил в 1973 г. Публикуется впервые. БГИАМЗ ОФ-73/305, АРХ-17.</p>	
2.	<p>Крест нательный. Глина, лепка, стекло. XII – начало XV вв. Болгарский улус Золотой Орды.</p> <p><i>Описание:</i> миниатюрный четырёхконечный крест со штырьком в нижней части (5,5x3,5 см). Изготовлен из белой глины, покрыт глухой глазурью оливкового цвета. Имеются сколы глазури.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 1973 г. Публикуется впервые. БГИАМЗ ОФ-110/569, АРХ-24.</p>	
3.	<p>Энколпион (створка). Медный сплав, литьё. XII – начало XIII вв. Южная или Северо-Восточная Русь.</p> <p><i>Описание:</i> створка креста-энколпиона (7,6x5,1 см) с изображением в центре. Предположительно, это святой Борис, держащий в руке мученический венец. Из-за нечёткости рисунка точно атрибутировать его затруднительно.</p>	

¹ Составлен сотрудниками БГИАМЗ. Определение артефактов произведено профессором кафедры музеологии, искусствоведения, живописи и графики ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», д.и.н. Руденко К. А. Каталог выверен автором.

	<p>В круглых медальонах слева, сверху и справа – плохо различимые погрудные изображения святых. Все изображения стёрты от множественных отливок. Чистка, реставрация.</p> <p>Подъёмный материал с местонахождения Ага-Базар в Спасском районе РТ. Экспозиция музея болгарской цивилизации.</p> <p>Поступила в 1981 г.</p> <p>Публикация: Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – С. 16. Рис. 2-13.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-309/30, АРХ-123.</p>	
<p>4.</p>	<p>Крест нательный «корсунчик». Камень, выточка. XII–XIII вв. Южная Русь.</p> <p><i>Описание:</i> четырехконечный крест (5x5,5 см), равносторонний, полированный, из тёмно-серого сланца. Сохранность полная.</p> <p>Подъёмный материал со Старо-Куйбышевского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 1982 г. от Н. И. Феоктистова.</p> <p>Публикация: Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – С. 77. Рис. 29-6.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-313/42, АРХ-127</p>	
<p>5.</p>	<p>Подвеска-иконка с изображением Дмитрия Солунского. Розовый шифер, выточка. XII–XIII вв. Русь, Киев (?).</p> <p><i>Описание:</i> фрагмент верхней части (3,2x3,6 см) иконки прямоугольной формы с изображением головы святого в нимбе. На лицевой стороне по краю бортик. Изображение по пояс, в фас. У святого короткие пышные волосы, разделённые прямым пробором. Под волосами низко помещены оттопыренные уши. Окладистая борода, нос длинный, прямой, слегка расширяющийся книзу, глаза под нависшими бровями. Контур глаз обведён двойным ободком. ¼ иконки утрачена.</p> <p>Подъёмный материал с островов в акватории Куйбышевского водохранилища.</p> <p>Поступила в 1984 г. от М. М. Кавеева.</p>	

	<p>Публикация: Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – С. 20. Рис. 3-3.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-356/20, КАМ-12</p>	
<p>6.</p>	<p>Крест нательный «корсунчик». Камень, выточка. XII–XIII вв. Южная Русь.</p> <p><i>Описание:</i> четырёхконечный крест (3,5x4,3 см), шлифованный из шифера красного цвета. Окончания лопастей чуть сточены, причём у верхней лопасти сточены боковые углы, вероятно, для крепления металлической оправы. Одна из лопастей обломана.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 1995 г. от М. М. Кавеева.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-838/10, АРХ-177</p>	
<p>7.</p>	<p>Крест нательный. Глина, стекло; лепка, обжиг. XIII – начало XV вв. Болгарский улус Золотой Орды.</p> <p><i>Описание:</i> четырёхконечный крест (высота 5,3 см) из красной глины с глухой глазурью тёмно-зелёного цвета на глиняном черепке с зелёной поливой. Одна лопасть утрачена.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 1996 г. от М. М. Кавеева.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-677/1294, АРХ-177</p>	
<p>8.</p>	<p>Энколпион. Медный сплав, литьё. XIII – начало XV вв. Болгарский улус Золотой Орды.</p> <p><i>Описание:</i> верхняя часть створки четырёхконечного креста (5x3,8 см), с круглыми медальонами на окончаниях лопастей, с ушком-петелькой для подвешивания. Большая часть энколпиона утрачена; чистка, реставрация.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ. Поступил в 2002 г.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-970/268-1 (а), АРХ-377</p>	

9.	<p>Энколпион. Медный сплав, литьё. XII–XIII вв. Русь. Новгород или Тверь (?).</p> <p><i>Описание:</i> центральная часть большого одностороннего энколпиона (5x3,8 см) с изображением Распятия Христа. На окончаниях креста – круглые медальоны с изображением Богородицы и святых. ¾ креста утрачено.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 2002 г.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-970/268-2 (б), АРХ-377</p>	
10.	<p>Энколпион (крест-складень) (?). Медный сплав, литьё. XII – начало XV вв. Болгарский улус Золотой Орды.</p> <p><i>Описание:</i> фрагмент лопасти энколпиона (2x1,5 см) круглой формы с изображением фигуры святого. Сохранился небольшой фрагмент лопасти.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 2002 г.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-970/268-3 (в), АРХ-377</p>	
11.	<p>Энколпион (створка). Медный сплав, литьё. XII – начало XV вв. Волжская Болгария, Болгарский улус Золотой Орды или Русь.</p> <p><i>Описание:</i> фрагмент створки энколпиона (длина 3 см) с рельефным изображением Распятия Христа. Верхняя часть и левая лопасть утрачены. Чистка, реставрация.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 2002 г.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-970/312, АРХ-377</p>	

12.	<p>Крест нательный. Глина, лепка, обжиг. XIII – начало XV вв. Болгарский улус Золотой Орды.</p> <p><i>Описание:</i> четырёхконечный крест (3x3,2 см) бурого цвета. Одна лопасть утрачена. Загрязнение поверхности.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступил в 2004 г. от Р. З. Махмутова.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-1092/8, АРХ-405</p>	
13.	<p>Крест нательный. Глина, стекло, лепка, обжиг. Болгарский улус Золотой Орды. XIII – начало XV вв.</p> <p><i>Описание:</i> четырёхконечный крест (5x3 см), покрытый глухой тёмно-зелёной поливой. Нижняя часть без глазури. Загрязнение поверхности, сколы глазури.</p> <p>Подъёмный материал с археологических памятников в акватории Куйбышевского водохранилища в Спасском районе РТ. Поступил в 2008 г. от Д. Г. Мухаметшина.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-1276/44, АРХ-409</p>	
14.	<p>Крест нательный «корсунчик». Лазурит (?), выточка, шлифовка. Византия или Русь. XII–XIV вв.</p> <p><i>Описание:</i> четырёхконечный крест (3,9x5 см). Поступил в 1974 г. Передача из НМ РТ.</p> <p>Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ ОФ-232/16, АРХ-75</p>	
15.	<p>Крест выносной. XIII–XIV вв. Стекло, бронза, гравировка, литьё. Армения или Византия.</p> <p><i>Описание:</i> крест с трапециевидными окончаниями (22,5x11 см, вставки – 1,9x1,2 см). С лицевой стороны крест украшен пятью стеклянными вставками, расположенными в гнездах квадратной (в средокрестии) и каплевидной (на перекладинах) формы, а также четырьмя маленькими полусферическими выпуклинами</p>	

вокруг центральной вставки. По периметру креста сделана насечка в виде гравированной зигзагообразной линии, на углах перекладин – с двумя дугообразными тягами. При помощи цилиндрического штифта крест закреплён на конической втулке с восемью гранями, снабжённой в верхней части восьмигранным яблоком. Переход от яблока к втулке оформлен в виде двух ступенчатых выступов. Основание втулки украшено двумя горизонтальными выступами и желобками. Форма перекладин креста, напоминающих собой «ласточкины хвосты» с окончаниями в виде трёх округлых шариков или трилистников с закруглёнными завершениями, сближает изделие с византийскими процессионными крестами X–XII вв. из частных собраний, экспонируемыми в лондонской The Temple Gallery. Наиболее близок найденному аналогичный крест из частного лондонского собрания. В краткой аннотации к его изображению указано: «Византия. Армения. X–XII вв. 27x9 см». Кроме того, оформление окончаний перекладин креста сближает его с такими самобытными памятниками мемориального искусства, как армянские крестные камни-хачкары IX–XVII вв.

Место и дата находки: Болгарское городище в Спасском районе РТ, раскопки 2010 г. (В. С. Баранов, центральный 2 сектор).

Экспозиция музея болгарской цивилизации.

Публикация: Археологические исследования 2010: Болгар и Свияжск. – Казань. 2011. – С. 16.

БГИАМЗ ОФ-1399

16. **Энколпион.** Обратная створка. Богоматерь Асунта (Богоматерь Успения). Избранные святые.

Медный сплав, литьё. Москва или Новгород. XII – начало XIII вв.

Описание: створка энколпиона (9,9x5,5 см) с оглавием и рельефными изображениями. Крест равноконечный, лопасти завершаются круглыми медальонами с изображениями святых. В месте примыкания медальонов к лопастям отлиты парные округлые выступы. В центре креста – фигура Богоматери. По обеим сторонам от неё – надписи в несколько строк. По краю створки идет невысокий бортик. Обратная сторона с высокими бортиками, гладкая. На верхней и боковых лопастях пробиты отверстия, вероятно, при позднейшем использовании. Чистка, реставрация.

Место и дата находки: Болгарское городище в Спасском районе РТ, раскопки 2014 г. (В. Ю. Коваль, раскоп CLXXIX).

Экспозиция музея истории православия.

Публикуется впервые.

БГИАМЗ КП Вр.Хр.-321/1043

17. **Иконка нагрудная.** Камень (сланец?). Москва или Тверь. XIII – начало XIV вв.

Описание: иконка прямоугольной формы с полукруглым верхом (4,3x3,3 см). На лицевой стороне помещено рельефное изображение двух святых в рост, обратная сторона образка сколота. На поверхности – многочисленные сколы.

Подъёмный материал с местонахождения Ага-Базар в Спасском районе РТ.

Аналогии: Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – С. 20. Рис. 3-4.

Поступила в 1995 г. Закупка.

Публикуется впервые.

БГИАМЗ ОФ-654/5, КАМ-11

18.	<p>Фрагмент лампы. Стекло, вытягивание. Византия. XII–XIII вв.</p> <p><i>Описание:</i> конической формы донце сосуда из полупрозрачного зелёного стекла, на окончании которого приварен небольшой шарик. От шарика на внешней поверхности идет спиралевидный орнамент накладной нитью. Патины, $\frac{3}{4}$ утрачена.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Экспозиция музея болгарской цивилизации. Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ 689-987/259</p>	
19.	<p>Детали хоросов – церковных светильников. Бронза, литьё. Северо-Восточная Русь или Волжская Болгария. XII–XIV вв.</p> <p><i>Описание:</i> стержневидная фигурная конструкция, одна из которых (9x8 см) завершается стилизованной головой дракона. Чистка, реставрация.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Экспозиция музея болгарской цивилизации. Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ, без номера</p>	
20–22.	<p>Кресты нательные.</p> <p>Слева: четырёхконечный крест (2,5x1 см). Медный сплав. Москва или Тверь. XIII–XIV вв. Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Справа: 1) каменный четырёхконечный крест-«корсунчик» (1,5x1 см). Розовый шифер. Южная Русь. XII–XIII вв.;</p> <p>2) каменный четырёхконечный с лопастями трапециевидной и прямоугольной формы. Нижняя лопасть обломана. Лазурит. Византия (?). XII–XIII вв.</p> <p>Подъёмный материал со Старокуйбышевского и Болгарского городищ в Спасском районе РТ.</p> <p>Экспозиция музея болгарской цивилизации. Публикуются впервые.</p> <p>БГИАМЗ, без номера</p>	

23.	<p>Иконка-образок с изображением св. Стефана. Сланец, резьба. Новгород (?). XIII – начало XV вв.</p> <p><i>Описание:</i> образок овальный (2,4x1,8 см) с рельефным изображением святого. В правой руке у святого – четырёхконечный крест с расширяющимися лопастями, который он держит перед грудью. Левою рукою держит сион. Над головой показан нимб. Лицо святого вытянутое, без бороды и усов, с открытым лбом и короткой причёской. Одежда в виде туники с накинутым поверх плащом (?). На обратной стороне надпись «СТЕФАН». Сохранность полная.</p> <p>Подъёмный материал с местонахождения Ага-Базар в Спасском районе РТ.</p> <p>Поступила в 1987 г.</p> <p>Публикации: Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. – С. 20. Рис. 3-1.</p> <p>БГИАМЗ, без номера</p>	
24.	<p>Литейная форма с изображением процветшего креста. Камень (сланец?), резьба. Владимир. Конец XII – начало XIII вв.</p> <p><i>Описание:</i> каменная пластина неправильной формы с вырезанным медальоном с изображением схематичной фигуры, напоминающей крест на основе симметрично расположенных растительных побегов.</p> <p>Подъёмный материал с Болгарского городища в Спасском районе РТ.</p> <p>Экспозиция музея истории православия. Публикуется впервые.</p> <p>БГИАМЗ, без номера</p>	

Приложение 3

ПОСТЕРНЫЙ ДОКЛАД

**Баранова Вячеслава Сергеевича,
Газимзянова Ильгизара Равильевича,
Жолобова Альберта Ивановича,
Рахматуллина Наиля Равильевича**

(Казань, Кострома, Россия)

«Историко-антропологическая экспертиза
материалов погребения № 11 из раскопа 149 в Болгаре»
(II Болгарский форум, г. Казань, 23.05.2011 г.)

**Баранов В. С., сотрудник Костромского музея-заповедника,
к.и.н.**

Раскоп СXLIX. Погребение 11. Кв. XXII–XXIII/8. Глубина от уровня выявления 57–70 см. Объект выявлен во время зачистки южной части сектора Ц2 (центральный 2) на уровне материкового грунта (-47– -48 см от «0») как пятно подпрямоугольных очертаний, вытянутое по направлению запад – восток, с округлым выступом с северной стороны. Длина пятна – 184 см, ширина по западной стене – 64 см, по восточной – 72 см, в центральной части ямы – 92 см. Заполнение на фоне желтого материкового суглинка представляло собой плотный буровато-серый супесчаный грунт с мелкими фракциями песка, рыжего суглинка, серой и светло-серой супеси, измельченного древесного тлена, мелкими включениями угля. Костяк проявился в западной части могильной ямы в процессе первой выборки заполнения на глубине 6–11 см (-42 – -57 см от «0») от уровня выявления объекта как почти вертикально расположенные кости позвоночника, а затем – верхние части костей плеч на глубине 20 (правое) и 24 (левое) см (-28 – -24 см от «0»). При дальнейшей расчистке заполнения определилось следующее: покойный находился в сидячем положении, спиной к западной стенке могильной ямы. Расстояние до западной стенки – 15–16 см. Азимут 270 градусов. Основные части скелета, за некоторым исключением, расположены в анатомическом порядке. Некоторое смещение ребер, очевидно, обусловлено посмертными деформациями трупа и действием на костяк грунтовых масс. Ноги согнуты в коленях и несколько раздвинуты. Колени расположены на глубине 31 см (правое) и 34 (левое) от уровня выявления ямы (-77 – -83 от «0»). Расстояние между коленями – 44 см. Коленные чашечки смещены (очевидно, грызуны). Берцовые кости находятся почти перпендикулярно ко дну ямы, с уклоном в сторону к южной и северной стенкам. Стопы лежат *in situ* практически на дне

ямы параллельно южной и северной стенкам, находясь на расстоянии 12–14 см друг от друга. Правая на глубине 63 см (-109 от «0»), левая на глубине 61 см (-107 от «0»). Кости рук вытянуты и сложены между ног в районе таза, ладонями вниз. Пальцы левой руки лежат прямо. Указательный и средний пальцы правой руки несколько согнуты. Под них положен четырехконечный бронзовый крест – раздвоенными на концах перекладинами и восьмигранной втулкой для крепления древка. Голова покойного отделена от туловища и находится между большими берцовыми костями, теменной частью упираясь в нижнюю треть правой берцовой кости, лицом в сторону туловища, т. е. на запад. Расстояние от правой височной кости (-96 от «0») до уровня выявления могильной ямы составляет 50–53 см. У основания черепа *in situ* находятся два шейных позвонка.

После расчистки стенки могильной ямы отвесное дно плоское, расположено на глубине 64–66 см (-112– -116 см от «0»). В центральной части ямы на уровне дна на фоне материкового грунта обозначилась полоса серого рыхлого супесчаного грунта с обильными включениями бурого суглинка, песка и мелкими частыми включениями угля. Ее ширина 57 см. Данное пятно пересекало дно погребения 11 с севера на юг. Далее расчищалось как яма 1 погребения 11. Описанный грунт наблюдался до дна объекта на глубине -123 от «0». Глубина его составила 7 см. Дно плоское, стенки отвесные. Не исключено, что данный объект является следами деревянной плахи, положенной в районе ног покойного.

Газимзянов И. Р., старший научный сотрудник, заведующий лабораторией биоархеологии Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, к.и.н.

Представленный в наше распоряжение для расового анализа череп из погребения 11 (Болгар, раскоп 149) имел достаточно хорошую сохранность. Судя по зарастанию черепных швов и степени стертости зубов, а также общему состоянию посткраниального скелета, возраст погребенного оценивается как зрелый и укладывается в пределах 35–45 лет. С определением половой принадлежности субъекта возникли некоторые затруднения, связанные с невыразительным развитием мышечного микрорельефа на черепе как в области лба, так и затылка. Однако осмотр тазовых костей и других костей скелета показал, что костяк, несомненно, мужской.

По краниометрическим параметрам черепная коробка некрупных размеров, мезо-брахиокранная (основные диаметры характеризуются малыми величинами). Однако лобная кость широкая и средненаклонная в профиль, с тенденцией к покатоности. Форма черепа по вертикали определяется как пентагоноидная.

Лицевой отдел описывается как среднеширокий и средневысокий, по пропорциям относится к категории мезенных (средний). Носовое отверстие по высоте средневысокое, а по ширине достаточно узкое. По соотношению – лепторинное (узконосое). Орбиты низкие, но

относительно широкие, мезоконхные. Лицо по углам вертикальной профилировки мезогнатное, а в горизонтальной плоскости – резко профилировано на уровне орбит и скул. Переносье от дакриальных точек высокое и сильно выступающее. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Клыковая ямка глубокая. Антропологический тип черепа, несомненно, европеоидный. Большой угол выступления носа (38°), а также узкое и низкое лицо с резкой горизонтальной профилировкой могут говорить о принадлежности изучаемого субъекта к представителям южноевропейских популяций.

Сравнительный краниологический анализ черепа из погребения 11 с различными антропологическими (европеоиды, монголоиды и смешанного типа) и этнокультурными (армяне, грузины, молдаване, русские, украинцы, болгары, ногайцы и т. д.) группами при помощи метода Гейнке показал, что наиболее близкими по антропологическому типу к черепу из погребения 11 оказались именно южноевропейские популяции.

Вероятно, данный субъект был представителем одной из христианских колоний средневекового Болгара. Не исключено, что он был жителем армянской колонии, археологические следы которой прослежены в северо-западной части города (остатки христианского храма и кладбища).

Жолобов А. И., заведующий медико-криминалистическим отделением, врач, судебно-медицинский эксперт.

На основании судебно-медицинского исследования костных останков из раскопа СХLIX, погребение 11, кв. XXII–XXIII/8 2010 года на территории Болгарского городища (один скелет) прихожу к заключению:

1. Представленные кости принадлежат скелету одного человека мужского пола, ростом около 158–163 см, костный возраст которого около 35–40 лет.

При исследовании костных останков обнаружены признаки прижизненного заболевания, характерные для III-й стадии центральной формы анкилозирующего спондилоартрита (болезни Штрюмпелля – Бехтерева – Мари) с остением реберно-позвоночных суставов 3–9 грудных позвонков справа, межпозвоночных хрящей, развитием костных мостиков (синдесмофитов) между позвонками в шейном и грудном отделах позвоночного столба, преимущественно на передней и правой боковой поверхности тел позвонков. За счет вышеописанных изменений позвоночный столб деформирован – дугообразно искривлен вперед и влево на уровне грудного отдела с выпрямлением естественных изгибов.

Данное заболевание, согласно литературным данным, при жизни сопровождается снижением трудоспособности, одышкой, особенно после еды, поскольку дыхательная экскурсия грудной клетки уменьшается вследствие анкилоза реберно-позвоночных суставов, изменением осанки – больной передвигается, наклонившись вперед,

широко расставляя ноги, совершая качательные движения головой, шея фиксирована в положении наклона вперед, голова опущена вниз, подбородок касается грудины (поза просителя), поражением вегетативной нервной системы (бледность кожных покровов, повышенная потливость, стойкий дермографизм, гипертрихоз, ломкость ногтей), изменением психики (повышенная раздражительность, плаксивость, нарушение сна, депрессия).

Установлено наличие повреждения – полного поперечного перелома левого большого рожа подъязычной кости сгибательного характера. Наиболее вероятный механизм образования – воздействие травмирующей силы на концевую часть рожа с отгибанием его внутрь и формированием зоны разрыва кости по наружному краю с последующим доломом со стороны внутреннего края. Указанный механизм образования перелома характерен для ассиметричного бокового сдавления шеи. При рентгено-спектральном анализе в краях перелома левого большого рожа повышенного в сравнении с контролем содержания металлов не отмечено.

Выявлены участки окрашивания компактного вещества пястных костей и фаланг пальцев обеих рук в зеленый цвет, преимущественно на ладонной поверхности (место прилегания креста). При рентгено-спектральном анализе в области окрашивания костного вещества выявлено высокое содержание меди, свинца и повышенное в сравнении с контролем содержание цинка.

Кроме того, на позвоночном столбе обнаружен костный дефект – полное отсутствие третьего шейного позвонка при наличии всех остальных позвонков. На втором и четвертом шейных позвонках, являющихся анатомическими образованиями, ограничивающими данный дефект, каких-либо повреждений, позволяющих установить механизм его формирования, не выявлено.

Рахматуллин Н. Р., врач, судебно-медицинский эксперт Альметьевского судебно-медицинского отделения.

Для графической и пластической реконструкции по методу М. М. Герасимова нам был предоставлен мужской череп из погребения 11 (раскоп 149 на Болгарском городище).

После предварительной обработки установлено, что череп и нижняя челюсть полностью сформированные. Отмечается носоротовая вертикальная профилировка лица, черты лица относительно пропорциональные. Лобные бугры имеются, но впадины между ними нет. Границы участка порозности на глабелле не определяются, надпереносье средней ширины, надбровные дуги доходят до половины орбит. Орбиты прямоугольные, широкие, низкие. Глазницы замкнутые, надглазничные вырезки смещены к переносью, верхний край глазницы несколько завернут, острый. Высота носа большая, спинка носа узкая. Носовая вырезка острая. Сошник искривлен влево. Подносовой шип направлен вперед. Межчелюстной шов не выступает, глубина клыковых ямок более 6 мм. Ширина рта средняя

(около $\frac{1}{2}$ бигониальной ширины). Альвеолярный отросток верхней челюсти имеет мелкие дефекты по лункам 1, 4, 6 зубов справа и 1, 4, 6, 7 зубов слева, обнажением полости лунки. Прикус (вероятно) ножницеобразный. Контур нижней челюсти закруглен. Задняя часть чешуи височной кости утолщенная, сосцевидные отростки средней величины, направлены вперед и вовнутрь, с выраженным рельефом, несколько больше выражены с левой стороны. По степени зарастания швов черепа, учитывая наличие краниостеноза швов свода черепа со стороны внутренней поверхности, ориентировочно костный возраст неизвестного мужчины может быть определен в пределах 35–45 лет.

Согласно принятой антропологической методике (Балуева Т. С., Веселовская Е. В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика по краниологическим данным), определен словесный портрет. У неизвестного мужчины имелись следующие особые приметы (особенности внешнего облика, заметные окружающим): крупный наружный нос, деформация спинки носа (искривление влево).

Для выполнения графической реконструкции череп был закреплен на штативе в немецкой горизонтали и сфотографирован с расстояния двух метров с соблюдением всех рекомендаций (рассеянный свет, масштаб и т. д.). Полученное изображение распечатано в натуральном масштабе. Далее по фотографии произведена графическая реконструкция внешнего облика:

- сформированы жевательные мышцы (*m. Masseter* и *m. Temporalis*) с обеих сторон с учетом степени развития костного рельефа в местах их прикрепления, направления и массивности сосцевидных отростков, глубины височных ям, формы скуловых дуг;

- выполнен обвод контура головы, толщина покрова скорректирована в соответствии с таблицами толстот, составленными Г. В. Лебединской и Е. В. Веселовской (Институт этнологии и антропологии РАН);

- воспроизведены веки глаз с учетом формы орбит, характера краев глазниц, локализации реперных точек углов глаз;

- воспроизведен нос с учетом формы и размеров грушевидного отверстия, характера его краев, уровня нижних носовых раковин, формы и направления носовых костей, формы и направления подносового шипа, формы и размеров носового отростка лобной кости;

- воспроизведен рот с учетом размеров и направления альвеолярных отростков, размеров и формы зубной дуги, характера прикуса, прорисован фильтр с учетом взаимоположения и степени рельефности альвеол центральных верхних резцов;

- произведено построение подбородка с учетом формы и размеров подбородочного бугра;

- воспроизведены ушные раковины с учетом формы, размеров и направления сосцевидных отростков, с учетом направления чешуи височных костей, выраженности надсосцевидного рельефа, направления ветвей нижней челюсти, учтены также размеры восстановленного носа.

После графической реконструкции произведена скульптурная реконструкция головы, для чего использована гипсовая отливка черепа. Форма (матрица) черепа была сделана из гипса в кусковой форме, для чего череп был соответствующим образом подготовлен к формовке. По изготовленной форме получена гипсовая копия модели (черепа). Гипсовая форма установлена на штативе. Материалом для работы послужил скульптурный пластилин, который нанесен непосредственно на гипсовую форму черепа. В первую очередь восстановлены жевательные мышцы. В ходе дальнейшей работы реконструированы мягкие покровы головы, начиная с реконструкции мозгового отдела черепа, для чего на реперные точки черепа нанесены столбики, высота которых равна толщине мягких тканей на данных участках. Столбики соединены пластинами из пластилина, и затем пространства между ними заполнены пластилином. Далее реконструирована одна половина лица в соответствии с деталями строения черепа и имеющимися (выполненными ранее) контурными реконструкциями в профиль и в анфас, с сохраненным обводом черепа. После этого этапа работы произведена реконструкция другой половины лица с сохранением свойственной асимметрии лица. Принцип скульптурного воспроизведения тот же, что и графического.

После выполнения скульптурной реконструкции из пластилина изготовлена форма из силиконового компаунда марки СДС, нанесенного в несколько слоев непосредственно на пластилиновую реконструкцию с использованием разделителя. Поверх компаунда после окончательной вулканизации выполнен кожух из армированной ткани из двух половин, закрепленных саморезами. Изготовленная таким образом форма после фиксации залита и обкатана гипсом. После сушки готовая гипсовая скульптурная реконструкция освобождена из формы.

**АВТОР ВЫРАЖАЕТ
ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
ЗА ОКАЗАННУЮ ПОМОЩЬ
В СОЗДАНИИ ДАННОЙ КНИГИ:**

Благотворительному фонду мученика Феодора Болгарского и председателю Попечительского совета фонда отцу Владимиру Головину, клирику Свято-Авраамиевского храма (г. Болгар), за моральную и материальную поддержку;

Мухаметову Фаргату Вагизовичу, директору Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника (БГИАМЗ), за предоставленный доступ в библиотеку, музеи и фонды;

Фасхутдинову Андрею Николаевичу, заместителю директора БГИАМЗ по науке, за предоставленные материалы и консультации;

Фёдоровой Евгении Алексеевне, главному хранителю БГИАМЗ, за предоставленные материалы и доступ в фонды;

Кутуеву Анасу Абдрахмановичу, директору Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника, за предоставленный доступ в музей и фонды;

Худякову Алексею Викторовичу, научному сотруднику ИА АН РТ, за консультации;

Руденко Константину Александровичу, профессору кафедры музеологии, искусствоведения, живописи и графики Казанского государственного института культуры, доктору исторических наук, за консультации и предоставленную информацию, а также помощь в определении и датировке христианских артефактов;

Ситдикову Айрату Габитовичу, директору Института археологии Академии наук Республики Татарстан (ИА АН РТ), доктору исторических наук, за предоставленный доступ в библиотеку и фонды;

Казакову Евгению Петровичу, главному научному сотруднику отдела средневековой археологии ИА АН РТ, доктору исторических наук, за консультации и предоставленные материалы;

Губайдуллину Айрату Маратовичу, старшему научному сотруднику отдела средневековой археологии ИА АН РТ, кандидату исторических наук, за консультации;

Газимзянову Ильгизару Равильевичу, заведующему биоархеологической лабораторией ИА АН РТ, кандидату исторических наук, за консультации и предоставленные материалы;

Галимовой Мадине Шакировне, заведующей отделом первобытной археологии ИА АН РТ, кандидату исторических наук, за предоставленные материалы;

Вязову Леониду Александровичу, старшему научному сотруднику отдела первобытной археологии ИА АН РТ, кандидату исторических наук, за предоставленную информацию;

Валиеву Ренату Рафаиловичу, старшему научному сотруднику отдела средневековой археологии ИА АН РТ, кандидату исторических наук, за предоставленную информацию;

Мухаметшиной Асие Салимзановне, заведующей музеем археологии РТ;

Баранову Вячеславу Сергеевичу, старшему научному сотруднику музея археологии РТ, кандидату исторических наук, за предоставленную информацию;

Дроздовой Галине Ивановне, старшему научному сотруднику музея археологии РТ, кандидату исторических наук, за помощь в подборе и предоставлении научной литературы из библиотеки;

Назиповой Гульчачак Рахимзяновне,

генеральному директору Национального музея РТ, доктору исторических наук, за предоставленный доступ в музей и фонды;

Губайдуллиной Антонине Викторовне,

научному сотруднику отдела вещевых источников НМ РТ, за помощь в предоставлении артефактов из фондов;

Семыкину Юрию Анатольевичу,

доценту кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета, кандидату исторических наук, за консультации;

Горбунову Николаю Алексеевичу,

ассистенту кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета, за консультации, предоставленную информацию и выполнение графических изображений;

Крылову Юрию Владимировичу,

научному сотруднику Сенгилеевского историко-краеведческого музея, за предоставленную информацию;

Лисейчеву Владимиру Николаевичу,

директору Самарского областного краеведческого музея, за предоставленный доступ в фонды;

Кочкиной Анне Фёдоровне,

заведующей отделом археологии Самарского областного краеведческого музея имени П. В. Алабина, за консультации и предоставленные материалы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

— 5 —

Глава 1**ЗАРОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (VII–X вв.)**

— 11 —

1.1. Этнокультурная и религиозная картина:

финны, угры, славяне, тюрки

— 11 —

1.2. Проникновение христианских традиций в регион

— 37 —

Глава 2**СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА
В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ (XI–XV вв.)**

— 59 —

2.1. Этнокультурные и религиозные процессы
в Волжской Болгарии и Болгарском улусе Золотой Орды

— 59 —

2.2. Укрепление христианских ценностей в Среднем Поволжье

— 79 —

2.3. Веротерпимость и межконфессиональные конфликты (XIII–XV вв.)

— 110 —

Послесловие

— 137 —

Список источников и литературы

— 142 —

Список сокращений

— 154 —

Приложения

— 155 —

Научно-популярное издание

ЧИСТОПОЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ ТАТАРСТАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Бурдин Евгений Анатольевич

**ПО СЛЕДАМ СПАСИТЕЛЯ:
история христианства в Среднем Поволжье
(VII–XV вв.)**

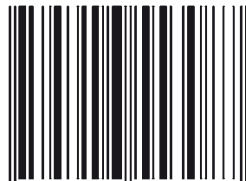
Издательство

«Корпорация технологий продвижения».
432012, Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, д. 9а, оф. 1.
Тел./факс: (8422) 38-79-08. E-mail: ktpbook@yandex.ru.

Ответственная за выпуск Винник О. К.
Редактор-корректор Егоров К. В.
Художественный редактор Василькин Н. А.
Компьютерное обеспечение издания Долговой Т. Е.

Отпечатано с электронного файла издательства в ООО «Мастер Студия».
432071, г. Ульяновск, ул. Урицкого, д. 94. Тел.: (8422) 44-55-33.
Тираж 3000 экз. Заказ № *****.

ISBN 978-5-94655-308-7

9 785946 553087